

че (Бур)
В748
19496

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ

**ВОПРОСЫ
ЛИТЕРАТУРНОГО
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА**

УЛАН-УДЭ 1963

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ

ВОПРОСЫ
ЛИТЕРАТУРНОГО
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

-19496-
-19496-
Д
137
1981

УЛАН-УДЭ 1963

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
Л. Ш. Шагдаров, У.-Ж. Ш. Дондуков

Ц. Б. ЦЫДЕНДАМБАЕВ

О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЛЕКСИКИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В бурятском языке, как и в других, на фоне общеупотребительных и в стилистическом отношении непоказательных слов выделяются пласты лексики, отличающиеся ограниченностью употребления или экспрессивными нюансами.

Так, например, наряду с общеизвестным словом *гар* «рука» употребительно риторическо-приподнятое название этого же предмета *мотор*, которое примерно соответствует русскому «десница»; наряду с обычными *нюдэн* «глаз» и *хул* «нога» еще не забыты такие их названия, как *нята* «око» и *ульмы* «ноги у богов или высокопоставленных духовных лиц». Если глагол *байха* «стоять» общеупотребителен и стилистически не выразителен, то глагол *зогсохо* с тем же значением имеет оттенок книжности, тогда как глагол *гозойхо* «стоять торчком» обладает оттенком грубости; глаголам *ошохо* «идти, отправляться», *турэхэ* «рождаться» и *эдиэхэ* «есть, кушать» можно противопоставить торжественно-риторические *заларха* «шествовать», *мүндэлхэ* «рождаться (о высокопоставленных лицах)» и *зооглохо* «принимать трапезу».

Достаточно бывает употребить во фразе хотя бы одно-два стилистически ярко выраженных слова, как эта выразительность придается всему высказыванию. Например, герой одного из рассказов Хоца Намсараева — старик Бодинсуй говорит так: — *Гулваа ноён, маша зуб айлдажа байнат*¹ «Господин (родовой) голова, Вы изволили сказать

¹ Хоца Намсараев. Суглуулагламал зохёолнууд, т. 1, Улан-Удэ, 1957, стр. 164.

совершенно верно». Несколько приподнятый тон этого отрывка из речи старика Бодинсуя по сути дела основан на слове *айлдаха* «позволить сказать что-либо, изрекать», в чем можно убедиться, заменив его другим, стилистически непоказательным синонимом *хэлэхэ* «сказать»: фраза *Гулваа ноён, маша зуб хэлэжэ байнат* просто означала бы «Господин (родовой) голова, Вы сказали совершенно верно». Приведем еще один коротенький пример: писатель Ч. Цыдендамбаев про одного из своих отрицательных персонажей пишет, что *тэрэнь гаража тонило*² «он убрался прочь». Здесь пренебрежительное отношение автора к своему персонажу передается посредством глагола *тонило* «убраться прочь», но если заменить его глаголом *ошоло* «идти, отправляться», то авторское высказывание потеряло бы эмоциональность: *тэрэнь гаража ошоло* всего лишь означало бы «он ушел (или вышел) отсюда».

Наблюдаемая сейчас стилистическая дифференцированность нашего словарного состава несомненно представляет результат длительного языкового развития и своими корнями, как видно из материалов, уходит не только в собственно бурятское прошлое, но и в общемонгольское. Во всяком случае, основные стилистические пласты словаря уже были видны в классическом письменном монгольском языке и соответственно с ним в языке, на котором написаны бурятские дореволюционные деловые бумаги, исторические хроники, учебная и переводная с тибетского и русского языков литература. В этом языке на фоне общей лексики заметно выделялись, с одной стороны, слова, стилистически приподнятые, а с другой — слова, стилистически приниженные.

Материалы, написанные нашими авторами на старописьменном монгольском языке, в массе своей относятся к периоду феодального развития Бурятии. Поэтому понятно, что и в стилистической дифференциации лексики этого языка сказалась господствующая классовая идеология того времени. Так, львиная доля слов с возвышенным колоритом использовалась для возвеличивания буддийской религии и ее духовенства, Российского самодержавия и его чиновничества, о чем свидетельствуют, в частности, следующие, часто встречавшиеся в тогдашней

² Ч. Цыдендамбаев. Бурят басаган, Улаан-Удэ, 1961, стр. 12.

литературе, выражения: *иладжу төгөс нүгчигсэн бурхандор мөргөмөй* «поклонимся всепобедившему и усопшему Бурхану», *хамуг-и мэдэги далай блама* «всеведущий Далай-лама», *орос орон-и өбэр-үн мотор-таган баригчи йэхэ дэгэдү эдзэн хаган* «Его величество государь-император, самодержец России», *хаган-у хайира* «царская милость», *өндөрлэгчи-ийн дзарлиг* «высочайший указ», *тэдэ гэгэн түйату ноян* «онн — светлейший князь», *стинэнүй дүмэ-ийн тайиша ноян-а айиладхалу* «докладывать господину тайше степной думы». Приподнятая или просто положительно окрашенная лексика не использовалась, конечно, не только в классовых интересах, но и в обычных стилистических целях. Так, вместо просторечно-разговорных *алаха* «убивать» и *үхэхэ* «пропадать,дохнуть» употреблялись эвфемизмы *хорогаху* так сказать «пускать в расход, умерщвлять» и *гардзалаху* «гибнуть, падать (о падеже скота)», вместо обычного выражения *алба түлэху* «платить подать» иногда писали в торжественном тоне *алба эргүху* «вносить дань» и т. п.

Старописьменный монгольский язык, как известно, был построен на арханческих правилах орфографии, в нем сохранялся ряд устаревших грамматических форм и конструкций, употреблялось определенное количество архаизмов, поэтому он в значительной мере был оторван от живого разговорного языка и являлся, в общем, языком книжным. Тем не менее в него проникала лексика с пониженной окраской, то есть разговорные или даже просторечные слова. Об этом говорят факты употребления, в частности, таких разговорных слов, как *самаган* «жена», *бацаган* «дочь», *туранхи* «голод», *зэмсэг* «инструмент» и т. п., тогда как имеются соответствующие им литературные слова *гэргэй, хэхэн, зүд, зэбсэг*.

Унаследованная от прошлого стилистическая градация словарного состава получила дальнейшее развитие в современном литературном бурятском языке, который создавался в период социалистического строительства в нашей стране.

Стало как бы общепринятой формулой говорить, что современный литературный бурятский язык создан на базе хоринского диалекта и только. Такое понимание суживает и, следовательно, обедняет наше представление о своем литературном языке, ибо на самом деле источниками его явились: 1) старописьменный монгольский

язык, послуживший литературно-книжной основой для современного литературного бурятского языка; 2) язык устного народного творчества бурят и 3) хоринский диалект, ставшие живой разговорной основой для современного литературного бурятского языка. Вместе с тем наш литературный язык, особенно его лексика, обогащается за счет заимствования прежде всего из русского языка, а также из своих местных говоров и родственного монгольского языка. Таким образом, база современного бурятского литературного языка сильно расширилась и соответственно этому значительно богаче и сложнее стала стилистическая дифференциация его словарного состава.

Лексику бурятского языка можно подразделить на стилистически нейтральные (или общеупотребительные) слова и на стилистически дифференцированные (или ограниченно употребительные) слова.

Нейтральная в стилистическом отношении лексика оказывается наиболее широко и часто употребительной как в литературном, так и в разговорном языке. Таковы, например, следующие названия предметов и явлений: *ан* «зверь», *буу* «ружье», *бэе* «тело», *газар* «земля», *гал* «огонь», *гар* «рука», *гэр* «дом», *жэл* «год», *мал* «скот», *дэгэл* «шуба», *модон* «дерево», *морин* «лошадь», *мяхан* «мясо», *намар* «осень», *наран* «солнце», *нүхэр* «товарищ», *нюур* «лицо», *ой* «лес», *саг* «время», *үбхэн* «трава; сено», *үдэр* «день», *хонин* «овца», *хүн* «человек», *һалхин* «ветер», *һуни* «ночь», *яһан* «кость» и т. д.; названия качеств и обстоятельств: *бага* «малый», *боро* «серый», *елэ* «большой», *муу* «плохой, плохо», *сагаан* «белый», *сэбэр* «чистый», *тургэн* «быстрый, быстро», *үдаан* «медленный, медленно», *үлаан* «красный», *халуун* «жаркий, жарко», *хара* «черный», *хойно* «на севере», *хүйтэн* «холодный, холодно», *хүхэ* «спинный», *һайн* «хороший, хорошо» и т. д.; названия действий и состояний: *абаха* «брать; получать», *байха* «стоять; находиться», *гүйхэ* «бежать», *орохо* «входить; заходить», *тоолохо* «считать», *ууха* «пить», *хараха* «видеть; смотреть», *хүдэлхэ* только в знач. «двигаться», *хэхэ* «делать», *һууха* «сидеть», *эдихэ* «есть, кушать», *ябаха* «ходить; идти» и т. д. Эти и подобные им слова составляют основу всего словарного состава языка.

Дифференцированная в стилистическом отношении лексика имеет расслоение как по сфере употребления, так и по эмоциональности тона. Она прежде всего подразделяется

на группу литературно-книжных и группу разговорно-бытовых слов, которые в свою очередь состоят из более мелких подгрупп и разрядов.

Литературно-книжные слова могут быть таковыми лишь по сфере своего употребления, то есть быть просто книжными словами, но могут они еще иметь экспрессивные оттенки, то есть быть книжно-экспрессивными словами.

К книжным словам прежде всего относятся научные термины. В современном литературном бурятском языке вполне развиты общественно-политические, научно-популярные и учебно-методические термины. Они, как и вообще термины в любом другом языке, не характерны для обиходно-бытовой речи. Это, конечно, не означает, что термины не могут быть употреблены в разговорном языке. Известно, что термины встречаются в языке специалистов соответствующих областей, в докладах, лекциях и беседах, в выступлениях по радио и телевидению по определенным вопросам и т. д.

Кроме терминов, к книжным относятся и слова, употребительные только в литературно-письменном языке. Таковыми в бурятском языке являются, например, глаголы *асууха* (в разговорном языке употребительно *һураха*) «задавать вопрос, спрашивать», *соносохо* (в разг. *дуулаха*) «слушать», *хэсэхэ* (в разг. *зайха*) «бродить», имена существительные *самбар* (в разг. *дусхаа*) «доска», *сахилга* (в разг. *журам*) «дисциплина», послелог *дэргэдэ* (в разг. *хажууда*) «возле, около, при», дотор (в разг. *соо*) «внутри, в», усиленное слово *маша* (в разг. *ехэ* или *тон*) «очень, весьма» и т. п.

Некоторые книжные слова отличаются от соответствующих им разговорных вариантов главным образом фонетически и лишь в отдельных случаях — ёмкостью или отвлеченностью содержания: *дурсаха* (в разг. *дурдаха*) «вспоминать»; *дэбисхэр* «территория» (в разг. *дэбдихэр* «постель»); *үүсхэл* (в разг. *үүдхэл*) «инициатива»; *түгэс* (в разг. *түгэд*) «полный, полностью»; *зайсаха* «уклоняться, избегать» (в разг. *зайлаха* «отстраняться, отходить»); *субад* (в разг. *һубад*) «жемчуг»; *тусгаар* (в разг. *туһаар*) «особенный, особенно»; *зэбсэг* «орудие, инструмент» (в разг. *зэмсэг* «оружие; сбруя»); *эбдэхэ* «ломать; нарушать» (в разг. *эмдэхэ* «ломать, разламывать»); *дагаха* «следовать кому- или чему-

либо» (в разг. *дахаха* «идти за кем-либо»); *хугасаа* (в разг. *хухасаа*) «срок» и т. п.

Среди словообразовательных средств языка имеются суффиксы, наиболее присущие литературно-письменному языку: **-лга**, **-лта** и некоторые другие. При помощи этих суффиксов создано значительное количество именных новообразований, употребительных почти полностью лишь в литературном бурятском языке: *байгуулга* «строй; устройство», *зэбсэг жүүлгэ* «вооружение кого-либо», *машинажаруулга* «машинизация», *оньһожжоруулга* «механизация», *амжалта* «успех», *асуулта* «запрос; опрос», *туйлалта* «достижение» и т. д.

В современном литературном языке есть и заимствования из русского языка, еще не проникшие в разговорный и потому остающиеся книжными. К ним в первую очередь следует отнести русские имена прилагательные с суффиксами **-ическ-**, **-ск-**, **-онн-**, **-н-**, имена существительные женского рода на **-ца** и другие: *авиационно*, *агитационно*, *валютна*, *патриотическа*, *политехническа*, *факультетскэ*, *экономическа* и т. п.; *колхозница*, *ударница* и т. п.

Одни книжно-экспрессивные слова имеют возвышенную эмоциональную окраску, а другие — пониженную эмоциональную окраску.

К словам с возвышенной эмоциональной окраской относятся: а) торжественно-риторические слова: *бараалхаха* «быть на приеме у высокопоставленного лица, получать аудиенцию» (ср. *уулзаха* «встречаться»), *бэе лагшан* почтительно «самочувствие» (ср. *бэе* в знач. «здоровье»), *залирха* «угасать» (ср. *унтарха* «гаснуть, тухнуть»), *зоог* «трапеза» (ср. *хоол*, *эдеэн* «пища, кушанье»), *морилхо* «пожаловать, изволить приехать» (ср. *ерэхэ* «прибывать, являться»), *нойрсохо* «почивать» (ср. *унтаха* «спать»), *тагаалал* «кончина» (ср. *үхэл* «смерть»), *үндэрлэхэ* «пробуждаться от сна» (ср. *бодохо* «вставать»), *үргөө* «резиденция» (ср. *байра* «местопребывание, квартира»), *шэлээрхэхэ* почтительно «недомогать» (ср. *үбдэхэ* «болеть») и т. п.; б) поэтические слова и выражения: *бэдьгүү* в сочетании *бэдьгүү нюдэн* «всевидящие глаза» (ср. *хурса нюдэн* «зоркие глаза»), *жэ-гүүр* возвышенно (ср. обычное *дали*) «крылья», *номин* в сочет. *номин далаи* «лазурное море» (ср. *хүхэ далаи* «синее море»), *шэжэр* в сочет. *шэжэр алтан* «червонное золото» (ср. *улаан алтан* досл. «красное золото») и т. п.

К словам с пониженной эмоциональной окраской отно-

сятся: а) насмешливо-торжественные слова — это в большинстве своем те же торжественно-риторические слова, о которых шла речь выше, но употребленные в ироническом тоне или не к месту с целью вызвать насмешливо-комический эффект: *эсэгийн эрхэ тангил нойрһоо үндэрлөөдүй байна* «любимчик отца еще не изволил пробудиться от сна», *баабгайтай бараалхаха*³ «встретиться с его величеством медведем» и т. п.; б) книжно-несдобрительные слова и выражения: *баруунай ба зүүнэй хэлбэрил* «правый и левый уклон», *согомдохо* «читать нотацію», *хүрэнгэтэн* «капиталисты», *эбсэхэ ябадал* «примиренчество», *эзэрхэг түримхэй* «империалистический», *эзэмдэхэ* «захватывать» и т. п.

Разговорно-бытовые слова могут быть таковыми лишь по сфере своего употребления, то есть быть просто разговорными словами, но могут они еще иметь экспрессивные оттенки, то есть быть разговорно-экспрессивными словами.

Разговорные слова характеризуются простотой и безыскусственностью. Они наиболее уместны в обиходно-бытовой речи. Но бурятские разговорные слова стали широко употребительными в современном литературном языке. Тем не менее наряду с ними в литературном языке нередко бытуют книжные слова, уместные при письменном изложении, в официальной речи или риторическом высказывании. Так, например, глаголы *дууһаха* «кончать, заканчивать», *критикэлхэ* «критиковать», *үдхэхэ* «разводить, размножать», *һамарха* «плавать», имена существительные *гулабхаа* «голубь», *һүүл* в знач. «конец», относительное прилагательное *хабаата* «относящийся к чему-либо», послелог *зүгһөө* «от имени» и т. п. представляют собой разговорные слова, тогда как соответствующие им по значению глаголы *түгэсэхэ*, *шүүмжэлхэ*, *үсхэхэ*, *тамарха*, имена существительные *тагтаа*, *эсэс*, относительное прилагательное *харьяата* и послелог *үмэнһөө*, напротив, являются книжными словами.

Одни разговорно-экспрессивные слова имеют положительную эмоциональную окраску, а другие — отрицательную эмоциональную окраску.

К словам с положительной эмоциональной окраской относятся: а) почтительные обращения к старшим по

³ См.: Д. О ш о р о в. «Баабгайн табиһан бухал», «Буряад үнэн» от 23 сентября 1962 г.

родству или возрасту, к уважаемым лицам: *аби* «папа», *абга* «дядя», *абгай* «почтительное обращение: 1) к старшей сестре; 2) к старшему вообще», *абгайхан* «почтительное обращение к жене старшего брата, тетя», *ахай* «почтительное обращение: 1) к старшему брату; 2) к старшему по возрасту или уважаемому человеку», *нагаса* «почтительное обращение к отцу или дяде по матери», *эжсы* «мама» и т. п.; б) фамильярно-ласкательные слова и выражения, в том числе и отрицательные названия, употребленные с ласкательным оттенком: *баарһан* «бедняга, бедняжка», *муха* «милый, милая», *хөөрхы* «бедняга»; *жаалдамар* «бедный, бедная», *хаатаршин*, *шолмо* и *шүдхэр даһаа* одобрительно «чертенок» и т. п.; к фамильярно-ласкательным словам следует отнести и слова так называемого детского языка: *а-аа* «красиво», *ам-ам* «укусит»; опасно; *ду-дуу* или *дуудай* «лошадка, лошадь», *ду-дүү* «автомашина», *ёёё* «больно», *маадай* «овца», *мөөдэй* «корова», *мээмэй* «хлеб», *ням-ням* «кушать; вкусно», *оо-оо* «бить», *түн-түү* «лоб», *үү-ай* «брать на руки; поднимать», *һаб-һаб* «собака», *һүнгэй* «молоко», *шуушай* «коза» и т. п.; в) эвфемизмы и табуистические названия: *зайла* «производитель» (вм. *буха* «бык»), *уруу һууха* так сказать «чаще садиться» (вм. *шэ-шэхэ* «поносить»), *хүл хүндэ* дословно «с отяжелевшими ногами» (вм. *түрэхэ* «беременная», дословно «которая должна родить»), *шэнгэниинь* «жидкое» (вм. *шээһэн* «моча»); *хорхой* дословно «червь» (вм. *могой* «змея»), *һүүлтэ* дословно «хвостатый» (вм. *шоно* «волк») и т. п.

К словам с отрицательной эмоциональной окраской относятся: а) проницательные слова: *жайбархаха* «бравировать», *ларжаархаха* «чваниться», *налжарбаатий* «манерный», *синхаархаха* «вести себя вызывающе» и т. п.; б) просторечные слова и выражения: *ардадхи* «щупленький человек», *бузар* в знач. усилительного слова «ужасно»: *бузар гоё* «ужасно красивый», *бузар һайн* «ужасно хороший»; *дур-дур гэхэ* «барабанить», *зольбо* применительно к человеку «бродячий, блудный», *мааялха* «плестись», *мунинха* «залихватский человек», *мухар нюдарга* «деляга», *озохо* «чмокать» (в знач. «целовать»), *панхаруудтаха* «обанкротиться», *пудайха* «отправить прочь», *самастиилха* «соблазнить», *тарзадхи* «коротыш», *халхагар* «мешковатый», *хубаа* «паря», *һүгэхэ* «садануть; брехать», *шортоо* «напрасно» и т. п.; в) грубые слова, в том числе ругательства: *золиг* «шельма», *нохой* «сукин сын» и т. п.

Представленные здесь некоторые данные показывают, что лексика бурятского языка в стилистическом отношении достаточно разнообразна и богата.

К сожалению, нельзя сказать, чтобы к этому своему языковому достоянию мы относились внимательно и бережливо. Скорее дело обстоит наоборот, причем в этом сказалось отрицательное влияние культа личности И. В. Сталина.

Во времена культа личности настолько было внушено представление об обострении классовой борьбы в период строительства социализма, что академик Н. Я. Марр и некоторые другие лингвисты выдвинули теорию о классовости языка, а на местах, в том числе в нашей республике, в течение долгих лет развертывалась зашумительная критика против употребления якобы идеологически вредных слов.

Всячески изгонялись из сферы литературного употребления, например, слова *боти* «том», *жаса* «фонд», *замбуулин* или *замби тиб* «мир, вселенная», *зарлиг* «повеление; указ», *идхаха* «внушать; агитировать», *ниислэл* «столица», *ноён* «чиновник; начальник», *номнохо* «проповедывать; пропагандировать», *хото* «город» и т. д. Одни из них (*боти*, *жаса*, *замбуулин*, *зарлиг*, *идхаха*, *номнохо*) связывались с буддийской религией, другие (в частности, *ноён*) — с феодальным прошлым бурятского общества, а третьи (*ниислэл*, *хото*), в виду монгольского их происхождения, считались носителями панмонголистских идей!

Теперь нет необходимости доказывать, что подобного рода критика не имела под собой никакой почвы, тем более потому, что приведенные здесь и схожие с ними слова не проявляли тенденции к выпадению из словаря. Напротив, те из них, у которых оказалось устаревшее значение, в новых условиях, в условиях революционной перестройки общества, уже осмыслялись по-иному или получали дальнейшее развитие своего содержания. В этом отношении характерным является слово *ноён*, в прошлом означавшее «феодальный бурятский нойон, чиновник», но впоследствии приобретающее еще значение «начальник» и в этом своем значении весьма употребительное в современном разговорном языке.

Но критиканам не было дела до широкой употребительности слов. Так, в самый разгар этой горе-критики, во второй половине 1930-ых годов, замахивались на такие

даже слова, как *шаби* «ученик» и *багша* «учитель», на том, дескать, основании, что *шаби* — это «ученик ламы, то есть хуварак», а *багша* — это сам «учитель-лама», и с целью замены их были пущены в ход неологизмы *хурагша*, который собственно означает «учащийся», и *хурагша* — «преподаватель». Если в пределах школьного словоупотребления последние (*хурагша* и *хурагша*) в известной мере могли заменить первые (*шаби* и *багша*), то стилистически было бы совершенно недопустимой замена первых последними в таких выражениях, как «великие учителя пролетариата Маркс, Энгельс и Ленин», «ученики В. И. Ленина» и т. п.

Приходится напоминать об этих фактах потому, что в наши дни все еще встречаются выступления, направленные против восстановления в правах гражданства тех слов, которые необоснованно или во вред стилистическому богатству лексики изгонялись из литературного употребления⁴. Нам представляется, что в настоящее время могут стоять на позициях упомянутой выше горе-критики только те (особенно, если это языковеды), которые либо не сделали должных выводов из осуждения культа личности на XX и XXII съездах КПСС, либо не имеют сколько-нибудь удовлетворительного представления о лексических разнообразиях бурятского языка. Но было бы еще более огорчительно, если имеют место и то и другое: и политическое недомыслие, и фактическое незнание.

Иногда в печати можно встретить возражения против употребления стилистических вариантов слова в пределах даже разговорно-бытовых понятий. Так, например, в газете «Бурят үнэн» была опубликована заметка учителя Н. Намсараева, который совершенно неверно думает, что поэт Д. Улзытуев в своих детских стихотворениях не должен был употреблять такие стилистические варианты, как *дуудай* в знач. «конь», *мөөдэй* «корова», *маадай* «овца», *шуушы* «коза» и т. п.⁵

Но следует ли обвинять учителя-родноведа, которому никогда не приходилось слышать, что в словарном составе бурятского языка, как и в других, существуют стилисти-

⁴ См.: У. Ш. Д о н д у к о в. «За дальнейшее развитие бурятского языкознания», «Правда Бурятии» от 2 сентября 1958 г.

⁵ См.: Н. Н а м с а р а е в. «Бурят хэлээ зүбөөр үгүүлэх шухала», «Бурят үнэн» от 7 апреля 1962 г.

ческие пласты? Дело в том, что в курсе лекций по современному бурятскому языку, читаемых в Бурятском педагогическом институте и других вузах, ничего не говорится о стилистической дифференциации нашей лексики. Более того, по этому вопросу до сих пор не было ни одной даже статьи в монголоведческой литературе вообще. Вот почему здесь скорее виноваты языковеды, чем учителя.

Высказывания, так или иначе ориентирующие на сужение стилистических возможностей бурятского языка, наносили ощутимый урон языку прессы, тогда как язык художественной литературы был и остается менее подверженным подобного рода поветрию. Наиболее лучшие и плодотворные бурятские писатели и поэты Х. Намсараев, Ц. Дондубон, Б. Базарон, А. Шадаев, П. Балдано, Ц. Галсанов, Ж. Тумунов, Ч. Цыдендамбаев, Б. Батожабай, Б. Мунгонов, Д. Улзытуев и другие довольно широко и умело пользуются стилистическими средствами своего родного языка. Тем не менее в языке даже хороших наших писателей обнаруживаются некоторые стилистические погрешности.

Писатели нередко употребляют книжные слова или выражения в непринужденной разговорной речи и, тем самым, нарушают общий тон повествования. В окружении разговорной лексики довольно часто появляются следующие, например, литературно-книжные слова: *асууха*⁶ «задавать вопрос», *гадна*⁷ «кроме», *зогсохо*⁸ «стоять; останавливаться», *илангая*⁹ «в особенности», *соностохо*¹⁰ «слышаться», *тула*¹¹ «ради, из-за», *тус*¹² «данный» и т. п.

⁶ См.: П. Балдано. Шэлэгдэмэл нвсээнүүд, Улан-Удэ, 1948, стр. 6; Д. Батожабай. Багшашин хэн бэ? Улан-Удэ, 1957, стр. 41, 70, 123; Х. Намсараев. Суглуулагдамал зохёолнууд, т. 1, Улан-Удэ, 1958, стр. 173; Ч. Цыдендамбаев. Рассказууд, Улан-Удэ, 1956, стр. 11 и др.

⁷ См.: Д. Батожабай. Указ. соч., стр. 4, 9, 22, 27, 55 и др.

⁸ См.: Д. Батожабай. Указ. соч., стр. 21; Х. Намсараев. Указ. соч., стр. 55, 173, 185 и др.

⁹ См.: Д. Батожабай. Указ. соч., стр. 17; Х. Намсараев. Указ. соч., стр. 50 и др.

¹⁰ См.: Д. Батожабай. Указ. соч., стр. 21, 119; Б. Мунгонов. Харьялан урдаа Хёлгомнай, Улан-Удэ, 1960, стр. 19; Х. Намсараев. Указ. соч., стр. 220 и др.

¹¹ См.: П. Балдано. Указ. соч., стр. 6; Д. Батожабай. Указ. соч., стр. 22 и др.

¹² См.: Д. Батожабай. Указ. соч., стр. 21, 22; Ч. Цыдендамбаев. Бурят басаган, Улан-Удэ, 1961, стр. 22 и др.

Кроме того, у отдельных авторов замечаются излюбленные вспомогательные книжные слова, которые часто употребляются не к месту и потому становятся словами-паразитами. Таковыми являются книжный соединительный союз *ба «и»* у писателя Д. Батожабая, так называемые показатели подлежащего *болбол* у Х. Намсараева и *хадаа* у Ж. Тумунова.

Писатели иногда употребляют просторечные слова или выражения там, где повествование ведется в положительном или даже приподнятом тоне, что несомненно вносит диссонанс в стиль изложения. В таком употреблении встречаются, например, следующие слова: *булай* в сочетании *булай баян*¹³ «страшно богатый», *гүзээн*¹⁴ «брюхо», *озохо*¹⁵ «чмокать», *үхин*¹⁶ «девка» и т. п.

Факты стилистически ошибочного использования лексического материала вызваны, на наш взгляд, тем, что основные бурятские писатели и поэты, хорошо владея своим языком практически, еще не научились употреблять слова всесторонне осознанно и теоретически осмысленно.

В интересах дальнейшего развития современного бурятского литературного языка необходимо глубоко изучать и рационально использовать накопленные веками богатства словарного состава, тщательно соблюдать и уметь совершенствовать стилистические тонкости в употреблении дифференцированных пластов лексики.

¹³ См.: Д. Улзытуев. Ая ганга. Улан-Удэ, 1961. стр. 56 и др.

¹⁴ См.: Д. Улзытуев. Указ. соч., стр. 47 и др.

¹⁵ См.: Д. Батожабай. Барометр шуурга харуулна, Улан-Удэ, 1956, стр. 33; Д. Улзытуев. Указ. соч., стр. 25, 61 и др.

¹⁶ См.: Д. Улзытуев. Указ. соч., стр. 22; Ч. Цыдендамбаев. Минин найхан Жаргалма. «Буряад үнэн» от 16 сентября 1962 г.

К ВОПРОСУ О ПАРНЫХ СЛОВАХ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Знакомство с лингвистической литературой по ряду разносистемных языков обнаруживает, что в них парные слова либо в глубокой древности занимали определенное место в общей системе словообразования, либо еще не утратили этой функции на современном этапе развития отдельных языков. Поэтому степень значимости парных слов как словообразовательной модели и их продуктивность различна в разных языках. В некоторых индоевропейских языках остались лишь следы подобного словообразования в виде отдельных реликтов¹, в других уже утратили активную функцию словотворчества², а в третьих — еще служат активным, жизнеспособным средством образования слова, как например, в некоторых финно-

¹ А. Л. Погодин. Следы корней-основ в славянских языках, Варшава, 1903; А. А. Потебня. Из записок по грамматике русского языка, т. 3, Харьков, 1899, стр. 533. Слова типа хлеб-соль, путь-дорога, калина-малина и т. д. *Иль-моль, керки-забори*

² В языках иберийско-кавказской группы нет специальных работ, посвященных этой проблеме, но имеются отдельные упоминания в соответствующих разделах грамматики (Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, М., 1948, стр. 187). Вместе с тем, при собеседовании с самими носителями языка обнаруживается наличие парных слов и удвоенных в ряде кавказских языков. Е. А. Бокарев объясняет, что парные слова, хотя и бытуют в кавказских языках, но уже не являются живым, продуктивным типом и относятся к одному из древних словообразовательных средств.

³ Д. В. Бубрих. Эрзя-мордовская грамматика минимум, Саранск, 1947; В. И. Алатырев. Парные сложные слова, Уч. зап. Карело-финского ун-та, Петрозаводск, т. 1, 1946.

угорских³, тунгусо-маньчжурских⁴, тюркских⁵ и монгольских языках. Парные слова изучаются особенно интенсивно в тюркских языках. Наличие монографических исследований о парных словах в других языках дает очень интересный материал для сопоставления их с аналогичным явлением в монгольских языках и выявления общих черт между ними. Об этом будет сказано дальше.

Что же касается значимости парных слов в монгольских языках вообще и в бурятском в частности, можно сказать следующее:

1) В грамматиках по монгольским языкам⁶, вышедших, начиная с XIX в. вплоть до 40-х годов XX в., парные слова и удвоения не выделены особо, как таковые, в плане слово- и формообразовательного средства языка. О них имеются лишь отдельные разрозненные сведения.

2) Период после 40-х годов характеризуется тем, что в работах по монгольским языкам⁷ парные слова уже выделены как определенный грамматический прием. Этому периоду свойственно специальное рассмотрение разрабатываемой нами темы в диссертациях в связи с изучением лексического состава монгольских языков⁸, словообра-

³ Т. И. Петрова. Удвоение и парные сочетания в панайском языке.

⁴ Н. К. Дмитриев. Парные словосочетания в башкирском языке. Изв. АН СССР, Отд. гум. наук, 1930, № 7; Е. И. Убрятова. Парные слова в якутском языке, Язык и мышление, т. II, 1948; С. К. Кенесбаев. Фразеологические парные слова в казахском языке, Изв. АН Каз. ССР, серия лингв., № 82, вып. 6, 1950; А. Кайдаров. Парные слова в современном уйгурском языке, Алма-Ата, 1958; Р. А. Аганин. Повторы и устойчивые парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959.

⁶ А. Бобровников. Грамматика монгольского языка, СПб., 1835; А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849; А. Кастрен, Versuch einer Burjätischen Sprachlehre nebst Kurzem Wörterverzeichnis, Спб., 1857 и другие.

⁷ Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка, М.—Л., 1941; Б. Х. Тодаев. Грамматика современного монгольского языка, М., 1951; Ш. Б. Лувсанвандан, Дэмчигдорж. Грамматика монгольского языка, Улан-Батор, 1951; Д. Д. Амоголонов. Современный бурятский язык, Улан-Удэ, 1958; В. М. Наделяев. Грамматика современного монгольского языка (рукопись).

⁸ Т. А. Бертагаев. Лексика монгольских языков. М., 1947 (рукопись докт. дис.).

зования⁹ или же попутные замечания в связи с составом слова¹⁰. Имеются также и отдельные статьи¹¹.

Приведенный список уже свидетельствует об определенном сдвиге в этом вопросе, хотя многие стороны этой проблемы не получили должного освещения. Необходимо отметить, что об удвоении гораздо меньше сказано, чем о парных словах. Причем большинство монголистов рассматривает слова типа *саахар маахар*, *хатлээд матлээд* как парные слова или ложно-парные слова (Г. Д. Санжеев), биномы (Т. А. Бертагаев), слова-близнецы (Л. Бэшэ). Являются ли они таковыми? Нам кажется, что в этом вопросе более правильной позиции придерживается В. М. Наделяев, относя их к видоизмененному повтору. Образования типа *саахар маахар* рассматриваются нами в разделе «Удвоенные слова».

Относительно же итогов изучения парных слов монголистами более раннего периода можно сказать, что они в них видели лишь функцию множественности¹². О словообразовательной роли не упоминается.

Общим и объединяющим началом в исследовании парных слов на современном этапе является единодушное признание наличия парных существительных с обобщающим значением. Некоторые из авторов указывают на парные глаголы. Иначе говоря, исследователи попутно в связи с анализом тех или иных лингвистических явлений отмечали отдельные стороны проявления парных слов, но монографических исследований с изложением всей специфики парных слов в монгольских языках пока еще нет. Между

⁹ У.-Ж. Дондуков. Словообразование имен существительных (рукопись канд. дис.), Л., 1955.

¹⁰ Ц.-Ж. Цыдыпов. Методика преподавания состава слова, М. (рукопись канд. дис.).

¹¹ Г. Д. Санжеев. Грамматические приемы в монгольских языках, Тр. ин-та востоковедения, сб., № 2, М., 1940; Д. А. Алексеев. Обогащение словарного состава бурят-монгольского языка за советский период. Записки БМ НИИК, XX, Улан-Удэ, 1955; Л. Бэшэ. Zwillingswörter im Mongolischen, Acta Orientalia. Hung. Tomus 7, Fasc. 2—3, 1957, Budapest, стр. 199.

¹² Александр Бобровников пишет: «Некоторые существительные имена делаются множественными через прибавление к ним других существительных, имеющих сходство с ними. Например: *эх эцэг* «родитель», *хүн амитан* «человек», *нүхэр сиду* «друзья», *мал адагусан* «скот», *нүгэл хэлэнц* «грехи» (Грамматика монг. языка, 1835, стр. 27); см. также: А. Орлов. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка, Казань, 1878, стр. 45.

тем, обращает внимание необыкновенная употребительность их в живом разговорном языке, художественной литературе и языке устного народного творчества. Причем это наблюдается не только в бурятском языке. Такое же обилие и частота употребления свойственны и халха-монгольскому и калмыцкому языкам.

Учитывая то, что парные слова, как словообразовательная модель бурятского языка, еще недостаточно выявлены и поэтому в учебных пособиях слабо отражены, если не сказать большего; учитывая также и то, что парные слова имеют широкое распространение в языке, сочли нужным специально исследовать их.

В данной статье мы кратко изложим отдельные фрагменты из монографии.

Парные слова представляют собой особый тип сложных слов, образованных синтаксическим способом сочинительного соположения двух равноправных слов. Например: *һанал бодол* «мировоззрение», *һайшаал магтаал* «комплименты», *гэр байшан* «строения», *үндэр набтар* «высота», *бүдүүн нарин* «толщина» и т. д. Это копулятивные композиции.

Парные слова относятся, с одной стороны, к лексикологии, создавая новые понятия или новые оттенки понятий, тем самым пополняя лексический состав языка. А с другой стороны, при образовании парных слов используется синтаксический прием сочинительного соположения для образования новой лексической единицы. Но вместе с тем между сочетающимися компонентами парных слов нет никаких синтаксических отношений, т. е. они не определяют и не дополняют друг друга наподобие сочетаний типа: *үхэр буу* «пушка», *морин хараасгай* «ласточка-касатка» и т. п.

Следовательно, парные слова представляют особый тип лексической единицы, обладающий присущими только им свойствами. Парные слова характеризуются единством целого комплекса критериев, а именно: семантического, фонетического, морфологического и синтаксического, которые находятся в тесном взаимодействии друг с другом.

Компоненты парных слов объединены единым лексико-семантическим содержанием и подобно слову выполняют функцию одного члена предложения.

Парные слова образуются почти от всех частей речи, например: от имен существительных — *гал уһан* «стихия»

(от *гал* «огонь», *уһан* «вода»); от имен прилагательных — *хатуу бэрхэ* «трудный, тяжелый» (от *хатуу* «твердый, жесткий», *бэрхэ* «трудный»); от местоимений — *энэ тэрэ* «всякий, разный» (от *энэ* «этот», *тэрэ* «тот»); от числительных — *нэгэн хоёр* «около двух» (от *нэгэн* «один», *хоёр* «два»), *таба зургаан* «приблизительно шесть» (от *таба* «пять», *зургаан* «шесть»); от глаголов — *яларха таларха* «сверкать, светиться» (от *яларха* «светиться», *таларха* «расходиться»); от наречий — *алад саана* «далеко, далее» (от *алад* «мимо», *саана* «дальше, подальше»); от образительных слов — *һаршага һоршого* «шелестеть, шуршать»; от частиц — *бии үгы* «все, что есть» (от *бии* «есть», *үгы* «нет»): *бии үгы залуушуулые суглуулаад, тэдэндээ хэлэхэ юм* «Собрав всю молодежь, следует держать речь перед ней».

Степень продуктивности в образовании парных слов различна для каждой части речи. Если для имен существительных, прилагательных, глаголов можно считать продуктивным этот способ, то для местоимений, числительных, частиц это исключено.

Общее смысловое значение сочетания парных слов тоже различно для каждой грамматической категории. Например, для парных имен существительных свойственно суммирование, обобщение, абстрагирование; для прилагательных — тоже абстрагирование: образование отвлеченных существительных типа *будуун нарин* «толщина», *ехэ бага* «размер»; усиление качества обозначаемого признака — *гоё гоомой* «нарядный, щеголеватый»; для глаголов — длительность с оттенком повышенной экспансивности (*хэлэхэ хөөрэхэ* «говорить, поговаривать») и т. д. Безусловно, в пределах объема статьи трудно перечислить все многообразие выражаемых понятий, так как общее смысловое значение сочетания парных слов находится в прямой зависимости от характера содержания их компонентов.

Лексико-семантическая сущность парных слов характеризуется следующими признаками:

1. Взаимоотношением компонентов парного сочетания с точки зрения их смыслового содержания. Парные слова в плане лексической значимости их компонентов делятся на три группы: парные слова, состоящие из двух лексически самостоятельных слов; парные слова, состоящие из сочетания одного лексически значимого слова со словом, не употребляющимся самостоятельно; парные слова,

состоящие из двух, самостоятельно не употребляющихся слов. Из них первая группа представляет наиболее существенную и продуктивную часть парных слов.

2. Определенной сочетаемостью компонентов парных слов: в паре могут сочетаться слова либо синонимные или близкие по значению, либо антонимы, либо слова одного лексического класса.

3. Общим смысловым значением всего сочетания парных слов, о чем кратко было сказано выше.

Морфологическая сущность заключается в обязательной морфологической однородности составных частей парных слов, т. е. оба компонента относятся к одной морфологической категории. Это непереносимое и обязательное условие слов, вступающих в парное сочетание. Даже в пределах одной части речи наблюдается строго определенное тождество в разряде слов. Например, в именах существительных сочетаются либо только нарицательные, либо только собственные. В прилагательных сочетаются качественные с качественными, относительные с относительными. В местоимениях, числительных, наречиях в паре встречаются слова только однородного разряда. Также и в глаголах.

Элементами парного слова могут быть и производные и непроизводные. В отношении компонентов, состоящих из двух производных существительных, можно сказать, что здесь наблюдается тенденция к употреблению форм, т. е. либо оба компонента имеют одинаковые аффиксы, либо близкие по звучанию слова. Например, *мүрдэлгэ мүшхэлгэ, эдилгэ абалга, хангираан шэнгирээн, этигэл найдал, алдуу эндүү, уурал хаарал* и т. д.

Все словозменительные аффиксы принимают последний компонент. В древнемонгольском языке оформлялись оба компонента. Например: *Temüjin aqa-nar deu-per moγilaγu, erle boct Burqan juk qarba* «Темучин с братьями тронулись и еще до зари поднялись на Бурхан».¹³ Между тем, в современном калмыцком языке сохранилась эта древняя черта в парных словах».¹⁴ Например, в тех же

¹³ С. А. К о з н и в. Сокр. ск., стр. 219.

¹⁴ По данным А. Кайдарова, и в древнейгуьрском языке оформлялись оба компонента, а в современном — только второй, т. е. такая же картина, как и в монгольских языках. А в якутском языке, как пишет Е. П. Убрятова, оформляются оба компонента парного слова.

словах *ахнр дүүнр* оба компонента принимают форму множественного числа.

В плане фонетическом действует закон фонетического созвучия: рифма, ассонанс, аллитерация и т. д. Соблюдается определенное слоговое соотношение компонентов. Подбираются слова преимущественно с одинаковым количеством слогов.

С точки зрения синтаксических свойств парные слова характеризуются тем, что они в предложении выполняют роль одного члена предложения в зависимости от их морфологической принадлежности.

Все эти 4 критерия выступают как дополняющие друг друга признаки, но объединяются на семантической основе.

Парные слова, состоящие из слов с одним значимым компонентом (например, *хубсаһа хунар*; в современном бурятском языке нет слова *хунар*, которое бытует еще в дагурском языке в значении «одежда») или же из двух значимых компонентов, (например: *нултан халтан*, *хаа-яа*, *һаби-һоби* и т. д.) не вызывают сомнения в смысле квалификации их как парных слов.

Несколько сложнее обстоит с парными словами, состоящими из двух значимых слов. Здесь мы исключаем образования типа: *һэшхэл* (совесть), *мүнгэ танга*, возникших при посредстве заимствованных слов. Дело в том, что в бурятском языке нередко встречаются парные слова, как бы напоминающие собой однородных членов предложения, ибо те же элементы, составляющие парные слова, выступая в своем собственном значении, выполняют функцию однородных членов предложения. Тем не менее можно их отличить друг от друга, если учесть, что:

1. Парные слова передают одно единое смысловое содержание, тогда как каждый из однородных членов предложения функционирует в своем собственном значении.

2. Парные слова произносятся без паузы и без интонации перечисления, что не свойственно однородным членам предложения.

3. Формальные показатели принимает второй компонент парного слова. Например, сочетание *ахитайб дүүтэйб* нельзя относить к парным словам, т. к. здесь идет речь не вообще о братьях, родственниках, а о конкретных двух братьях—старшем и младшем. Сочетание *аха дүүтэй* будет уже парным словом, поскольку здесь передано общее значение — не старший и младший, а вообще братья, родня.

4. Парные слова в отличие от однородных членов предложения выполняют функцию одного члена предложения и не допускают вставки пояснительных слов между собой.

Таковы общие свойства парных слов в бурятском языке в предварительных, очень кратких чертах.

Наряду с этим, хотелось бы кратко коснуться вопросов образования, применения, их происхождения, их общности с другими языками и места парных слов в бурятском языке. Принцип образования парных слов в бурятском языке такой же, как и в других монгольских языках, тюркских и некоторых финно-угорских. Тюркологи¹⁵, рассматривая парные слова как живую модель словообразования в современном состоянии языка, также указывают на более древний характер их происхождения.

Парные слова в монгольских языках уходят корнями в глубокую древность языка. Было очень интересно обнаружить в древнем монгольском языке многие парные слова, большинство которых активно функционирует в современных монгольских языках. Например:

esiike eke «родители»

ayaga saba «посуда»

nisun nilbusu «слезы»

tenkis dalai «море»

endece tendece «всюду»

qulaqai qudal «воровство»

qari siri «дом, имущество»

xari sari «утварь, домашние принадлежности»

erekin omoqin «мужественный, храбрый»

Здесь приведены лишь некоторые парные слова, встречающиеся в памятниках XIII в¹⁶. Зарегистрированы они и в словаре Мукаддимат Ал-Адаба¹⁷.

¹⁵ Т. М. Г а р и п о в. Именное словообразование в башкирском литературном языке, М., 1955, автореферат канд. дис.; С. Н. М у р а т о в. Сложные имена в системе башкирского словосложения, Л., автореферат канд. дис.; Р. Б е р д ы е в. Сложные слова в современном туркменском языке, М., 1955, автореферат канд. дис.; Б. М е д а л и е в. Сложные слова в современном узбекском языке, Ташкент, 1956, автореферат канд. дис.

¹⁶ С. А. К о з ь н. Сокровенное сказание, Монгольская хроника, 1240, Юань-Чжао-биши, М.—Л., 1941, стр. 203, 217, 244, 246, 247, 262, 269, 271, 289.

¹⁷ Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб, I—II, М.—Л., 1938.

Для современного состояния языка наиболее характерно употребление парных слов в языке устного народного творчества, художественного произведения, разговорной речи. Менее всего они применяются в языке деловых, серьезных корреспонденций.

Здесь необходимо отметить одно очень важное свойство парных слов. Это касается отношения самого носителя языка к парным словам. Дело в том, что каждый носитель языка, независимо от его образовательного ценза, обладает потенциальной возможностью образовать свои парные слова, которые молниеносно придумываются им для выражения какого-либо понятия и тут же могут быть забыты им самим же. Это характерно как для бурята, так и для калмыка и монгола. Во всяком случае, парные слова представляют легко доступную форму словообразования для носителей языка. Безусловно, не всякое образование подобного характера можно считать уже парными словами, ибо для этого они должны обладать определенными свойствами лексической единицы¹⁸. Но наличие такой возможности словообразования свидетельствует об объективно существующем характере данного процесса.

Любопытно отметить, что употребление парных слов в народном эпосе имеет своеобразный характер. Обычно парные слова в бурятском языке состоят из двух компонентов и между ними невозможно вставить какое-либо пояснительное слово. Многие из них имеют свои прототипы в фольклорном произведении, но в разъединенном виде. Например:

1. Дээшээ хаража уйлаба,
Доошоо хаража зогсобо. (Нам. III. 55).
2. Ганахагуй юумые ханажа,
Һанаа зүрхэмни хүдэллэйл,
Бодохогуй юумые бодожо,
Боро зүрхэмни доһоллойл! (Н. III. 78).
3. Арай гэжэ даажа,
Ядаа гэжэ асарба. (Н. III. 84).
4. Аали һуужа асууба,
Удаан һуужа удхалба. (Н. III. 81).

¹⁸ И в этом вопросе интересно отметить общие свойства парных слов в монгольских и тюркских языках. Е. И. Убрятова пишет, что в якутском языке может быть использовано любое слово для образования парного слова, но не всякое парное слово, вызванное потребностью выразить то или иное понятие в данную минуту, обязательно становится лексической единицей (см. указ. соч., стр. 307).

В предложениях 1, 3, 4 первые слова строк представляют как бы разъединенные парные слова, каждый из компонентов которых оброс своими пояснительными словами. В предложении 2 организующим смысловым центром является *hanaхагуй бодохогуй*, которые имеют свои зависимые слова в пределах двух стихотворных строк.

В приведенных примерах фактически как будто бы нет парных слов, ибо они разъединены друг от друга целым рядом поясняющих членов предложения, но в сознании они соотнесены как парные слова. Они объединены единым значением. В целом их задачей является усиление содержания художественно-образительной сущности реализуемого значения. И именно эта смысловая парность и служит здесь организующим центром стихосложения. В теории бурятского стихосложения такой прием называется параллелизмом¹⁹. Обычно вторая часть синтаксического построения полностью повторяет мысль, высказанную в первой части предложения теми же словами, за исключением начального слова строки, которое может быть либо синонимичным или же близким к этому, либо противоположным по значению. Парность этих разобщенных компонентов единой лексической единицы особенно наглядно можно продемонстрировать на примере: *Эрюулэн байжа хараба, Тойруулан байжа үзбэ* (Н. Ш. 98).

Если реконструировать это предложение на прозаический лад, то получится: *Эрюулэн тойруулан байжа хараба үзбэ*. Иначе говоря, *эрюулэхэ тойрохо, хараха үзэхэ* обычно в языке употребляются как парные слова с общим лексическим значением. Использование же их в начале стихотворных строк способствует еще большему смысловому сближению всего комплекса сочетания.

Необходимо отметить, что сочетания потенциально парных слов не всегда бывают разъединены. В одном и том же произведении встречаются случаи разобщения и слитного употребления одних и тех же пар. Например: *Гэр тээшээ дугицууба. Доомо тээшээ дугицууба.*

Гэр доомодоо ерэбэ
Абай Гэсэр Хаан. (А. Г. 85).

¹⁹ «Под параллелизмом вообще понимается соединение минимума двух предложений или частей их путем соответствия синтаксической структуры и смысла» (Г. О. Т у д е ц о в. Бурятское стихосложение. Улан-Удэ, 1958, стр. 67).

В улигерах встречаются всевозможные варианты параллелизма. Любопытно то, что почти все парные слова, бытующие в современном разговорном и литературном бурятском языке, встречаются в улигерах, неснях и прочих жанрах фольклорной поэзии в разъединенном виде в качестве компонентов параллельных конструкций.

Но бывает и так, что компоненты парного сочетания, разъединенные друг с другом, даже утрачивают свое лексическое единство, представляя в таких случаях только синтаксический параллелизм.

Анализ парных слов в фольклорной литературе дает нам некоторые контуры происхождения парных слов. Возможность происхождения парных слов в пределах синтаксиса предполагает два пути: 1) сочетание однородных членов предложения²⁰; 2) использование приема параллелизма в народном эпосе. Во всяком случае семантический принцип подбора слов, организующих смысловый центр параллелизма, совпадает с аналогичным явлением в парных словах. Правда, здесь могло быть и обратное явление, но мы не располагаем аргументированными данными. Возможно, некоторые парные слова образовались в результате постепенного синтаксического, семантического и структурного видоизменения, но это было в прошлом развитии языка, а на данном этапе уже превратились в модель.

Другим путем возникновения парных слов является путь заимствований слов из других языков, например:

Болдогоор хэмнэжэ мяха гаргаба,
Нуураар хэмнэжэ воодхо гаргаба (Л. Г. 86).

Здесь парными являются *архи воодхо*. Последнее слово заимствовано из русского языка. Употребление заимствованного слова со словом родного языка объясняется необходимостью пояснить это новое слово. Некоторое пополнение дают и диалекты, например: *хура бороо, уур сухал, үһэ нооһон, харгы зам* и т. д.

Между тем, на лингвистической конференции в Улаан-Удэ в 1953 году раздались отдельные голоса, предостерегающие от чрезмерного увлечения словами типа *үгэ хүүр*,

²⁰ На возможность образования парных слов из однородных членов предложения впервые в тюркологии отметила Е. П. Убрятова на материале якутского языка.

хура бороо, зун нажар и т. д.²¹, объясняя это «неэкономичностью и громоздкостью». На этом же совещании Ц. Б. Цыдендамбаев²² совершенно справедливо отстаивал право на их существование, аргументируя тем, что «парные слова с давних пор вошли в плоть и кровь нашего языка». В самом деле, трудно отрицать значимость парных слов в языке, которые занимают определенное место в общей системе словообразования в ряде языков. К сожалению, они еще недостаточно изучены, поэтому для сопоставления мы располагаем материалами преимущественно тюркских языков. В итоге обнаруживается очень много сходных явлений, начиная с происхождения их, структурно-морфологической функции, кончая общностью или совпадением в области семантического подбора сочетаемых пар. Иначе говоря, для выражения общего понятия употребляются в разных языках слова с различной звуковой оболочкой, но с одним и тем же значением. Например, в бурятском, калмыцком, монгольском, уйгурском, удмуртском языках понятие «родители» образуются сочетанием отец-мать, «дети» — сочетанием сын-дочь, «братья» — старший-младший, «супруги» — жена-муж, «конечности» — рука-нога, «лицо» — вид-лицо, рот-нос и т. д.

Иногда встречаются даже слова с одинаковым звуковым составом, например:

общ. знач	бур.	уйг.	туркм.
братья	аха дүү	ака-ука ага-ини	
сестры	эгэшэ дүү	егичэ-синил	
родня	ураг садан	уран-журан	уруг-таре
крик, шум	дуу шуу	у-чу	
посуда	аяга шанага		гэп-чанах
	такша аяга	чинэ-тэхсэ	и т. д.

Как видно, один из компонентов, если не оба, совпадают и по значению, и по звуковому составу. Таких примеров совпадения встречается много, особенно в уйгурском и тувинском языках.

Поэтому для выявления всех общих черт и свойств пар-

²¹ Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка, Улан-Удэ, 1955, стр. 111.

²² Там же.

ных слов необходимо всесторонне изучить их, охватывая все жанры и области бурятского языка. Особенно плохо обстоит дело с изучением парных слов в диалектах, говорах, являющихся постоянным источником пополнения лексики литературного бурятского языка.

Использование же парных слов в прозаической художественной литературе лишь обогащает язык произведения, придавая ему образность, эмоциональную выразительность, меткость характеристики персонажа. Чем богаче язык писателя, тем искуснее он пользуется этими языковыми приемами. Это видно и по произведениям Хоца Намсараева, Ч. Цыдендамбаева и других. Особенно богат в этом отношении роман Б. Мунгонова «Хилок наш бурливый». Одним из основных художественных средств языка служат парные слова в коротеньком шуточном рассказе Н. Очирова «Веселый нрав». Например: «Үнэ жү-һөөш һамнахагүй, хубсаһа хунарааш хананхалхагүй, һамга жэмгээ голоһон борховойһон хэбэртэй налгай наһан, альбан жэльбэн юумэд ерэхэ юм». В этом предложении мы имеем 6 парных слов. Возможно, чрезмерное увлечение тоже является крайностью, но если бы один из компонентов парных слов был бы опущен, то уже несколько снизилась бы экспрессивная выразительность мысли автора. А сколько таких колоритных, удачных новообразований остается не зарегистрированными? Ведь они обогащают выразительную способность языка и находятся в активном фонде арсенала языка писателя.

Поэтому нам кажется, что необходимо составить словарь парных слов и дать его на вооружение художникам слова. В бурят-монгольско-русском словаре К. М. Черемисова зарегистрированы некоторые парные слова, но их еще недостаточно, ибо язык располагает гораздо большим количеством парных слов.

ПАРНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

В монгольских языках парное словообразование с давних пор занимало большое место. О широком использовании парных слов в ранний период развития монгольских языков свидетельствуют исторические памятники монгольской письменности, как поэма-хроника 1240 года «Сокровенное сказание монголов»¹, памятники квадратного письма второй половины XIII и первой половины XIV столетий и другие. Значительное количество парных слов зафиксировано в различных словарях и исследованиях монгольских языков, изданных в разное время².

Бурятский язык весьма богат парными словами. Наличие большого числа парных слов, относящихся к разным частям речи, объясняется своеобразным характером строя бурятского языка, в котором парное словообразование служит для выражения грамматических значений, заключающих в себе понятия собирательности, обобщенности, неопределенной совокупности и другие.

Несмотря на то, что парные существительные многочисленны и широко распространены, они в монголоведной литературе изучены еще недостаточно. Имеются всего лишь три работы, в которых парные слова рассмотрены более или менее подробно³. В других же работах находим лишь краткие высказывания об этих словах.

¹ С. А. Козин. Сокровенное сказание монголов, изд-во АН СССР, М.—Л., 1941.

² А. Mostaert. Dictionnaire ordos, I—II, Peking, 1941—1944 гг. и другие словари монгольских языков; Абай Гэсэр, изд-во АН СССР, Улан-Удэ, 1960.

³ Т. А. Бертагаев. Лексика монгольских языков (рукопись), докт. дис., Л., 1947; У.-Ж. Ш. Дондуков. Словообразование имен существительных в бурят-монгольском языке, канд.

«Сложение слов как грамматический прием... применяется чаще всего в словопроизводстве, в образовании новых слов, так называемых пар или парных слов»⁴.

«В монгольских языках, как и во многих других, имеются сложные слова, образованные путем соединения или сочетания нескольких слов без грамматических примет или соединительных гласных. Сюда относятся так называемые парные слова или биномы»⁵. «Словосложение по существу и есть парное употребление слова»⁶. «В первую очередь надо заметить, что слияние двух знаменательных слов, представляющих из себя сочетание, в сложное слово, выражающее одно понятие, является вовсе не чуждым для монгольских языков»⁷.

Таким образом, общим для этих высказываний является признание того, что парные слова в бурятском языке — это сложные слова. Признавая парные слова сложными словами, вышеуказанные авторы, по-видимому, не отрицают также наличия в бурятском языке и собственно сложных слов.

Нам представляется правильной эта точка зрения. Парные слова являются одной из разновидностей сложных слов и присущи языкам тюрко-монгольской группы. Ввиду этого, сложные слова этой группы языков по структуре и по своему орфографическому облику отличаются от сложных слов, в частности, флективных языков.

В нашу задачу не входит разбор собственно сложных слов, имеющих в литературном бурятском языке. В данной статье будут рассмотрены лишь парные существительные.

Парные существительные в бурятском языке характеризуются морфологической и синтаксической однородностью составных компонентов. Поэтому отношения между компонентами характеризуются отсутствием каких-либо подчинительных, т. е. определительных или дополнительных

дис. (рукопись), Л., 1955; L. B e s e. Zwillingswörter im Mongolischen, Acta orientalia, Tomus 7, Fasc. 2—3, Budapest, 1957.

⁴ Г. Д. С а н ж е е в. Грамматические приемы в монгольских языках, Тр. ин-та востоковедения, сб., 2, М., 1940, стр. 199.

⁵ Т. А. Б е р т а г а е в. Аморфные сочетания имен, Зап. Бурят-Монгольского ГИЯЛИ, вып. 5, Улан-Удэ, 1941.

⁶ Д. А. А л е к с е е в. Обогащение словарного состава бурят-монгольского языка за советский период, Зап. БМ НИИК, вып. 20, 1955.

⁷ Ц. Б. Цы д е н д а м б а е в. Местоназвания в монгольских языках, автореферат канд. дис., М., 1951, стр. 13.

ных связей. Например, *дэлхэй дайда* «земля» (из *дэлхэй* «мир» и *дайда* «пространство»), *hanaa сэдхэл* «мысли, думы» (из *hanaan* «мысль, дума, намерение» и *сэдхэл* «мысль, дума, настроение»), *хуяг дуулга* «воинские доспехи» (из *хуяг* «панцирь» и *дуулга* «шлем») и т. д.

Парные существительные в бурятском языке бывают только сочинительного типа, т. е. такие, в которых оба компонента связаны между собой на началах соположения.

В отличие от этого в сочетаниях морфологически однородных существительных типа, например, *модон хүрзэ* «деревянная лопата» (*модон* «дерево» и *хүрзэ* «лопата») имеется подчинительная связь определения с определяемым.

Изучение внутренней семантической связи компонентов парного слова показывает, что, помимо морфологической и синтаксической однородности, составные компоненты парного слова должны быть семантически близкими, т. е. они должны выражать родственные понятия, хотя бы они и являлись даже антонимами. Например, компоненты парного слова *убэл зун* «круглый год» составляют антонимы: *убэл* «зима» и *зун* «лето». Но они охватываются более общим понятием «время года».

В бурятском языке, таким образом, парные слова образуются посредством аналитического способа, при котором сочетающиеся компоненты парных слов являются морфологически однородными, синтаксически равноправными и семантически близкими.

Принимая во внимание значение составных элементов парных слов, можно разделить их на две следующие группы: а) парные существительные, представляющие собой сочетания компонентов с лексическим значением; б) парные существительные, второй компонент которых служит усилителем значения первого⁸.

1. Парные существительные, представляющие собой сочетания компонентов с лексическим значением

Основным признаком этой группы парных существительных является семантическая полноценность

⁸ Г. Д. Санжеев. Грамматические приемы в монгольских языках, Тр. ин-та востоковедения, сб., М., 1940, № 2, стр. 202, где он их именует ложнопарными словами.

сочетающихся компонентов. Среди них можно выделить несколько семантических подгрупп.

1. *Парные существительные, общее значение которых составляет сумму их компонентов*

Относительно данного вида парных существительных проф. Г. Д. Санжеев пишет: «Сложение дает парное слово, новое слово, в котором его составные части, состоящие из отдельных слов, как бы утрачивают свое самостоятельное значение»⁹. Примеры: *аха дүү* «братья», «братский» (из *аха* «старший» и *дүү* «младший»); *удха шанар* «значение» (из *удха* «суть, сущность» и *шанар* «качество»); *үргэ аман* «сплетня», «болтовня» (из *үргэн* «челюсть» и *аман* «рот»); *ашаг шэмэ* «продуктивность» (из *ашаг* «выгода, польза» и *шэмэ* «сок, упитанность»); *гал уһан* «стихия» (из *гал* «огонь» и *уһан* «вода»). Эти примеры показывают, что компоненты парных существительных, сочетаясь между собой, дают лексическое единство, т. е. новое значение, отличное от значений обеих частей в отдельности.

В парных существительных *ашаг шэмэ* «продуктивность» и *гал уһан* «стихия» видим образование терминов. В данном случае происходит отрыв общего синтезирующего значения от значений отдельных компонентов парного слова, что ведет к лексикализации парного существительного.

Переход этих слов в разряд терминов еще более утверждается, когда парные существительные подобного типа функционируют в предложении в качестве определения или дополнения и принимают притяжательные частицы. Например, *аха дүү республиканууд* «братские республики»; *аха дүүгэй дуран* «братское чувство»; *СССР-эй арадуудай аха дүүгэй холбоо* «братский союз народов СССР»; *аха дүүгэй ёһоор* «по-братски», «как братья»; *удха шанар олгохо* «придавать значение», *түрүү зэргын удха шанартай* «имеющий первостепенное значение»; *тэды ехэ удха шанартай бэшэ* «не имеющий сколько-нибудь серьезного значения»; *ашаг шэмэнь хэрээр дээшэлэгдэхэб* «насколько увеличится продуктивность его» и т. д.

Основным признаком семантического сращения компо-

⁹ Г. Д. Санжеев. Цит. соч., стр. 260.

цевтов парного слова акад. В. В. Виноградов считает «...его семантическую неделимость, абсолютную невыводимость значений целого из компонентов. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно — химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей»¹⁰.

2. Парные существительные, представляющие собой сочетания синонимов

Парные существительные, образованные из сочетания синонимических имен существительных, выражают в синтезе обыкновенную совокупность, множественность. Например, Ингээд байхадаа, та хоёр худаалингуудай хурим түрэ тухайдаа... хөөрэлдэхэтнай үлөөд байна гээшэ (Х.Намс.). «Таким образом, у Вас, сватов, осталось поговорить относительно свадьбы».

В приведенном предложении компоненты парного существительного *хурим түрэ* «свадьба» (из *хурим* «свадьба, свадебный пир» и *түрэ* «свадьба») являются по значению синонимами. Поэтому для выражения значения «свадьба» было бы вполне достаточно одного из этих синонимов. Однако употребление парного существительного *хурим түрэ* вместо одного из этих компонентов вносит в содержание предложения определенную стилистическую окраску. Такого рода парные существительные широко употребляются в бурятском литературном языке, например: *аян зам* «путешествие» (из *аян* «дальний путь» и *зам* «дорога»); *аян замда мордохо* «отправляться в путь-дорогу»; *ашаа тээбэри* «поклажа» (из *ашаа* «груз» и *тээбэри* «воз»); *ашаа тээбэри тээхэ* «заниматься извозом»; *утаа уняар* «дым» (из *утаан* «дым» и *уняар* «дым от лесного пожара»); *утаа уняар гаргаха* «дымокурить»; *хуби заяан* «доля, судьба, удел» (из *хуби* «доля, участь, судьба» и *заяан* «судьба»); *хуби заяагаа холбохо* «соединить судьбу» и т. д.

А. А. Потехня подобные сочетания называет тождеством. Из приводимых им примеров упомянем здесь «путь-дорога», «честь-хвала», «страсти-ужасти»¹¹.

¹⁰ В. В. Виноградов. Русский язык, М., 1947, стр. 23.

¹¹ А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике, т. 3, стр. 552.

Парные существительные, составленные из синонимических компонентов, обладают большей экспрессивностью, большей выразительностью, чем его отдельные компоненты, и характеризуются новым, усиленным значением. Например, Эхэ оройнгоо һур хүсэ дээшэлүүдхэ «увеличивать мощь своей Родины». Здесь парное существительное *һур хүсэн* «мощь, могущество», «величие» вносит в вышеприведенное предложение не только элемент стилистической окраски, но и смысловое дополнение к тому содержанию, которым обладает каждый из этих компонентов.

«Усугубление в речи одного и того же слова дает новое значение», — говорит А. А. Потебня. «Если это так, то тем более сочетание синонимов, слов различного происхождения, должно рассматриваться как средство создать новое значение¹².

Из большого количества собранных нами синонимических парных существительных нам стало очевидным, что абсолютно идентичных по значению синонимов-компонентов в парных существительных нет, за исключением некоторых групп парных существительных, где один из компонентов заимствован из другого языка.

Синонимы, являясь близкими друг к другу по значению словами, выражают не различные понятия, а скорее — лишь различные оттенки одного понятия. Например, *арга дүршэл* «умение, навык, опыт» (из *арга* «средство, возможность, способ, прием» и *дүршэл* «практика, опыт, навык»), *дүршэл шадабари* «навыки, сноровка, умение» (из *дүршэл* «практика, опыт, навык» и *шадабари* «способность, умение, сноровка, мастерство»), *шадабари мэргэжэл* «умение, опытность» (из *шадабари* «способность, умение, сноровка, мастерство» и *мэргэжэл* «профессия, специальность, квалификация»), *алдар суу* «слава, известность» (из *алдар* «имя, известность, слава» и *суу* «слава, популярность, известность»), *һанаа сэдхэл* «мысли, думы» (из *һанаан* «мысль, дума, намерение» и *сэдхэл* «мысль, дума, настроенные»).

В первом компоненте последнего парного существительного *һанаан* находим дополнительное значение «намерение», а во втором — «настроенные». Посмотрим теперь

¹² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. 3 стр. 552.

как ведут эти слова в парном и одиночном употреблении в составе предложения. Например: а) в парном употреблении: Харин мордохо ябахаяа байһан хүбүүнэйнгээ һанаа сэдхэлые зобоожо, дэмыл элдэб юумэ ... шашана шалина хаб даа (Х. Намс.). «Когда сын собирается поехать (призывается в армию), я зря терзаю его мысли, думы всякой своей болтовней»; б) в одиночном употреблении: һайн һанаан «благие намерения»; Улаан-Үдэ ошохо һанаан бии «имею намерение поехать в Улан-Удэ». Колхозойнгоо ажалай һайнаар хүгжэхэдэ, колхозник бүхэн сэдхэл дүүрэн байдаг («Буряад үнэн») «Каждый колхозник бывает в хорошем настроении, когда хорошо развивается хозяйство его колхоза».

Из приведенных примеров видно, что главные значения компонентов парного существительного сходятся между собой, а их оттенковые, т. е. побочные значения разнятся.

Кроме того, по объему содержимого понятия компоненты многих синонимичных парных существительных бывают разными. К примеру, возьмем парное синонимичное существительное *нэрэ алдар* «имя, известность, авторитет, престиж». В данном парном существительном первый компонент *нэрэ*: а) «имя, название, наименование»; б) «имя, честь, репутация, авторитет, престиж, популярность» — по своему объему понятия и обозначений гораздо шире, чем его второй компонент *алдар* «имя, известность, слава».

Иначе говоря, в компонентах парных синонимичных существительных сталкиваемся с родовыми и видовыми понятиями. Примеры: а) первый компонент парного существительного обозначает родовое понятие, второй — видовое: *арга оньһон* «спорровка, умение» (из *арга* «средство, возможность, способ, прием» и *оньһон* «приспособление»); *суглаа хурал* «собрание» (из *суглаан* «собрание» и *хурал* «съезд», «ламское богослужение»); *хорхой шэрхэг* «паразиты (у животных)» (из *хорхой* «червь» и *шэрхэг* «гнида»); *утаа уняар* «дым» (из *утаан* «дым» и *уняар* «дым от лесного пожара»); *ном һудар* «образование», «учение» (из *ном* «книга» и *һудар* «священное писание, священная книга»); *гал түүдэг* «костер» (из *гал* «огонь» и *түүдэг* «костер») и т. д.; б) первый компонент парного существительного имеет видовой признак, а второй — родовой: *хүлһэ уһан* «пот» (из *хүлһэн* «пот, испарина» и *уһан* «вода»); *хүлһэ уһан болошоһон* «весь в поту»; *шииг уһан* «влага, влажность» (из

шиг «роса» и *унан* «вода»); *гэр айл* «уулус» (из *гэр* «дом, изба» и *айл* «уулус, селение»); *аадар бороо* «проливной дождь» (из *аасар* «ливень» и *бороо* «дождь»); *яра шарха* «рана, язва» (из *яра* «порез, болячка» и *шарха* «рана»); *тооно шорой* «пыль, мусор» (из *тоонон* «пыль» и *шорой* «мусор») и т. д.

Многие из синонимов, образующих парные существительные в бурятском литературном языке, появились за счет заимствования слов из диалектной лексики самого бурятского языка, а также из лексики монгольского, тибетского, санскритского, турецкого, персидского, китайского и русского языков. При этом один из сочетающихся компонентов парного существительного — либо первый, либо второй — может быть словом заимствованным или же оба компонента — заимствованными.

Приведем примеры на образование синонимичных пар, один из компонентов которых заимствован либо из диалектной, либо из иноязычной лексики:

1) из диалектной лексики бурятского языка: *үгэ хүүр* «слово» (из *үгэ* «слово» и *хүүр* диал. «слово»); *арга хаба* «способность» (из *арга* «способ, средство, умение» и *хаба* диал. «сила»); *хаба шадал* «сила» (из *хаба* диал. «сила» и *шадал* «сила»); *арга туха* «возможность» (из *арга* «способ, средство, умение» и *туха* диал. «досуг»); *гааһан дааһан* «трубка» (из *гааһан* «трубка» и *дааһан* диал. «трубка») и т. д.;

2) из лексики монгольского языка:¹³ *хорхой шумуул* «насекомое» (из *хорхой* «червь» и *шумуул* монг. «комар»); *асар майхан* «палатки, шатры» (из *асар* монг. «палатка, шатер» и *майхан* маньчж. «палатка»); хаанаһаа хаана хүрэтэр морилжо абанабта, *нютаг үргээтнай* хаана бэлэй? — гэжэ асууна (Х. Намс.) «Где Ваша родина и откуда и до куда Вы соизволили поехать?»; Ган гасуур байжа, полинуудтань *хорхой шумуул* бии боложо, кукурузын ургасые гэмтээжэ эхилээ һэн («Буряд үнэн») «Урожай кукурузы начал страдать из-за появившихся в период засухи насекомых»;

3) один из компонентов парного существительного составляет тибетское слово¹⁴: *ороолон шүдхэр* «оборотень, упырь» (из *ороолон* тиб. «оборотень» и *шүдхэр* «черт»); *һургуули һудар* «учение, образование» (из *һургуули* «шко-

¹³ Монгол орос голъ. Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, М., 1957.

¹⁴ Я. Ш м и д т. Тибетско-русский словарь, Спб., 1843.

ла», «образование» и *худар* санс. «священное писание, священная книга»); *гүрэм мургэл* «молебен, религиозный обряд» (из *гүрэм* тиб. «ритуальная молитва» и *мургэл* «поклонение, молебен»); *халбага халиб* «инструмент для отливки пуль» (из *халбага* «ложка» и *халиб* тиб. «ложечка для отливки пуль»); *гурим заршам* «система, правопорядок» (из *гурим* (тиб. горим) «правило, порядок, обычай» и *заршам* тиб. «обыкновение, порядок, обычай»); *жаяг заршам* «дисциплина» (из *жаяг* тиб. «дисциплина» и *заршам* «обыкновение, порядок, уклад, обычай»): *ажалай жаяг заршам* «трудовая дисциплина»; *замбуулин дайда* «космос» (из *замбуулин* тиб. «мир, вселенная» и *дайда* «мир, свет, земля»); *абари араншан* «поведение, характер, нрав» (из *абари* «поведение, поступок, нрав, характер» и *араншан* тиб. «характер»); *дасан хүрээн* «дацаны» (из *дасан* «ламайский храм» тиб. *хүрээн* уст. «ламайский монастырь»).

Иногда оба компонента парного существительного составляют слова тибетского происхождения: *дасан дуган* «ламайский храм, молельня, кумирня» (из *дасан* «ламайский храм, молельня» и *дуган* «молельня»); *лама банди* «ламство» (из *лама* «буддийский монах» и *банди* «буддийский монах»); *маани мэгзэм* «молитва» (из *маани* «религиозная молитва» и *мэгзэм* «религиозная молитва») и т. д.

К этому типу парных существительных примыкают бурятские имена людей, являющиеся парными словообразованиями, где оба компонента заимствованы из тибетского языка. Например: Дамби-Жалсан, Ринчин-Содном, Гунга-Ракша, Цэбэг-Доржо Чимит-Цэрэн, Порбо-Самбу, Галин-Доржо, Бадма-Доржо и т. д.;

4) один из компонентов парного существительного составляет турецкое слово¹⁵: *шииг нойтон* «сырость, осадки» (из *шииг* (турецк. *şig*) («роса» и *нойтон* «сырость»); *балшаг буртаг* «грязь, нечистоты» (из *балшак* турецк. *balçik*) «грязь, глина» и *буртаг* «грязь, нечистоты»); *хорхой шэрхэг* «паразиты (у животных)» (из *хорхой* «червь» и *шэрхэг* (турецк. *sirke*) «гнида»); *яра шарха* «рана, язва, болячки» (из *яра* (турецк. *yara*) «рана, порез» и *шарха* «рана»);

¹⁵ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 1, гласные, Спб., 1893; Е го ж е. Указ. соч., т. 2, Спб., 1899; Е го ж е. Указ. соч., т. 3, Спб., 1905; Е го ж е. Указ. соч., т. 4, Спб., 1911; Д. А. Магазаник. Турецко-русский словарь, М., 1945; К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, М., 1940; Башкирско-русский словарь, М., 1958; Русско-узбекский словарь, М., 1954.

сасаг монсог «украшения, состоящие из кистей» (из *сасаг* (турецк. saçak) «кисть, бахрама» и *монсог* «кисть», «украшение», «бутон»); *хуули засаг* «власть» (из *хуули* «закон» и *засаг* (турецк. yasa) «закон»); *нашан шонхор* «кречет» (из *нашан* «кречет, сокол» и *шонхор* (турецк., башкирск. *шонкар*) «сокол, кречет») и т. д.

Случается, оба компонента парного существительного составляют турецкие слова: *засаг түрэ* «власть, закон» (из *засаг* (турецк. yasa «закон») «власть» и *түрэ* (турецк. tige «закон, правило») «правление»): *түрэ засаг саазада баригдаха, түмэр түдэгэ хадааһанда баригдаха* (посл.) «государственное правление держится на законе, а железо — на гвоздях»; *тооһон тоборог* «пыль, прах» (из *тооһон* (турецк. toz «пыль») «пыль» и *тоборог* (турецк. toprak) «земля, почва, грунт»): *тоборог тооһон болотор* «в пух и в прах, вдребезги»; *хумхиин тооһон* «пыль, пылинка» (из *хумхи* (турецк. кит. «песок») «песчинка, пыль» и *тооһон* (турецк. toz) «пыль» и т. д.;

5) из лексики персидского языка¹⁶: *аяг зан* «обращение, обхождение, манеры, привычки; поведение, нрав, характер» (из *аяг* «поведение, нрав» и *зан* (персидск. сан «душа, жизнь») «нрав, характер, поведение»): *аяг зангаа харуулла* «проявлять свою воспитанность, характер»; *мүнгэ танга* «деньги» (из *мүнгэн* «деньги» и *танга* (персидск. даньга) «деньги»): *мүнгэ тангаар ямар байнаш?* «Как с деньгами живешь?»; *зар тунхаг* «оповещение, объявление, обнародование» (из *зар* (персидск. заг «плач, рыдание») «оповещение, извещение, объявление» и *тунхаг* «оповещение, объявление, извещение»): *зар тунхаг табиha* «широко объявлять, оповещать о чем-либо» и т. д.;

6) из лексики китайского языка¹⁷: *салин хүлһэн* «заработная плата» (из *салин* (кит. чен-линь «жалованье, зарплата, стипендия») «зарплата» и *хүлһэн* (букв. «пот») «заработок»); *шорой шохой* «сор, мусор» (из *шорой* «пыль, мусор» и *шохой* (кит. ши-хуй «мел») «известь», мел»); *шүдэнзэ зуруул* «спички» (из *шүдэнзэ* (кит. чү-дэнз) «спички» и *зуруул* «спички»); *дэлгүүр наймаан* «рынок» (из *дэлгүүр* «рынок, базар» и *наймаан* (кит. май-май) «торговля»); *аралжаа наймаан* «мена, торговля» (из *аралжаа* «мена, тор-

¹⁶ Б. В. М и л л е р. Персидско-русский словарь, М., 1960.

¹⁷ Краткий русско-китайский словарь, М., 1957; Краткий китайско-русский словарь, М., 1953; Русско-китайский словарь, М., 1951.

говля» и *наймаан* (кит. май-май) «торговля»); Асар *майхан* татуулаад, аралжаа наймаа эрхилжэ... (Х. Намс.) «Палатки-шатры раскинув, занимаясь торговлей и продажей...» и т. д.;

7) из лексики русского языка: *унэ сэн* «цена, стоимость» (из *унэ* «цена» и *сэн* русск. «цена»); *салют мэндэ* «салют, салют-поздравление» (из *салют* русск. и *мэндэ* «привет, поздравление»); *ялхи яама* «ухабы» (из *ялхи* «ухабы» и *яама* русск. «яма»); *яама янха* «яма, ров, рвы» (из *яама* русск. «яма» и *янха* «ров») и т. д.

3. Парные существительные, представляющие собой антонимы

Примеры: *абали угэли* (или *абаса угэсэ*) «оборот (товаров, денег)» (из *абали* «кредит» и *угэли* «дебет»); *үдэр һүни* «сутки» (из *үдэр* «день» и *һүни* «ночь»); *үбэл зун* «круглый год» (из *үбэл* «зима» и *зун* «летс») и т. д.

Подобный вид парных существительных встречается в самых различных языках. Например, А. А. Потеня в своих «Записках...» пишет, что в китайском языке для обозначения расстояния употребляется сочетание двух противоположных частных: «далеко-близко», а также для веса — «тяжело-легко», для разговора — «вопрос-ответ» и т. д.¹⁸

Вышеприведенные парные существительные показывают наличие в таком парном существительном нового качества, нового значения по сравнению со значением составных частей. «Сопоставление несовместимых частных,— замечает А. А. Потеня,— не есть нарушение логического закона, а способ обозначения понятия высшего порядка, способ обобщения»¹⁹.

4. Парные существительные собирательного значения

Примеры: *буу зэбсэг* «оружия» (из *буу* «ружье» и *зэбсэг* «инструмент»); *архи тамхин* «наркотики» (из *архи* «водка» и *тамхин* «табак»); *адууһа мал* «скот» (из *адууһан* «скотина, лошадь» и *мал* «домашнее животное»); *гахай нохой*

¹⁸ А. А. Потеня. Из записок по русской грамматике, т. 3, стр. 529.

¹⁹ Там же, стр. 533.

«мелкие домашние животные» (из *гахай* «свинья» и *нохой* «собака»); *модо шулуун* «палка и тому подобное» (из *модон* «дерево» и *шулуун* «камень»); тэргэ тэмээн «телега и тому подобные перевозочные средства» (из *тэргэ* «телега» и *тэмээн* «верблюд»); *гэр мал* «хозяйство» (из *гэр* «дом» и *мал* «домашнее животное, скот»); *араатан набартан* «хищные звери» (из *араатан* «клыкастые» и *набартан* «когтистые»); *ан гүрөөл* «зверье, звери» (из *ан* «дикий зверь» и *гүрөөл* «косули») и т. д.

Объем содержимого понятия в приведенных парных существительных увеличивается не просто собирательно или суммарно, а и в известной мере синтетически.

Этот, по-видимому, очень старый способ создания новых значений, богато представленный не только в бурятском, но и во всех монгольских и тюркских языках, прошел большую и сложную семантическую историю.

Интересные примеры возникновения парных существительных с обобщенным значением приводит П. Ф. Яковлев: «В известную историческую эпоху,— пишет он,— у кабардинцев и черкес возникло птицеводство. Понадобилось слово для обозначения понятия «домашняя птица» после того, как в хозяйстве кабардинца и черкеса появилось несколько пород домашних птиц. Тогда появляется общее понятие «джэдкъаз» — «домашняя птица», составившееся из двух параллельно сочетающихся корней: «джэд» — «курица» и «къаз» — «гусь»²⁰.

По мере развития языка парные существительные наполняются все более сложным содержанием.

Примеры парных собирательных существительных, например, с компонентом *хара* (субстантивированное прилагательное) «черный» (*хун хара* «люди и тому подобное»: *хун харада бү хэлэ* «не говори никому»; *гэр харая хаража бай* «присматривай за домом и хозяйством»; *харгы хара ехэ муу* «все дороги очень плохи» и т. д.) показывают, что такие компоненты, как *хара* «черный», при определенных условиях могут превратиться в аффикс. В данном случае *хара*, основное значение которого «черный», в постпозиционном положении парного сочетания несет служебную словообразовательную функцию для обозначения соби-

²⁰ Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, М. - Л., 1948, стр. 187, раздел «Развитие слова — понятия в случае парных словосочетаний».

рательности, множественности и обобщенности, и в то же время придает экспрессивную окраску.

Внутри общей структурной модели выделяются особые структурно-лексические модели с одним общим компонентом, как это видно из вышеприведенного примера с субстантивированным прилагательным *хара*. Имеются также и другие модели: 1) с компонентом *гэр* «дом»: *гэр айлай гол дунда* «в центре улуса»; *гэр мал болохо* «обзаводиться хозяйством», «жениться», *гэр бүлэ* «семья, домоладцы»; *гэр гэхн гэжэ мэдэхэгүй, зольбороод айл зайжа ябаха, юун гэлэн хүн болоо гээшэби!* (Х. Намс.) «Что за человек, не знает никаких домашних забот и хозяйства, только ходишь-бродишь по улусу!»; 2) с компонентом *айл* «улус, семейство, семья, дом, соседи, жители одной общины»: *айл аймаг ахада хоригдохо, агта хүлэг ургада баригдаха* (посл.) «Община правится старшим, конь ловится укроком»; *айл зоной соолго нэгэн, алаг шаазгайн үүр нэгэн* (посл.) «У соседей прорубь бывает одна, а у сорок гнездо бывает одно»; 3) с компонентом *арга* «средство, возможность, способ, приём, метод, образ (действий)»: *арга хургаа бэдэрхэ* «искать средства, способы (для достижения какой-либо цели)»; *арга туха* «возможности»; *арга дүршэл* «умение, навык»; *арга шадал* «умение, сила»; *арга мүр* «выход» и т. д.

Однако такие часто употребляемые компоненты еще не являются словообразовательными аффиксами, потому что они полностью сохраняют свое лексическое значение в самостоятельном употреблении.

5. Парные существительные, представляющие по своему значению корреляты

Примеры: *гар хул* «конечности» (из *гар* «рука» и *хул* «нога»); *нюдэ аман* «лицо» (из *нюдэн* «глаза» и *аман* «рот»); *шэхэ аман* «уши» (из *шэхэн* «ухо» и *аман* «рот») и т. д.

6. Парные существительные, обозначающие собственные имена людей

Среди собственных бурятских имен наблюдаются различные имена, заимствованные из других языков. Преобладающим среди них являются имена тибетского и санскритского происхождения.

Проникновение тибетских и санскритских собственных имен связано с распространением буддийской религии среди бурятского населения.

Примеры: а) имена тибетского и санскритского происхождения, например: Даша-Жамса, Гомбо-Доржо, Цэрэн-Дондог и т. д.; б) имена тибетского и турецкого происхождения, например: Гоби-Бала, Гончиг-Бала, Цэдэн-бал, Ханда-Бал, Бал-Доржо и т. д., в которых слово *бал* (или *бала*) является тюркским словом, означающим «дитя, ребенок, младенец»²¹.

II. Парные существительные, второй компонент которых служит усилителем значения первого

В данной группе парных существительных лексическим значением наделен лишь один компонент, чаще всего первый, а второй компонент является трансформированным повтором первого. Использование данного типа парных существительных обычно связано с расширением значения первого компонента, выступающего в качестве семантического стержня всего сочетания. Трансформированный компонент придает своему основному компоненту, обладающему лексическим значением, оттенок экспрессивности, эмоциональной окрашенности, выражает фамильярное, несколько презрительное, пренебрежительное отношение говорящего.

В синтезе же компоненты данного вида парных существительных содержат семантику неопределенной совокупности, множественности предметов или обобщения с оттенком неопределенности.

Эту группу парных существительных для удобства выявления этимологических признаков компонентов подразделяем на ряд подгрупп.

1. Парные существительные, начинающиеся с гласного звука

Примеры: *арза барза* «молочная водка и что-нибудь вроде нее»; *арга хурга* «средства, возможности и что-нибудь вроде них» и т. д.

В этих примерах наблюдаем полную редупликацию

²¹ Башкирско-русский словарь, М., 1958.

первого компонента, морфологически являющегося именем существительным. При этом ко второму компоненту присоединяется либо смычный губной *б*, либо заднеязычный или увулярно-щелевой *х*, вследствие чего второй компонент теряет свое предметно-лексическое значение.

Семантика подобных парных существительных имеет собирательный характер с оттенком пренебрежения.

2. Парные существительные, начинающиеся с согласного звука

Примеры: *сай май* «чай и что-нибудь такое»; *бэлэг сэлэг* «подарок и что-нибудь вроде него» и т. д.

Здесь также происходит редупликация первого компонента посредством замены начального согласного второго компонента губно-губным *м*, переднеязычным и щелевым *с*, вследствие чего второй компонент также теряет свое предметно-лексическое значение.

Кроме того, встречается редупликация с заменой конечного согласного или даже целого слога на слог *-шо*. Например: *хоб хошо* «сплетни и тому подобное»; *хоол хошо* «пища и что-нибудь вроде нее»; *добо дошо* «холмики и что-нибудь вроде них» и т. д.

Семантика подобных парных существительных базируется в основном на первом компоненте, но при этом нельзя сбросить со счета второй компонент — трансформированный повтор первого, — который придает всему сочетанию обобщенно-собирательное значение с оттенками неопределенности или пренебрежения.

Порядок расположения компонентов в составе парного существительного

В порядке расположения компонентов в парных существительных наблюдаются следующие закономерности:

а) компонент парного существительного с меньшим количеством слогов в большинстве случаев предшествует компоненту с большим количеством слогов. Например, *ган гасуур* «засуха»; *эхэ эсэгэ* «родители»; *гал гуламта* «домашний очаг»; *аза талаан* «счастливая судьба, счастье» и т. д.;

б) компонент парного существительного с начальным гласным предшествует компоненту с начальным соглас-

ным. Например: *аша гуша* «потомки, потомство»; *архи тамхин* «спиртные напитки, наркотики»; *абья шэмээн* «слухи, молва или нечто в том же роде» и т. д.;

в) из компонентов парного существительного с начальным согласным значимый компонент предшествует менее значимому. Например: *тэргэ тэмээн* «телега и тому подобное» (из *тэргэ* «телега» и *тэмээн* «верблюд»); *модо шулуун* «палка и тому подобное» (из *модон* «дерево» и *шулуун* «камень»); *сай май* «чай и что-нибудь вроде него» и т. д.

Рассмотренные нами парные существительные позволяют сказать, что прежде всего среди них можно выделить большую группу, основным признаком которой является семантическая полнотенность компонентов, затем выделяется значительно меньшая группа, в которой один или даже оба компонента не относятся к категории самостоятельно значимых лексических единиц современного бурятского языка.

В первой группе парных существительных в большинстве случаев предшествующий компонент обозначает конкретное, частное, видовое, а последующий — общее, родовое понятие. Иначе говоря, первый компонент в большей части служит конкретизатором, уточнителем круга примеров, входящих в данный род. Например, в парном существительном *хомууд тоног* «упряжь» (из *хомууд* «хомут» и *тоног* «снаряжение, инструмент»), где второй компонент *тоног*, выражающий понятие «снаряжение», при соединении с *хомууд* «хомут» сузил свое значение до выражения «упряжи». Слово *хомууд* в данном сочетании конкретизирует, уточняет круг предметов, входящих в понятие «снаряжение, инструмент, орудие производства», выражаемое словом *тоног*, т. е. в данном парном сочетании последнее слово стало выражать узкий круг предметов, относящихся только к упряжи.

Такое же взаимоотношение находим и в других парных существительных. Например: *адууһа мал*, где второй компонент *мал* в отдельности означает «скот», «домашние животные» вообще, а в соединении со словом *адууһан* — «крупный рогатый скот».

Встречается и такая группа парных существительных, где второй компонент лишь усиливает значение первого. Например, *жаргал заяан* «счастье» (из *жаргал* «счастье» и *заяан* «судьба»); *һанаан заяан* «мысли, думы» (из *һанаан* «мысли, думы» и *заяан* «судьба»): Дари бидэ хоёр нимэ

ара үбэртэ алдартай суутай, баян бүдүүн, үнэр үргэн хүнтэй худа ураг болохобди гэжэ *hanaan* заяандаа оруулаашгүй ябаһан хоёр гээшэбди (Х. Намс.) «У нас и в мыслях-думах не было о том, что мы с Дари породнимся с таким широко известным, авторитетным и очень состоятельным человеком. В данном предложении мы наряду с различными по своему значению парными существительными находим и такие, как *hanaan zayan* «мысли, думы», *баян бүдүүн* «очень богатый», *үнэр үргэн* «состоятельный», в которых вторые компоненты являются усилителями значения первых. Посредством такого приема достигается интенсификация значения первого компонента парного существительного.

Широкое употребление в лексике бурятского языка разнообразных структурных типов парных существительных для выражения определенных лексико-грамматических значений подтверждает мысль о том, что аналитический способ образования парных слов является одним из самых продуктивных способов словообразования в бурятском языке.

О НОВЫХ ПРАВИЛАХ БУРЯТСКОЙ ОРФОГРАФИИ¹

Бурятская орфография имеет довольно длительную историю. В течение почти двухсот лет письменным языком бурят служил старомонгольский письменный язык. Орфография старомонгольского языка была выработана свыше семисот лет тому назад. Но она до сих пор почти не изменилась. Поэтому эта орфография одинаково далеко стоит от всех современных монгольских языков, совершенно чужда их произносительной системе. Поэтому еще до революции некоторые бурятские ученые пытались реформировать бурятскую письменность и ее орфографию, приблизить их к разговорно-народной речи. Но в условиях царского режима эти прогрессивные по своему характеру попытки не могли увенчаться успехом.

Лишь после Великой Октябрьской революции стало возможным провести реформу бурятского письменного языка и её орфографии. В 1931 году бурятская письменность была переведена на латинский алфавит, а орфография значительно приближена к разговорной речи бурят. Однако от старого алфавита оставались буквы **с, ч, ц, к**, не свойственные языку большинства бурят, сохранялось довольно большое количество фонетико-грамматических элементов монгольского языка. В 1936 году все эти остатки были окончательно устранены. Бурятская письменность стала соответствовать языку восточных бурят — подавляющего большинства бурятского народа.

Однако впоследствии выяснилось, что и латинизированный алфавит имеет много недостатков, в графическом

¹ См.: Буряад бэшэгэй дүрим ба словарь, Улаан-Үдэ, 1962.

отношении неудобен и не способствует, а препятствует изучению русского языка.

Поэтому в 1939 году латинизированный алфавит был заменен новым алфавитом, созданным на русской графической основе, так как русская графика наиболее полно отражает фонетическую систему бурятского языка, чем любая другая графическая система.

В связи с принятием нового алфавита были уточнены, улучшены многие старые правила орфографии и внесены некоторые новые правила в соответствии с новым алфавитом. Результатом этой большой работы, проведенной силами многих языковедов во главе с Д. Д. Амоголоновым, явилось издание «Краткого справочника по орфографии и пунктуации бурят-монгольского языка», в котором были собраны и систематизированы основные правила написания исконно бурятских и заимствованных из других, главным образом из русского языка, слов. Эти правила были утверждены Указом Президиума Верховного Совета Бурятской АССР от 29 апреля 1939 года.

Новый бурятский национальный алфавит, созданный на основе русской графической системы, в практике более чем двадцатилетнего употребления выдержал испытание временем и не нуждается в изменениях и дополнениях. Правда, Д. Д. Амоголонов неоднократно поднимал вопрос о перемене местами в алфавите и на письме букв **у** и **ү** ввиду того, что, как он утверждает, буквой **ү** обозначается заднеязычный высокого подъема звук, адекватный русскому **у** — звуку верхнего подъема, заднеязычному. Ныне же, по Д. Д. Амоголонову, буква, обозначающая русский звук **у**, имеет одинаковый облик с буквой **ү**, являющейся обозначителем заднеязычного же, но среднего подъема звука. В то же время И. Д. Бураев, экспериментально изучавший эти фонемы, утверждает, что звук, обозначаемый буквой **ү** является гласным центрального ряда и что аналогичного с этим **ү** звука в русском языке нет, а фонема **у**, по его мнению, является заднеязычным гласным. При таких разногласиях невозможно считать предложение о перемене местами букв **у** и **ү** в достаточной степени обоснованным.

Все фонемы бурятского языка имеют свое обозначение в современном алфавите, кроме заднеязычно-увулярной фонемы **нг**, относительно которой также имеются разногласия. Одни считают, что **нг** является самостоятельной

фонемой, другие же, в частности Г. Д. Санжеев, определяют этот звук как оттенок переднеязычного **н**. И. Д. Бураев на основе экспериментальных данных пришел к выводу, что **нг** является самостоятельной фонемой. Возможно, что со временем и станет вопрос об обозначении фонемы **нг** отдельной буквой. В старомонгольском алфавите эта фонема обозначалась самостоятельной буквой. В этой связи следует еще отметить, что в старомонгольском алфавите обозначались самостоятельными буквами основные оттенки некоторых фонем, что имело большое практическое значение для правильного произношения слов и отражало частичную гармонизацию согласных в монгольских языках. Речь идет об обозначении в указанном алфавите заднеязычных, увулярных, а также сильно огубленных оттенков фонем **г**, **х** самостоятельными буквами. Фонема **б** также проявляется в двух оттенках — смычном и щелевом. Употребление одного оттенка вместо другого искажает произношение бурятских слов. Так, если в словах *хубуун* «сын», *абгай* «сестра» буквы **х**, **б**, **г**, **ай** произносить как соответствующие русские фонемы, будет искажено произношение данных слов, ибо в этом случае в слове *хубуун* **х** произносится в увулярном оттенке вместо заднеязычного, **б** произносится в смычном оттенке вместо щелинного, а в слове *абгай* **г** произносится в заднеязычном оттенке вместо увулярного, **ай** произносится как дифтонг, тогда как в бурятском языке элементы этого дифтонга **а** и **и** артикуляционно сблизились до полного их слияния, что в результате дало, особенно в непервых слогах, долгий монофтонг **а**. Однако все эти оттенки, хотя они и существенны для произношения, нет, видимо, надобности отмечать самостоятельными буквами, так как они не представляют собой самостоятельных фонем. Необходимо только, чтобы об этих оттенках четко было сказано в правилах бурятской орфоэпии, которая, к сожалению, до сих пор не разработана. Так вкратце обстоит дело с графикой.

Что же касается орфографии, то практика показала, что некоторые правила «Краткого справочника...» неудачны или противоречивы; многие случаи остались не охваченными правилами, хотя основные принципы и правила, на которых зиждется бурятская орфография, проверены практикой и не нуждаются в коренных изменениях. О необходимости упорядочения, уточнения и дополнения правил бурятской орфографии, о необходимости состав-

ления нового свода правил говорилось на лингвистической конференции 1953 года, на совещании по неотложным вопросам развития литературного бурятского языка в марте 1958 года и в многочисленных статьях и выступлениях, опубликованных на страницах газеты «Буряад үнэн» и различных журналов.

В настоящее время, после того, как со времени принятия нового алфавита прошло более двадцати лет, составлены и опубликованы новые правила бурятской орфографии и пунктуации, которые также утверждены Президиумом Верховного Совета Бурятской АССР. Общие вопросы, касающиеся причин и условий составления новых правил, характера и степени изменений, внесенных в ныне действующую орфографию, освещены в статьях Ц. Б. Цыдендамбаева, опубликованных в республиканских газетах за 13 января 1962 года.

В данной же статье представляется необходимым более подробно остановиться на основных правилах бурятской орфографии, отмечая при этом изменения, дополнения и новшества, внесенные в ныне действующую орфографию. Однако, прежде чем перейти к непосредственному изложению вопроса, следует отметить то обстоятельство, что «Правила бурятской орфографии» — это итог длительной работы многих специалистов — языковедов и практических работников. В работе по составлению и улучшению правил бурятской орфографии, которая особенно интенсивно велась после революции, в разное время принимали участие Г. Ц. Цыбиков, Б. Б. Барадийн, Г. Д. Санжеев, Ч. Базарон, Б. Б. Бамбаев, Б. Болодон, М. Н. Имехенов, Д. М. Мижидон, Д. А. Абашеев, Д. Д. Амоголонов, Ж. Г. Гончиков, Д. Д. Дашиев, Д. Д. Дугар-Жабон, Б. С. Санжин, А. Лурзантайн, Ц.-Ж. Цыдыпов, Ц. Б. Цыдендамбаев, К. М. Черемисов и другие.

О построении правил

В справочнике, изданном в 1940 году, была применена схема изложения правил орфографии, принятая в флектирующих языках. Между тем, расположение правил, как нам кажется, должно отражать типологическую структуру слова данного языка. В старом справочнике в разделах «Правописание гласных», «Правописание согласных» давались правила, относящиеся и к неизменяемым основам

и правила написания производных основ, словоизменяющих и словообразующих аффиксов, т. е. не учитывался морфологический строй слова. В разделе заимствованных слов также не расчленилось правописание заимствованных основ и правила присоединения аффиксов к этим словам. Между тем основы этих слов пишутся в русской орфографии, за исключением гласных окончаний, а к этим основам присоединяются бурятские аффиксы. Оформление конечного гласного заимствованной основы и гласных в аффиксах различно: если гласные окончания заимствованных основ выпадают частично (революция — революции) или видоизменяются в другой гласный (краткие **а, о, э**), то в аффиксах употребляются все гласные — и краткие, и долгие, и дифтонги бурятского языка. Такое построение правил, когда правила рассчитаны на целое слово без расчленения его на составные части, ведет не к сознательному применению их на основе анализа строения слова, а к их механическому заучиванию. Благодаря агглютинирующей структуре, бурятское слово композиционно очень прозрачно и легко распадается на составные части — морфемы, которые в рамках целого слова строго следуют друг за другом.

По этим соображениям, в новом своде правил предложена схема, которая исходит из морфологической структуры слова: **1.** Общие правила написания бурятских слов, т. е. правила, общие как для непроеизводных основ, так и аффиксированных форм. Сюда входят правила гармонии, последовательности и перелома гласных и т. д. **2.** Правила написания непроеизводных основ исконно бурятских и заимствованных слов. **3.** Правописание аффиксированных форм. В этом разделе включены правила выпадения конечных кратких гласных основы при присоединении к основе аффиксов; даны правила написания падежных окончаний, притяжательных частиц, суффиксов множественного числа и т. д. **4.** Правописание частиц. **5.** Правила слитного, отдельного и дефисного написания слов. **6.** Аббревиатуры и сокращения слов. **7.** Прописные буквы. **8.** Перенос слов.

Перед непосредственным изложением правил в новом своде имеется раздел «Бурятский алфавит. Принципы обозначения звуков буквами». Аналогичный раздел имелся и в старом справочнике. Отличие заключается в том, что сведения о долгих, кратких гласных и дифтонгах, о деле-

нии гласных на мужские, женские и нейтральные, об обозначении гласных после мягких согласных йотированными буквами, включенные в прежнем справочнике в «Правила написания гласных», в новом своде даны во вводном разделе, так как непосредственно не являются правилами.

Общие правила (§§ 1—10)

1. В бурятском языке существует так называемая гармония гласных. Однако в некоторых случаях эта гармония нарушается. Так, например, при присоединении к глагольным основам, выражающим интенсивность, мгновенность протекания действия (суффиксы-**рхи(-хи)**,-**ша**), окончаний и суффиксов, начинающихся с долгих гласных или имеющих долгие гласные после начального согласного, нарушаются гармония и последовательность гласных, т. е. эти суффиксы и окончания в своем составе из гласных имеют только **о, оо, ё, ёо, ой**, например: ябajarхи — ябajarхёо, ябajarхёод, ябajarхёорой, ябajarхихоор, ябajarхихоор, ябajarхимсоор; эдeэдхи — эдeэдхёо, эдeэдхёорой, эдeэдхихоор, эдeэдхимсоор; гараша—гарашоо, гарашахоор, гарашамсоор и т. д.

2. Существует старое правило о том, что при наличии в первом слоге букв **ү, ю, үй, өө** в последующих слогах из долгих гласных после твердых согласных пишется **өө**, а не **ээ**, например: бүдөөр, нюдөөрэй, үйһөөр, өөдөө. Однако до этого имелись колебания в отношении исключений из этого правила. Согласно новым правилам, в эти исключения входят следующие слова: гүзээн, гүбээ, хүбээ, бүтээхэ (хэхэ), үнээ (үнээ бороо, гэрэй үнээ), үхээри. Хотя и в первом слоге этих слов содержится **ү**, в последующих слогах пишется долгое **ээ**, а не **өө**. Но в случаях, когда слова *бүтээхэ* и *үнээ* имеют соответственно значения «задушить» и «мечь», в непервых слогах этих слов пишется **өө**: ами бүтөөхэ, үнөө хиһаан.

Во всех остальных словах и их формах, имеющих в первом слоге перечисленные выше 4 согласных, в непервых слогах пишется долгое **өө**.

3. Многие слова у нас имели вариантные написания. Например, заимствованное из русского языка слово *крыльцо*, по данным К. М. Черемисова, имело следующие варианты: хэрэлсэй, хэрэлсээ, хэрэлсы, хэрэмсээ, хэрэм-

сы, хэрэнсэй, хэрэнсы, крынцээ и пр. Эти вариации в известной степени отражали различие произношения подобных слов по многочисленным говорам бурятского языка. Обсудив этот вопрос, орфографическая комиссия пришла к выводу, что при орфографировании давно заимствованных слов, имеющих разное произношение по говорам, необходимо придерживаться, во-первых, произношения слова в хоринском диалекте и, во-вторых, наиболее распространенного написания его в литературном языке. Так, для слов «крыльцо», «солома», «хомут», «огурцы» приняты написания хэрэлсы, холоомон, хомууд, үгэрсэ (см. «Орфографический словарь бурятского языка», изданный в одной книге с правилами орфографии).

Что касается вариантов написания самих бурятских слов, отражающих главным образом различие произношения по говорам, наиболее желательным признано то написание, которое отражает хоринское произношение или предпочиталось до этого в литературном языке. Из таких, например, вариантов написаний как бороо—бороон, хоншуу—хуншуу, бөөрэ—бөөри, орёохо—оройхо, шаазгай—шаажгай, хубараг—хубраг, зооглохо—зооголхо, уйгаргүй—ойгоргүй, боргооһон—бургууһан, ундан—умдан, махабад—махавууд, эмирхэ—эмэрихэ, абирха—абариха, айбала—айбали, тармуур—тармуул, гудад—годод (мяхан), араан—араа, аржыха—аржайха, арлаха—арлиха, богохо—боного, хадхалаа—хадхалая, сохо баади—Суха баади, амиды—амидии, эбдүүсэхэ—эгдүүсэхэ, хөөбэри—хөөбэр, хоргой—хургы (торгон), халиндар—халимдар, һэримжэ—һэрэмжэ, шаажан—шаазан, шоргоолзон—шоргоолжон, эбэлгэхэ—эбилгэхэ, һугалга—һухалга; дурам, дурамбай—дуран, дүрюу—дүрүү, дэлгэнэхэ—дэлэгнэхэ, дэлэннэхэ; дээбэр—дээбэри, мөөр—мөөри, нагаса—нагса, олтирог—ольтирог, халтирха—хальтарха, ольһон—ульһан, ооглохо—ооголхо, үншэн—үнэшэн, оршол—орошол, дарбинха—дарьбинха, пухальмаан—пухальмаар, хүхэ сэсэгы—хүхэ сүгсэгы, үлжөөргэнэ—бүлжөөргэнэ—предпочтение отдано первым словам.

Но двоякое написание одного и того же слова допущено в тех случаях, когда один из вариантов несет на себе дополнительную смысловую или стилистическую нагрузку. Так, слово *эбдэхэ* в зависимости от того, с какими словами сочетается, имеет следующие два написания: *эбдэхэ*

«нарушать, например, дисциплину», эмдэх «сломать». Кроме того, двойное написание допускается также для тех слов, которые, хотя и не имеют смысловых и стилистических различий, широко распространены в литературном языке и в некоторых говорах.

Двойное написание допущено, таким образом, в основном для следующих слов: адайр — адяар, айшалха — айлшалха, амиды — амида, амсаха — амһаха, андагаар — андагаари, аянга — аялга, барһан — баарһан, батаганаан — батагана, булжамар — булжамуур, зүжэг — бүжэг, бүһэгүйшүүл — бүсэгүйшүүл, бэрхээр — бэрхээг, бээрэнги — бээрэнгир, гоёмсуу — гоёнсуу, годигонохо — хотигонохо, гэшүүнэ — гэшүүгэнэ, дахаха — дагаха, дахабари — дагабари, добо — добуун, зосоо — досоо, дурасхал — дурасхаал; жаа, жаахан — заа, заахан; зүдхэхэ, зүдхэмжэ — жүдхэхэ, жүдхэмжэ; зүһэн, зүһэлхэ — жүһэн, жүһэлхэ; зүһэхэ, зүһэмэл, зүһэм — жүһэхэ, жүһэмэл, жүһэм; зөөлөөр — зөөлөнөөр, түргөөр — түргэнөөр, зугаахин — зугаахина, зугадаха — зугтааха, зууршалга — зууршалалга, урадхал — урасхал, үзүүр — изагүүр, нигэхэ — нихэ, тингэхэ — тинхэ, мардаан — магардаан, нарихан — нарихан, нөөхи — үнөөхи, нэмэхэ — нэмээхэ, обог — омог, оршон — оршом, оһол — усал, охотоно — охотоноон, руу — уруу, сан — һан, салдан — салдаган, сарьдаг — һарьдаг, түгэс — түгэд, үри (үри хүүгэд, үри шэри) — үрэ (таряанай үрэ, үрэ дүн), үдхэн — үсхэн, үдхэхэ — үсхэхэ, үүдхэхэ — үүсхэхэ, тус — туд (туд тудтаа), хахасаха — хагасаха, хабсарха — хагсарха, халдаха — хальдаха, хамаагүй — хамаяангүй, хоншоор — ханшаар, хоһон — хогоосон, готирхо — хотирхо, хуаа — ухаа (зүһэн), хугасаа — хухасаа, хурал — хураал, хурабша — хуруубша, хууха — хуйха, хэдэгэнэ — хэдэгэнээн, хэзээнэй — хэзээни, һайд (ноёд һайд) — сайд (элшэн сайд), һүйд — сүйд, һайл һаа — һайн лэ һаа, һамарха — тамарха, һудар — судар, һуга — һуха, һэнэг — сэнэг, шуһалха — шуһаалха, эбдэхэ — эмдэхэ, эбэр (үхэрэй эбэр) — үбэр (хадын үбэр, үбэртөө хэхэ), эмгэн — эмгэй, эмээхэй — мээхэй; юумэн, юумэнэй — юумэ, юумын и т. д. Вопрос о допущении двойного написания для тех или иных слов решался в каждом случае редколлегией орфографического словаря, состоявшей из пяти человек, авторов школьных учебников и сотрудников БКННН.

Правѡписание непроизводных бурятских основ (§§ 11—15)

1. В справочнике 1940 года отсутствуют какие-либо указания относительно написания дифтонга **эй** в непроизводных основах. У М. И. Имехенова и Ц. Ц. Цыдыпова сказано, что **эй** пишется только в **конечном слове** некоторых непроизводных основ². В новом своде — то же. Но в соответствующем параграфе перечислены все слова, пишущиеся с этим **эй**. Кроме того, в примечании указано о возможности проверки правильности написания **эй** путем постановки слова в родительном падеже: если данное слово принимает окончание родительного падежа **н**, то в конечном слове основы пишется **эй**, если — **-гэй**, то пишется долгое **ээ**. Например: эрбээхэй**н** — эрбээхэй, дэгээгэй — дэгээ.

2. Одним из важнейших считается правило, изложенное в 15-ом параграфе прежнего справочника. Это правило гласит, что неясные гласные в непроизводных основах имен после **р, л, м, б** не обозначаются; также не обозначаются неясные гласные перед конечными слогами **-гай, -хай**. В новом своде это правило подверглось уточнению: оно распространяется не только на имена существительные, но и на непроизводные основы глаголов и других частей речи. Примеры: дэбһэ, тэмсэ, хамһа, үргэ, үлгэ, балга, халга, үмдэ, үмхэ, булга (татаха) и т. д. Кроме того, имеется довольно большое количество слов, которые, хотя и соответствуют условиям этого правила, практически не писались и не могут писаться без редуцированных гласных. Поэтому к данному правилу дано примечание, согласно которому в середине непроизводных основ, после букв **л, м, б** перед согласными **р, н**, а также в словах **ирагуу, айбала, габала** пишутся редуцированные гласные: амараг, тэбэнэ, хүбэнэг, абари (зан), сүбэрэг, тоборог, хубараг, дээбэри, оморюун, шэмэрүүн, умара, үмэнэ, сэбэрүү, һэбэри, эбэри, зэбэрэ, бабара, абара, түбэрэ, гэмэрэ, амара, үмэри, дэбэрэ, нэмэрэ, шэбэнэ, үбэнэ и т. д. Практика уточнила, что не во всех случаях перед **-гай, -хай**, а только после букв **з, с** не пишется краткий гласный.

3. Было много неясностей в написании по-бурятски

² М. И. Имехенов, Ц. Ц. Цыдыпов. Бурят хэлэй грамматика, ч. 1, Улаан-Үдэ, 1960, стр. 18.

географических названий. В частности, в справочнике 1941 года предлагалось: «Слова, обозначающие название районов, областей, краев, республик, не переводятся, а окончания их (**ое, ая, ий**) передаются по ударному гласному основы через — **а, о, э**: Агинска округ, Свердловско область, Крымскэ АССР». Ввиду противоречивости этой рекомендации на практике получилось так, что одни географические названия писались по-бурятски (Сэлэнгэ, Хэжэнгэ, Хори и т. д.), а другие — по-русски (Улан-Удэ, Кяхта, Заиграй). По новому правилу, все бурятские географические названия оформляются по-бурятски: Лалан, Ага, Алтан-Булаг, Алташа, Алцаг, Амар (мүрэн), Анаа, Анагастай, Ангар мүрэн, Арзагуун, Армаг, Аршаан, Ахалиг, Ацагад, Ашаанга, Байгал нуур, Байгал-Худара, Билюутэ, Боом, Боохон, Бооцо (в Джиде), Борьёо, Бэрээн, Бэшүүр, Гильбэр, Гүндэ, Гүрэльбэ, Дабаата, Далхай, Дархан (курорт в Читинской области), Догно (в Еравне), Дүтэлүүр, Дэрэстэй, Дэрээн, Ехэ-Хүдэри, Жэбхээхэн, Жэмһэг, Загарай, Загастай, Захаамин, Зэдэ, Ивалга, Исэнгэ, Энэдхэг или Инди, Маарагта, Манжуур, Моондо, Мухар-Шэбэр, Мүгдэн, Мүнхэ-Сарьдаг, Нарһата, Нэршүү, Ойхон арал, Оймор, Санага, Саранхар, Суулга, Сутай, Сэлэнгэ, Түгнэ, Тэлимбэ, Үргэнэ мүрэн или Аргунь, Үшөөтэй, Хүрбэ, Хүшэгөөр, Хяагта, Цахир, Шэтэ, Элхи нуур, Эрхүүд, Эхирэд-Булгад, Хурамхаан и т. д. Однако названия городов и сёл на **-ск** пишутся по-русски: Закаменск, Гусиноозёрск, Новоселенгинск и т. д. Но при наличии наряду с русским и бурятского названия, следует в некоторых случаях, особенно в художественных произведениях, писать их по-бурятски: Иркутск и Эрхүү, Хоринск и Хори тосхон, Агинское и Ага нуури и т. п.

4. Параграф восемнадцатый прежнего справочника гласит, что «мягкость согласных обозначается буквами **я, ё, е, ю, и**». Это было весьма неопределенное правило. Практика конкретизировала это правило. Но была колебания. Наличие чередования по говорам звуков **и** и **а** в начальной позиции после палатализованного согласного вызывало разнобой типа **ниһа** — **няһа**, **хира** — **хяра**, **хирхаг** — **хярхаг**, **хиһа** — **хяһа**, **хиһаан** — **хяһаан**, **хиһуур** — **хяһуур**, **химгада** — **хямгада**, **хирмаг** — **хярмаг**, **хилай** — **хялай**.

В новом своде более четко, чем в существующих руководствах, дано обозначение мягкости. В частности, ука-

зано, как обозначать мягкость в первом слоге и в середине слова. В первом слоге мягкость согласных перед кратким гласным обозначается через **и**, но после **н, х** перед гласными **о, у, ү** — через **ё, ю**: хирэ, биза, миһэрэ, зиндаа, пинтагар; нёдондо, нёсхой, хёлойхо, хёмороон, хёморхо, хёрбойхо, хёрбоһолхо, хёройхо, хёрсойхо, хёртогор, хёрхо; нюдарга, шодэхэ, нюла (сабшаха), шолгарха, хюлгэ, хюрагар, хюрөөсгэй, хюрыха, хюһама, хюһан. А в отношении обозначения мягкости согласных через **я** принята рекомендация, по которой мягкость начальных согласных **м, н, х** обозначается через **я** лишь в том случае, если двухсложное слово на краткий гласный или на неустойчивый **н** с предшествующим кратким гласным, принимая окончание **-ые** в винительном падеже, по составу гласных превращается в «женское» (эмэ) слово. Нельзя, например, писать мнхан — михые, а падо: мяхан — мяхые. Также пишутся: мязга (растение), мялан, мянган, нягта, нягтарха, нялха, нямба, нярба, нята, няһа, няһалха, хямда, хямдарха, хяра, хярза, хярһан, хята, хяһа. Кроме того, **я** пишется в словах нялуун, нялуутаха, нямняа, а также в звукоподражательных словах, в которых буквы пишутся так, как они слышатся: няд, нял, няр, нярд, няс, тяс, пяс и т. д. Во всех остальных случаях мягкость начальных **м, н, х** обозначается через **и**: миндаһан, миралха, мирзайха, мирмайха, нижаганаха, низалха (низа дараха), нилааха (нила һүрэхэ), нилагабша, нилагар, ниларгаха, нилдайха, нилдагар, нилзарха (нилза һүрэхэ), нилсайха, нилтаалга, нилхагар, хизагашаха, хибаг, хидага, хизаалан, хилайха, хилар, хилбар, хилгааһан, хилгана, хилмайха, химарха, хяа хима, химгадаха, химгалха, хинаха, хинсайха, хинуур, хира хитагар, оро хираагүй, үүр хираан, хиранхадтаха, хиргаха, хирзага, хирзаганаха, хирмаг, хирмагтаха, хирмаса, хирмаха, хирмуур, хирхаг, хирхаглаха, хирхагтаха, хитаганаха, хитагар, хитайха, хитад, хитарха, үһөө хиһаан, хиһаха, хиһуур, хиһууртаха.

Таким образом, данное правило распространяется только на твердорядные («мужские») склоняемые слова.

Что касается середины непронизводных основ, то мягкость согласных в этом положении перед твердыми **б, м, һ, п, х, г** обозначается через **ь**, в остальных случаях — через **и**. Примеры: арьбан, арьбадха, һорьбо, дорьбо, дальба (һүрэхэ), эльбэ, һарьмай, абьһан, оньһон, хурьһэн, шальпай, эдхэ, бэдхэ, альган, хурьгэн, бэльгүүн,

урьха, үдхэлэ, хальбай, хальмаг, хальмы, хальһала, хольмодоһон, хүрьбэдхэ, хүхэльбэ, һорьмой, һорьмоһон; элидхэ, бүридэ, хүрилэ, арила, һалира, сабидар, орило, парила. К исключениям из этого правила, видимо, следует отнести слова: тальтара, хатиган, һарьдаг, сарьдаг, хальда и горьтой. Последнее слово в орфографическом словаре К. М. Черемисова дано через **и** — горитой. Чтобы приблизить написание этого слова к его произношению и отличить от омонимичного с ним слова гори (найдабари) — горитой, следовало бы писать как **горьтой** (ехэ).

Мягкость согласных, стоящих перед мягкими же согласными и шипящими, в бурятском языке не обозначается. Примеры: һалхин, долгиң, һәрхин, элжэгэн, бэлшэ, булжамуур, барбин, борбини, һалбини, һалпини, һурпини, дарбини, дулбини, дурбини, нулмин.

В бурятском языке мягкий **г**, а иногда и мягкий **х** переходят соответственно в мягкие **д** и **т**. Однако этот процесс не отражается на письме. По традиции продолжаем писать в подобных словах **г** и **х**. Поэтому в новых правилах разъясняется, что во всех словах, кроме элдин, болдин-солдин, банди, ганди, после **л**, **н** пишется мягкий **г**, а не мягкий **д** или **я**, **ё**, **е**. Точно также во всех словах, кроме харти, олтирог, үлти(лэ), урти, далтира, халтира, после **р**, **л**, **н** пишется мягкий **х**, а не **т**. Примеры: залги, булги, сэлгээн, анги, хангила, онгило, унги, тээнги, таңгил, мангир, янгина, һанги, һонгино, онги, хонгёо, энгин (тэмээн), гулги, галги, гулгира; налхи, холхи, хуялхи, түлхи, бүлхин, талхи, алхи, хүлхи.

Правописание непроеизводных заимствованных основ (§§ 16 и 17)

1. Некоторому уточнению и изменению подверглось правописание заимствованных слов. Правило, изложенное в 32 параграфе прежнего справочника, гласило: «Русские слова (названия предметов обихода и быта), давно вошедшие в бурят-монгольский язык, пишутся так, как произносятся: пулаад, сабхи, хилээмэн». Это правило по существу своему осталось без изменения. Но ввиду невозможности определения возраста заимствования некоторых слов, введён еще дополнительный критерий — произношение. Слова, в основном давно заимствованные из русского языка, фонетически и грамматически полностью

освоенные бурятским языком и не допускающие другого, небурятского произношения, оформляются по-бурятски, т. е. в данном случае основным критерием взято не время, а произношение. Для того, чтобы подчеркнуть этот момент, приведены примеры на слова, давно заимствованные из других языков — китайского, тибетского, монгольского, тюркских, арабского и т. п. Также оформляются по-бурятски одно- и двухсложные заимствованные слова, омонимичные некоторым бурятским словам. Например, русские слова «база», «хор», «сад», «эра» омонимичны бурятским словам *база* «свояк», *хор* «быстро расходуемый», *сад* «латунь», *эрэ* «мужской», поэтому подобные заимствования пишутся с долгими гласными: *бааза*, *хоор*, *саад*, *ээрэ*. В орфографическом словаре К. М. Черемисова оформлены по-бурятски следующие слова: лавка — алаабхи или лавка; амбар — амбаар, арба — арбаа, аршин — аршам, база — бааза, бак — бааг; банка, банк — баанха (название посуды и картежный термин, но: гүрэнэй банк), бал — баал (баал-маскарад), вар — баар, бабка — баабхай, вал — баал, бархат — баархад, варежка — баарья, байховый — байхуу (сай), базар — базаар, барак — барааг, баян — баяан, балаган — балгаан, барда — бардаа, блоха — булуудха, барыш — баринша, варпак — барнааг, ворота — бартаа (но: футболой ворота, вратарь), бармаши — бармашы, батрак — батрааг, башлык — башлаг, спасибо — башыба (употребляется в стилистических целях), вершок — биршоог, беда — бидаа, выборный — бниборной, борной (устаревшее слово), берданка — бирдаанха, бирдаан; волость — боолос, волостной — болосной (устар. слово), бобр — бообор, вожжа — боожо, бочка — боошхо, воробей — борбилоо; ворожить, ворожей — боржылхо, боржышо; корона — борной, воронка — бороонхо (допускается воронко), барахло — борхолоо, барахолка — борхоол, волокуша — булхаа, булавка — булаабха, буравчик — бураабша, борозда — бураздаа, бурда — бурдууг, буханка — бухаанка, восьмушка — бушмууха (устар.), гарус — гаарус (устар.), голландка — галаанха, гиря — гиир, горшок — горшоог, горница — гооринсо, голубка — гулабхаа, головня — гуламиня, голова — гулваа (устар.), гумно — гүмнөө, гуж — гүүжэ, гурт — гүүртэ, гуртом (оптом) — гүртөөм (стилист.), гречуха — гэршүүхэ, дамба — даамба, дранка — дараанса, дождевик — дожбинг, дуга — дугааг, дурак — дурааг (кар-

тёжная игра), дубить — дүблилхэ, дублeный — дүблeэнэ.
дума — дүүмэ (устар.), душа — дүүшэ (устар.), духи —
дүхин, денщик — дэншэг (устар.), ямщик — емшэг или
ямшаг (устар.), ячмень — ешмээн, ещё — үшөө, ле-
пёшка — ёпоошхо или лепёшко, жребний — жээрэб,
жёлоб — жоолоб, жулик — жүүлиг, зипун — жэбхүүн,
заступ — заастаб, завалинка — забаалин, заваруха —
забарууха, завозня — забуужан, залежь — заалис за-
имка — заямха, зимовье — зэмьeэ, замок — замаг, из-
вёстка — избёосхо, изюм — үзэм, ичиги — иншэг, кам-
фара — хумпараа, купец — хүпeэс, квас — хубааһан
(устар.), лак — лааг, лад (музык.) — лаад, ладья — лаад-
ха, лопатка — лабаадха, лапта — лабтаа, лапша — лаб-
шаа, лама — лаама (животное), лампа — лаампа, лом —
лоом, матица — маатинса, монпансье — мампасни, мага-
зин — мангажын (устар.), мотоуз — матабууза, миска —
минсхэ, мода — моодо, мотор — мотоор, морковь — мор-
хооб, махорка — мохоорхо, межа — мужаа, мундштук —
мүштүүг, молескин — мэлистини, мякипа — мэхиннэ,
мешок — мэшээг, нары — наар, нарочный — наарашна, на-
гайка — нагайха, наличник — налниниг, насилу —
нашыла (устар.), нитка — ниндхэ, овёс — обёос, овин —
обин, оглобля — оглёобо, огурцы — үгэрсэ, одноколка —
однохоол, однохоолхо; ода — оодо, омуль — омоли,
озимь — оожом, отруби — ооторьбо, очередь — оошор
(допуск. очередь), рогожа — оргоожо; паданка — паа-
данха, паз — пааза, пар — паар, пара — паар, парный —
паар, паарна; парить — паарилха, плаха — палааха,
фальшивый — палшыб, папаха — папааха, печь — пeэ-
шэн, плита — пилтаа, квитанция — питаанса (допуск.
квитанци), подоска — подоосхо, полeно — полeэнэ, под-
рез — поодорзо, пол — поол, потроха — пооторхо, по-
росенок — поршоонхо, постромка — постороонхо, поско-
тина — посхоод, потолок — потолоог, подушка — пудууш-
ха, пожалуйста — пужааласта, плат (платок) — пулаад,
бумазейный — пумаажан, пумажай; пуд — пүүд, передок —
пэртихэ, сад — саад, сало — саала, сахар — саахар,
сапоги — сабхи, сажень — сажан, смутить — самастинд-
ха (стилист.), самокат — самхаад, самхаадха; сандали
сандаали, сыромятный — сармяад, сарафан — сарпаан,
сарпинка — сарпинна, солома — холоомон, ситец —
снитис, целковый — солхооб, соло — сооло, супонь —
сопоон, студень — стүүдин, сума — сумаа, сахарь — су-

хаари, сундук — сүндүүг, центровка — сүндэрөөбхэ, суд — сүүд, сутки — сүүдхэ, сумка — сүүмхэ, сушка — сүүшхэ, селение — сэлээн, сковорода — усхабардаа, хубардаа; чересседельник — сэртеэниг, сени — сээниг, тара — таар, таз — таас, таган — тагаан, талан (судьба) — талаан, таракан — тархаан, тужурка — түжүүрхэ, старшина — таршанаа (устар.), старшина; ток — тоог (но: электрын ток), тон (музык.) — тоон, томская (порода) — тоомосхо (устар.), торба — тоорбо, торги — тоорго (устар.), точило — тошыло, толмач — тулмааша, толмачить — тулмаашалха, толк — тоолхо: тоолхотой, тоолхогүй или же тулхабаагүй; толковать — тулхабаалха, втулка — түүлхэ, тюрьма — түрмэ, туша — түүшэ, уран — ураан, умывальник — угаальник (допуск. умывальник), угар — угаар, угол — углуу, ухаб — ухааба, ограда — уграада, очаг — ушааг, улица — үйлсэ, карбас — хаарбаза, карта (игральная) — хаарта (но: географическа карта), катанки — хаатанха, каторжник — хаатаршан (устар.), капкан — хабхаан, казак — хасаг, кадушка — хадуушха, халат — халаад, калач — халааша, компания (общество) — хампаанн (но: ажахын кампани), канава — ханааб, карман — хармаан, картофель — хартаабха, кошева — хашабаа, картуз — хартуус тамхин (но: картуз малгай), кашемир — хашамнир (допуск. кашемир), котомка — хотоомхо, тёс — хёосо, хлеб — хилээмэн, кирпич — хирпиисэ, куртка — хүүртиг, колода — холоодо (обрубок бревна), хулууда: сонхын хулууда, хаартын хулууда; хомут — хомууд, хомуудлаха; козлы — хоозол, козырь — хоозори, колос — хоолос, кондор — хоондор, короб — хсорбо, холст — хоосто, кошка — хөөшхэ, хор — хоор, хорда — хоордо, клоп — хулпаа, коврига — хүбэриг, кусок — хүсөөг, куль — хүүли, крыльцо — хэрэлсы, крещёный — хэрээснэг (устар.), крест — хэрээлэн, фунт — һүүвтэ (допуск. фунт), шаль — шаали, шаньга — шаанги, шарф — шаарпа, шевро — шабароо, шарабан — шарбаанха (тэргэ), червонец — шарбуунса, чердак — шардааг, шинна — шиннэ, шлея — шильяа, шкворень — шобоорниг, седёлка — шожоолхо, чалдон — шолдоон, шомпол — шоомпол, чёрт — шоорто (междом.: тюу шоорто), счёты — шоото, часовой — шошобой (допуск. часовой), шуруп — шүрүб, чуть — шүүд, чурка — шүүрхэ, семейский — шэмээшэг, пшеница — шэниисэ, четверть — шээтпэртэ, ям?

яама, ярмарка — ярмаг, ярица — яарса, вьюшка — юушхэ, эра — ээрэ.

Некоторые из этих слов имеют несколько вариантов произношения по говорам. В таких случаях предпочтение было дано хориинскому варианту или наиболее распространенному написанию в литературном языке. Кроме того, для некоторых слов наряду с бурятизированным написанием допущены и русские написания. К примеру, слова *пашыба, мангажын, шошобой, алаабхи* могут употребляться лишь в определенных стилях речи. Следует еще отметить, что при бурятизированном написании исходных форм заимствованных слов, производные от них, но также заимствуемые формы пишутся в русской орфографии. Ср.: баал, баархад, бааза, ураан, хилээмэн, хоор, обёос, саад, сооло, моодо, избёосхо, мотоор, лаамна, тоон, но: бальна, паибархат, автобаза, базова, уранова, хлебопекарни, хоровой, овсянка, садовник, садовод, садоводство, сольно, солист, модно, известково, известняк, моторно, лампочка, тональность. Лишь для слов *бошоонхо, паарна* при *боошхо, паар* допущены бурятизированные написания.

Кроме слов баархад, барааг, батрааг, бообор, гинр, духин, жүүлиг, избёосхо, лаамна, обёос, саахар, сандаали, сүүшхэ, хармаан, хоолос, шаали, шаанги, шоомпол, которые вполне можно произносить и по-русски, бурятизированное написание остальных слов не вызывает сомнений.

Таким образом, лишь небольшое количество заимствованных слов пишется по-бурятски. Большинство же заимствованных слов, точнее их основы, оформляются в русской орфографии.

2. Собственные имена людей, животных: слова, оканчивающиеся на согласные и ударные гласные; слова с суффиксами, указывающими на род занятий, профессию и т. п. женщин; слова на **-СГВО** в именительном падеже полностью пишутся по-русски. Примеры: Иванов, Ваня, Каштанка; аванс, акт, бокс, атаман, банан, бандит, башмак, бас, берет, бидон, бис, брезент, бут, гамак, бязь, веник, горн, джемпер, дот, зал, керосин, конверт, кролик, лодырь, матрац, меринос, наган, налог, огород, нас, петух, плашкоут, плуг, погон, погреб, подвал, подряд, порошок, пряник, сазан, сакман, салат, самовар, сатин, серп, силос, совок, ужин, хват, фартук, фундамент, хулиган, цыган, чеснок, шар, шарнир, шатун, Париж, Саратов, Воронеж; судья,

купе, такси, блины, болты, бревно, кашне, квашня, крупа, провода, простыня, кружева, ура, цинга; студентка, акушерка, бельгийка, уборщица, помещица, барышня, поэтесса, принцесса, боронесса, актриса, барыня, боярыня, сударыня, княгиня, геронья, графиня, балерина; правительство, искусство, а также несклоняемые в русском языке географические названия; также несклоняемые нарицательные слова на **и, о**; слова на две-три гласных; названия городов и сел по фамилиям людей; слова, целиком состоящие из гласных, в именительном падеже пишутся по-русски. Примеры: Сочи, Тбилиси, Адидже, Генуя, Токио; аллегри, денди, пианино, динамо, либретто, танго, радио; Горький, Осипенко, Павлово, Иваново, Бия.

3. Все остальные слова, за исключением тех, которые указаны в предыдущем пункте, в русском языке склоняются и в именительном падеже оканчиваются на **безударные** гласные. Бурятский язык, заимствуя эти слова, изменяет их безударные окончания согласно своим нормам, что охватывается в основном двумя следующими правилами:

а) слова, которые перед безударными гласными окончаниями содержат **мягкий согласный**, в том числе **ж, ш, ц и ь**, а также слова на ударные **ия**, отбрасывают свои окончания и принимают **и**: баня — бани, авария — авари, поле — поли, кофе — кофи, Австралия — Австрали, блюдец — блюдци, варенье — варени, деревня — деревни, марля — марли, печенье — печени, платье — плати, подполье — подполи, Россия — Росси, буржуазия — буржуази, хирургия — хирурги;

б) слова, которые содержат перед безударными гласными окончаниями **твердый согласный**, отбрасывают эти окончания и оформляются по правилам последовательности гласных в зависимости от ударного гласного основы: яблоко — яблока, чайная — чайна, тонна — тонно, боты — бото, Альпы — Альпа, Волга — Волго, Америка — Америкэ, Женева — Женевэ, ферма — фермэ, банда — банда, баржа — баржа, бомба — бомбо, замазка — замазка, запонка — запонка, кепка — кепкэ, кузница — кузница, кукла — кукла, лента — лентэ, майка — майка, манерка — манеркэ, нота — ното, отара — отара, перчатка — перчатка, пудра — пудра, сайка — сайка, сода —

содо, телогрейка — телогрейкэ, трубка — трубкэ, штукатурка — штукатуркэ.

Если же ударение падает на нейтральные и, ы, ю, то окончание таких слов оформляется в зависимости от гласного, непосредственно предшествующего ударному гласному: полйтнка — политика, политический — политическэ, экономический — экономика, физика — физикэ, мыло — мылэ, ангина — ангина, брчка — брчкэ, гильза — гильзэ, косылка — косилка, полуботинки — полуботинкэ, пружина — пружина, резина — резинэ, рюмка — рюмкэ.

4. Во время обсуждения вопросов языкового строительства в 1958 году многими было высказано пожелание упростить написание слов с суффиксом **-ск**, так как обилие слов с этим и некоторыми другими суффиксами, придают предложению неуклюжесть. Поэтому в новых правилах дано примечание, согласно которому, названия населенных пунктов на **-ск**, односложные основы с суффиксом **-ск-**, а также слова с суффиксом **-ическ-**, **-онн-**, **-н-** всегда сохраняют эти суффиксы. Примеры: Омск — Омск, Томск — Томск, финский — финскэ, политический — политическэ, демократический — демократическа, геологический — геологическа, революционный — революционно, партийный — партийна. В словах же с суффиксом **-ск-**, **-ийск-** (**-ицк-**), **-истическ-**, **-истск-** эти суффиксы, за редкими исключениями типа *Советскэ* (Союз), отбрасываются. Примеры: марксистский — маркис, коммунистический — коммунис, социалистический — социалис, российский — Россин, грузинский — грузин, армянский — армян, английский — англи, большевистский — большевик, казахский — казах и т. д.

Вносить более радикальные изменения в правописание заимствованных слов было признано нецелесообразным, хотя некоторые выступали за то, чтобы большинство заимствованных слов оформлять в бурятской орфографии. Орфографическая комиссия пришла к выводу, что в условиях интенсивного распространения двуязычия среди бурят произношение заимствованных слов все более будет приближаться к русской норме и поэтому целесообразнее для подавляющего большинства заимствованных слов сохранить русскую орфографию.

Правописание аффиксированных форм (§§ 18—47)

1. К заимствованным основам присоединяются бурятские суффиксы и окончания. Последние оформляются по ударному гласному основы согласно правилам последовательности расположения гласных, что не вызывает больших затруднений. Ошибки иногда наблюдаются в оформлении окончаний к фамилиям людей и к словам с ударными **у** и нейтральными гласными. Надо писать не «Ивановай», «ручкээр», «утиогээр», «машинисткаар», а *Ивановой, ручкаар, утюгаар, машинисткээр*.

При обсуждении правил орфографии неоднократно поднимался вопрос о том, чтобы окончания и суффиксы слов с ударными **у, ю** оформлять мягкорядными («женскими») гласными, так как при оформлении их твердорядными («мужскими») согласными возникает разрыв между написанием и произношением. Предлагалось писать, например, ручкэдэ, ручкээр, ручкэхээ; утиогэй, утиогтэ, утиогээр, утиогһээ, а не ручкада, ручкаар, ручкаһаа; утиугай, утиугта, утиугаар, утиугһаа. Однако это предложение не принято, потому что в противном случае буква **у** должна была бы иметь два значения: бурятские слова с **у** оформлялись бы твердорядными («мужскими») гласными, тогда как заимствованные слова с **у** надо было бы писать с мягкорядными («женскими») гласными.

При присоединении бурятских суффиксов и окончаний к заимствованным основам весьма часто встречаются еще такого рода ошибки, когда между основой на стечение нескольких согласных и аффиксами, начинающимися также с согласных, вставляются лишние гласные, что совершенно недопустимо. Например, следует писать: поезд—поезддо, поездхон, поездтнай; акт—актда, акттай, актһаа, актхан, акттнай, актлаха; бокс—бокседо, бокстой, боксдохо; аванс—аванслаха, а не: поездодо, поездохон, поездотнай, актада, актатай, актаһаа, актахан, актатнай, акталха и т. д.

2. При присоединении суффиксов и окончаний к глагольным и другим производящим основам, конечный краткий гласный основы (а, о, э) и конечный неустойчивый **н** с предшествующим кратким гласным (а, э, о) выпадает после букв **р, л** в следующих случаях:

а) в глаголах, начиная с третьего слога: хатара — хатарха, хатарһан, хатарба, хатархада, хатарсагаа; эхилэ —

эхилбэ, эхилдэг, эхилнэн, эхилжэрхнэ. При образовании от этих глагольных основ имен посредством суффиксов, также выпадают конечные краткие гласные: сэсэрэ — сэсэрдэйэн, ногооро — ногоормо, зууршала — зууршалга, хахара — хахархай;

б) при образовании глаголов от имен существительных, прилагательных и наречий посредством суффиксов -ла, -да: дэрэ — дэрлэ, шэрэ — шэрдэ, хара — харла, уран — урла, дүлэн — дүлдэ, холо — холдо, һула — һулла, һула — һулда, мылэ — мылдэ, хара — харда, хорон — хордо, хорон — хорло, уран — урла, дуран — дурла, тала — талла, тошыло — тошылдо, боро — борло, борлуула. При образовании от этих же основ глаголов посредством суффикса -та, краткий гласный выпадает только после **р**: хирэ — хиртэ, ойро — ойрто, дээрэ — дээртэ, доро — дорто;

в) при образовании имен существительных и прилагательных от глаголов при помощи суффиксов -за, -бари, -хай, -лаа, -ша: гара — гарза, оло — олзо, түлэ — түлбэри, һала — һалбари, һилэ — һилбэри, түүрэ — түүрхэй, хүүрэ — хүүрхэй, уйла — уйлхай, зура — зурлаа, гара — гарша, оро — оршо, оршол (но: була — булаша, дара — дараша), дуула — дуулбари, хахала — хахалбари.

При образовании от глаголов залоговых основ посредством суффиксов -та, -да, -ха, -га конечные краткие гласные основы выпадают после некоторых согласных (см. «Правила...» §§ 46—47): аба — абта, оро — орто, диилэ — диилдэ, дуула — дуулда, бодо — бодхо, хиидэ — хиидхэ, гара — гарга, оло — олгс, олдо, дуула — дуулда, диилэ — диилдэ.

Но если перед конечным кратким гласным основы содержится буква **д**, которому предшествует еще согласный, то при присоединении к данной основе залогового суффикса -ха, между этими согласными вклинивается краткий гласный, а конечный гласный выпадает: айлда — айладха, айладхуула, айладхал; урда — урадха, урадхал, урадхуула; бэлдэ — бэлэдхэ, бэлэдхэл, бэлэдхүүлэ, бэлэдхэлгэ; үмдэ — үмэдхэ, үмэдхэл, үмэдхөө, үмэдхүүлэ; һулда — һуладха, һуладхуула, һуладхалга; холдо — холодхо, холодхуула, холодхолго; үлдэ — үлэдхэ, үлэдхөө; дурда — дурадха, дурадхал, дурадхуулха; гомдо — гомодхо, гомодхоо. Но при присоединении к этой основе

залоговых суффиксов **-хаа (-хоо, -хөө, -хээ), -хуула** конечный краткий гласный основы не отбрасывается за исключением слов *үбэдхөөхэ* (от *үбдэ*), *тэбэдхээхэ* (от *тэбдэ*). Примеры: халда — халдахаа, мэгдэ — мэгдэхээ, мордо — мордохуула, алда — алдахуула.

3. Согласно рекомендациям прежнего справочника, слова на шипящие **и х, ц** в родительном падеже должны были принимать окончание **-ын**: врач — врачын, кузнец — кузнецын, плащ — плащын, цех — цехын, карандаш — карандашын. Но такое написание расходилось с произношением. Поэтому слова на одинарный согласный, в том числе на **ч, щ, ш, ж, х, ц, п, ф**, а также на **р** с предшествующим согласным, в родительном падеже должны оформляться окончанием **-ай**, что закреплено новыми правилами. Примеры: мал — малай, стол — столой, врач — врачай, Ильич — Ильичэй, Петрович — Петровичой, Александрович — Александровичой, Александрович — Александровичай, Батуевич — Батуевичай, Бодиевич — Бодиевичай, плащ — плащай, карандаш — карандашай, чуваш — чувашай, гараж — гаражай, Париж — Парижай, цех — цехэй, казах — казахай, горох — горохой, Стельмах — Стельмахэй, Пальмбах — Пальмбахай, боец — боецэй, перец — перецэй, комсомолец — комсомолоцей, Горобец — Горобецэй, микроскоп — микроскопой, окоп — окопой, поп — попой, линотип — линотипай, стетоскоп — стетоскопой, штраф — штрафай, философ — философой, параграф — параграфай, театр — театрай, оркестр — оркестрэй, метр — метрэй, кадр — кадрай, центр — центрэй, министр — министрэй. Все слова на стечение согласных, за исключением слов на **р**, в родительном падеже принимают окончание **-ын**. Примеры: Маркс — Марксын, Энгельс — Энгельсын, конкурс — конкурсын, морс — морсын, турнепс — турнепсын, Ксеркс — Ксерксын, механизм — механизмын, борщ — борщын, фланг — флангын, парк — паркын, акт — актын, мотоцикл — мотоциклын, матч — матчын. Слова же на удвоенный согласный подчиняются правилам оформления слов на одинарный согласный, т. е. принимают окончание **-ай**: грамм — граммай, металл — металлай, гунн — гуннай, галл — галлай, класс — классай, Тамм — Таммай, Марр — Маррай, балл — баллай, грипп — гриппэй, кросс — кроссой, кристалл — кристаллай, киловатт — киловаттай.

Слова на краткие гласные, в том числе заимствованные слова на безударные гласные, в родительном падеже обычно принимают окончание **-ын**: хада — хадын, горьё — горьёын, ая — аяын, Буденный — Буденнын, Тая — Таяын, Зоя — Зояын, Марья — Марьяын, но заимствованные слова на безударные **ю, у, э, уя**, слова на **а, о** с предшествующим гласным, женские фамилии на **а, ая**, женские имена на ударные **ия** в родительном падеже оформляются так же, как слова на долгие, ударные гласные и на заднеязычный **н**, т. е. окончанием **-гай**: Рюкю — Рюкюгэй, Пёру — Перугэй, Пёру — Неругэй, Генуя — Генуягай, статуя — статуягай, Кюрасао — Кюрасаогой, радио — радиогой, Самоа — Самоагай, Дариева — Дариевагай, Танская — Танскаягай, Мария — Мариягай, Анастасия — Анастасиягай. Ср.: кино — киногой, судья — судьягай, шоссе — шоссегэй, пюре — пюрегэй, клише — клишегэй.

Заимствованные слова на безударные **и, е, я, ий, ия**, на **ь** в родительном падеже принимают окончание **-инн**: хани — ханиин, Сочи — Сочинн, биологи — биологиинн, агрономы — агрономиинн, полиграфы — полиграфинн, пони — понинн, демократы — демократинн, полотёны — полотёнцинн, плутонь — плутонинн, металлурги — металлургинн, кофи — кофиинн, пролетары — пролетаринн, цинандали — цинандалинн, циперары — ципераринн, манси — мансиинн, нацы — нацыинн, рацы — рацыинн, полицы — полицыинн, зоотехны — зостехнинн, индустры — индустрынн, эпизооты — эпизоотинн, ма́ры — ма́рыинн, эскадрилы — эскадрилынн, Орджоникидзе — Орджоникиздинн, Фрунзе — Фрунзынн, Ваня — Ваниинн, Василий — Василиинн, Юлия — Юлиинн, артель — артелиинн, шинель — шинелиинн, кисть — кистиинн, дробь — дробинн, пароль — паролдинн, гуашь — гуашиинн.

Заимствованные слова на ударный **и**, дифтонги склоняются так же, как бурятские слова на долгие **и, ы**, т. е. в родительном падеже принимают окончание **н**. Ср.: түри — түринн, зүгы — зүгынн, жэли — жэлинн, дүлии — дүлииинн, хамбы — хамбынн; такси — таксинн, жюри — журинн, Тимлюй — Тимлюйнн, лотерей — лотерейнн, Корей — Корейнн, Малай — Малайнн, Росси — Россинн, хирурги — хирургинн, гипертонь — гипертонинн, неврастень — неврастенинн, Софи — Софинн, пневмонь — пневмонинн, терапй — терапинн, буржуазй — буржуазинн.

4. Некоторые колебания были в оформлении дательного падежа. В частности, отклонение от произношения вызывали написания типа врачда, карандашда, плащда, боецда, январьта, сентябрьта, октябрьта. Согласно новым правилам, слова на **л, м, н, ж, з**, на все гласные, слова на стечение согласных (кроме **р** с предшествующим согласным), названия месяцев на палатализованный **р** с предшествующим согласным или без него в дательном падеже пишутся с окончанием **-да**, а все остальные слова с окончанием **-та**. Примеры: мал — малда, протокол — протоколдо, металл — металлда, балл — баллда, пароль — парольдо, минерал — минералда, фасоль — фасольдо; ном — номдо, минимум — минимүмдэ, грамм — граммда; гүрэн — гүрэндэ, морин — мориндо, ан — анда, мичман — мичмандэ, керосин — керосинда, Мани — Манида, Тамань — Таманьда; гараж — гаражда, багаж — багажда, Париж — Парижда, Воронеж — Воронеждо, падеж — падеждэ; газ — газда, картуз — картузда, бязь — бязьда, указ — указда; тала — талада, какао — какаоодо, машина — машинада; акт — актда, мотоцикл — мотоциклда, радист — радистда, пункт — пунктда, бокс — боксдо, реверс — реверсдэ, Маркс — Марксда, Энгельс — Энгельсдэ, рельс — рельсдэ, ресурс — ресурсда, рефлекс — рефлексдэ, рецепт — рецептдэ, романс — романсда, романист — романистда, ромб — ромбдо, часть — частьда, сеанс — сеансда, серп — серпдэ, эллипс — эллипсдэ, экскурс — экскурсдэ, штурм — штурмда, шланг — шлангда, четверть — четвертьдэ, курорт — курортдо, кокс — коксдо, январь — январьда, сентябрь — сентябрьда, октябрь — октябрьда.

Примеры на слова с окончанием **-та**: армаг — армагта, совет — советтэ, хэб — хэбтэ, гар — гарта, барас — бараста, карандаш — карандашта, врач — врачта, плащ — плащта, Тарас — Тараста, класс — класста, театр — театрта, министр — министртэ, оркестр — оркестртэ, кадр — кадрта, калибр — калибрта, щёлочь — щёлочьто, перец — перецтэ, боец — боецтэ, цех — цехтэ, кадет — кадеттэ, календарь — календарьта, картограф — картографто, картель — картельтэ, кишмиш — кишмиштэ, комсомолец — комсомолецто, кооператив — кооперативта, хроноскоп — хроноскопто, штаб — штабта, фетр — фетртэ, фокстрот — фокстротто.

Далее в правилах отмечено, что слова, обозначающие

место назначения и сроки, в дательном-местном падеже могут быть неформленными. Примеры: Бадма Улаан-Үдэ ороо. Басагамнай Москва нурахаяа мордобо. Энэ хүбүүн мүнөө жэл нургууляа дүүргэхэнь.

5. В исходном падеже следует обратить внимание на то, что слова на заднеязычный **н** оформляются окончанием **-гһаа**: ан — ангһаа, дэн — дэнгһээ, сэн — сэнгһээ, зоболон — зоболонгһоо, далан — далангһаа, (газарай) ган — гангһаа, сан (жаса) — сангһаа, булан — булангһаа, дэлэн — дэлэнгһээ, зан — зангһаа, дүн — дүнгһөө.

6. Как выше указывалось, некоторые заимствованные слова на безударные гласные (фамилии и имена людей, слова с суффиксами, относящими обозначаемое данным словом понятие к людям женского пола), также слова на **-ство**, несклоняемые в русском языке нарицательные слова на **и, о** в именительном падеже оформляются в русской орфографии. Раньше наблюдались колебания в оформлении этих слов в косвенных падежах. По новым правилам, безударные гласные окончания таких слов (**а, о, ый**) в дательном-местном, совместном и исходном падежах изменяются в соответствии с правилами последовательности гласных. Примеры: Нина — Нинэдэ, Нинэтэй, Нинэхээ; студентка — студенткэдэ, студенткэтэй, студенткэхээ; Осипенко — Осипенкэдэ, Осипенкэтэй, Осипенкэхээ; пианино — пианинада, пианинатай, пианинаһаа; фортепьяно — фортепьянада, фортепьянатай, фортепьянаһаа; динамо — динамада, динаматай, динамаһаа; Буденный — Буденнодо, Буденнотой, Буденноһоо. Подобно этому, заимствованные слова на безударные **ия, ий, е, я** в дательном-местном, совместном, исходном падежах теряют эти свои окончания и принимают **и**. Примеры: Юлия — Юлидэ, Юлитэй, Юлиһээ; Горький — Горькидо, Горькидой, Горькиһоо; Беридзе — Беридзидэ, Беридзитэй, Беридзиһээ; Фрунзе — Фрунзида, Фрунзитай, Фрунзиһаа; Ваня — Ванида, Ванитай, Ваниһаа.

Слова на **я** с предшествующим мягким знаком или ударным гласным, кроме **у, и**, в орудном падеже теряют этот **я** и к оставшейся части присоединяется формант орудного падежа. Примеры: Зоя — Зоёор, Тая — Таяар, Марья — Марьяар и т. д. Но в остальных падежах эти слова не изменяют свои окончания: Зоя — Зояын, Зоядо, Зояые, Зоятой, Зояһоо; Марья — Марьяын, Марьяда, Марьяые, Марьятай, Марьяһаа.

7. При склонении слов на неустойчивый **н**, последний выпадает с предшествующим кратким гласным в винительном (иногда выпадает только **н**) и орудном падежах: морин — мориие (мори), морёор; хүсэн — хүсье (хүсэ), хүсөөр; байһан — байһые, байһаар; хэлэлэн — хэлэлһые, хэлэлээр. В односложных словах типа **һүн** выпадает только неустойчивый **н** без предшествующего гласного: һүн — һүе (һү), һүүөр.

8. При оформлении суффиксов множественного числа наблюдались некоторые колебания в отношении слов, оканчивающихся на шипящие. По новым правилам, слова на **ч, ш, щ, ж** оформляются суффиксом **-нууд**, слова на **ц**, а также слова на **м** с предшествующим согласным пишутся с суффиксом **-ууд**. Примеры: врач — врачнууд, картечь — картечьнууд, карандаш — карандашнууд, плащ — плащнууд, гараж — гаражнууд, падеж — падежнүүд, боец — боецүүд, механизм — механизмууд, диалектизм — диалектизмууд.

9. В отношении частиц личного притяжания следует отметить, что к словам на любой **н** (устойчивый, неустойчивый, заднеязычный) присоединяются частицы первого лица **-мни, (-м), -мнай**, при этом конечный **н** основы выпадает. Примеры: морин — моримни, морим, моримнай; гүрэн — гүрэмни, гүрэмнай; ан — амни, амнай; зан — замни, замнай; хадын — хадымни, хадым, хадымнай; стакан — стакамни, стакамнай; хараһан — хараһамни, хараһам, хараһамнай; үзэлэн — үзэлэмни, үзэлэм, үзэлэмнай.

Следует обратить внимание на следующие особенности оформления частиц личного притяжания в 2^м лице: а) если слово оканчивается на стечение согласных, кроме **р** с предшествующим согласным, присоединяется частица **-нь**: поезд — поезднь, акт — актнь, промышленность — промышленностьнь (а не промышленностинь), кисть — кистьнь; б) если слово оканчивается на одинарный согласный или на **р** с предшествующим согласным, оно принимает окончание **-ынь**. Но допускается, особенно в орудном падеже, присоединение частицы **-нь**. Примеры: гэр — гэрынь, гэрээр — гэрээрнынь или гэрээрнь (но не гэрээрэнь); гараж — гаражынь, гаражаар — гаражаарнынь; плащ — плащнынь, плащынь; Пётр — Пётрынь, Пётроор — Пётроорнынь, Пётроорнынь; в) к словам на устойчивый и неустойчивый **н**, на **ь** с предшествующим одним согласным

присоединяется частица **-инь**: морин — морининь; гүрэн — гүрэнинь; мурэн — мурэнинь; шинель — шинелинь, артель — артелинь (но не артельнь или артелинь).

Правописание частиц (§§ 48—57)

1. Были колебания в случаях, когда к словам на **н** присоединялись лично-предикативные частицы 1 лица **-б**, **-м**. Писали, например, наряду с *ябаһанби*, *бэлэнби*, также *ябаһамби*, *бэлэмби*. Согласно новым рекомендациям, к словам на **н** либо непосредственно присоединяется частица **-би**, либо этот **н** выпадает и присоединяется частица **-м**. Примеры: хүн — хүнби, хүм; бэлэн — бэлэнби, бэлэм; хараһан — хараһанби, хараһам; үзэхэн — үзэхэнби, үзэхэм. А в 1 лице множественного числа к подобным словам присоединяется частица **-мди**, при этом конечный **н** основы выпадает во всех случаях: зон — зонди, партизан — партизамди, бэлэн — бэлэмди, ябаһан — ябаһамди, хараһан — хараһамди.

2. К словам на стечение согласных, на **ь** присоединяется личнопредикативная частица 1 лица **-би**, частица 2 лица **-ши**, **-та**. Примеры: тракторист — трактористби, трактористши, трактористта; лейтенант — лейтенантби, лейтенантши, лейтенантта; министр — министрби, министрши, министрта; король — корольби, корольши, корольта.

3. При последовательном присоединении к слову вопросительной частицы **-бэ**, затем частицы 2 лица множественного числа **-та** в вопросительной частице выпадает **э**. Примеры: хэд — хэдбта, хүбүүд — хүбүүдбта, ямар — ямарбта (но не хэдэбта, хүбүүдэбта, ямарабта).

4. В письме иногда не различались частицы утверждения **бшуу** и **шуу**. Однако есть старое правило, которое подтверждено в новом своде, о том, что после слов на гласный пишется **бшуу**, после слов на согласный **-шуу**: ерээ бшуу, байна бшуу; мүн шуу, хэрэг шуу.

5. Частица **бэшэ** пишется отдельно от слова: муу бэшэ, ээлжээтэ бэшэ. Но когда приставка заимствуемого слова переводится через **бэшэ**, эта частица пишется слитно со словом: беспартийный — партийнабэшэ, внештатный — штатнабэшэ.

Написания слитные и через дефис (черточку) (§§ 58—68)

1. В справочнике 1940 года указано: «Сочетание двух слов, дающих одно понятие и воспринимаемых как одно целое, следует писать слитно, вне зависимости от того, изменяются ли они или нет при вхождении в такие сочетания, причем правила гармонии гласных в таких случаях не соблюдаются: уранзохёолшо, үхибүүд, модобэ-лэдхэл, бутасохилго, ябаагүй, ажахы, олонийтэ». Далее указывалось, что парные слова пишутся отдельно. Но практика показала, что трудно отграничить парные слова от сложных. Причем относительно сложных слов бурятского языка нет единого мнения среди специалистов. В этих условиях наблюдался большой разницей в слитных и отдельных написаниях. Мнение большинства членов орфографической комиссии и лиц, участвовавших в обсуждении вопросов орфографии, склонилось к тому, чтобы как можно ограничить слитные и дефисные написания. Поэтому в новых правилах рекомендуется писать слитно лишь такие слова, в которых один из компонентов уже не имеет лексической и грамматической самостоятельности слова. Примеры: бүлэхай, Бадмахай, дундахай, мүнөөдэр, сааддэр, найндэр, бүхэдэлхэйи, бүхэсоюзна, бүхэроссин, бүхэхитадай, үхибүүн, ажахы, угайдхадаа, ябажархёо, хараадхёо, гүйшоо. Также пишутся слитно по традиции слова: агууехэ, ажабайдал, ажамидарал, ажаһууха, ажаһуудал, ажаябадал, ажаябуулга, забол, амалдаха, дуугарха, уласхоорондын, бүримүһэн и т. д.

Кроме того, пишутся через дефис: 1) бурятские имена, фамилии, отчества и географические названия, состоящие из двух существительных: Балдан-Доржо, Дугар-Жаб, Эхирэд-Булгад, Мэлэ-Борто, Байгал-Худара, Охин-Булаг, Согто-Хангил. Географические названия, состоящие из прилагательного и следующего за ним существительного, обычно пишутся раздельно. Но исключение допущено для традиционных написаний типа Улаан-Үдэ, Мухар-Шэбэр, Улаан-Баатар, Хара-Шэбэр, Урда-Казахстанай область, Урда-Ага, Мүнхэ-Сарьдаг, Мойлто-Тараса и т. п.; 2) Бездифференциальные звукоподражательные и образные слова, также междометия при их повторном или парном употреблении: һаб-һаб, шаг-шуг, түбэр-табар, шодо-шодо, өө-өө, таци-таци, ёо-ёо, ахха-ёххо; 3) в тех случаях, когда

ни один из компонентов пары не употребляется самостоятельно: ана-мана, ан-бун, үг-маг, бүл-бал, уг-заг; 4) прилагательные, образованные из двух и более основ, обозначающих равноправные понятия: буряад-ород словарь, һуралсал-хүмүүжүүлгын хүдэлмэри, ээрэлгэ-нэхэлгын фабрика, ород-немец-француз словарь, мяха-һүнэй завод, мяха-консервын комбинат, совет-болгар, совет-малиин.

Все остальные слова, обозначающие одно понятие или один предмет, пишутся раздельно. Примеры: удха шанар, модо бэлэдхэл, уран зохёолшо, уран зурааша, бута сохилго, ажал ябуулга, ажал ябуулагша, хэмжээ ябуулга.

2. Переведенное с русского языка сложное слово пишется раздельно: пятилетка — табан жэл, железнодорожный — түмэр замай, семилетка — долоон жэл, многонациональный — олон үндэлэтэ, но если один из компонентов — однословное приложение, стоящее позади определяемого существительного, то черточка сохраняется: мать-героиня — эхэ-герой, ученик-комсомолец — һурагша-комсомолец, рабочий-коммунист — хүдэлмэришэн-коммунист, ребята-октябрыта — үхибүүд-октябрытанууд, улица-змея — үйлсэ-могой, девчата-физкультурницы — басагад-физкультурницыанууд, школа-интернат — һургуули-интернат, мальчик-кондуктор — хүбүүн-кондуктор, женщина-продавец — эхэнэр-наймаашан, город-герой — город-баатар (или город-герой), город-крепость — город-хэрэм. Если же приложение стоит впереди определяемого, то дефис отбрасывается: школа-интернат — интернат һургуули, рабочий-коммунист — коммунист хүдэлмэришэн, улица-змея — могой үйлсэ, мать-героиня — герой эхэ, ученик-комсомолец — комсомол һурагша, мальчик-кондуктор — кондуктор хүбүүн, женщина-продавец — наймаашан эхэнэр, город-герой — герой город (или баатар город), город-курорт — курорт город, город-крепость — хэрэм город.

Если оставленная без перевода первая часть сложного слова оканчивается на **о**, то переведенная часть отделяется от первой дефисом: электропила — электро-хюрөө, фото-бумага — фото-саарһан.

Однако если второе слово управляет первым и от него можно поставить вопрос юу? «что», то соединительное **о** (**е**) не пишется: паровозостроительный — паровоз-бүтээлгын, станкосборочный — станок-хабсаралгын, сталкостроительный — станок-бүтээлгын, хлопкозаготовительный —

хлопок-бэлэдхэлгын, паровозоремонтный — паровоз-заһа-барилалгын.

Займствованные сложные слова пишутся так же, как и в русском языке: марксизм -ленинизм — марксизм-ленинизм. физико-математический — физико-математическа, агротехника — агротехникэ.

Также более или менее подробно разработаны разделы —«Прописные буквы» (§§ 73—85), «Буквенные аббревиатуры, сложносокращенные слова и графические сокращения (§§ 69—72), «Правила переносов» (§ 86).

В целом следует отметить, что в новых правилах сохранены основные принципы и правила, на которых основывается бурятская орфография, продолжены установившиеся традиции письма, оправдавшие себя на практике. В частности, фонетико-морфологический принцип бурятской орфографии, в котором довлеющим является фонетический принцип, т. е. максимальное приближение правописания к разговорно-народному произношению, ограничиваемой в необходимых случаях морфологическим, историческим принципами и условными написаниями.

Новый свод правил представляет собой законодательный акт, санкционированный верховным органом нашей республики. Поэтому соблюдение правил орфографии является обязательным для школы и печати, для всех пишущих на бурятском языке.

ОБ УЧЕБНЫХ ГРАММАТИКАХ ПО БУРЯТСКОМУ ЯЗЫКУ

Закон Верховного Совета СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования», изданный в 1959 году, с предельной четкостью определил цели и задачи советской школы, организацию и содержание учебно-воспитательной работы в школе в условиях развернутого строительства коммунизма в нашей стране. Конкретно в преподавании бурятского языка укрепление связи с жизнью выражается в том, что окончившие среднюю школу должны получить хорошие знания по основам фонетического, грамматического и лексического строя бурятского языка и, прочно владея орфографическими, пунктуационными и стилистическими навыками, обязаны научиться литературно правильно говорить и грамотно писать.

Основным средством изучения грамматического строя бурятского языка в школе является учебная грамматика. Однако в школах до последнего времени учителя-языковеды обращали больше внимания усвоению теоретических правил, определений, превращая тем самым изучение грамматических правил в самоцель, а практическому закреплению, выработке навыков, развитию речи у учащихся, как правило, не придавали должного внимания¹. Но это не значит, что если на первый план ставятся практические задачи, то должна быть игнорирована или умалена роль грамматики, в первую очередь, ее образовательное значение.

¹ См.: «Планомерно и последовательно осуществлять закон об укреплении связи школы с жизнью в занятиях по русскому языку», Русский язык в школе, № 1, 1961, стр. 1—5.

В начале прошлого года нам довелось ознакомиться с письменными работами учащихся 5—6 классов Кижингинской средней школы по бурятскому языку. При этом выяснилось, что большинство ошибок было допущено учащимися из-за плохого знания, или иначе — слабого усвоения правил грамматики.

Перестройка системы народного образования вызвала необходимость пересмотра и переиздания существующих программ по всем учебным дисциплинам, в том числе по бурятскому языку и литературе². Кроме того, издан новый учебный план³.

Согласно новому учебному плану, бурятский язык в восьмилетней школе будет изучаться в течение восьми лет, что на один год больше, чем в семилетней школе. Это даст возможность учащимся более глубоко усвоить бурятский язык. На изучение бурятского языка отводится в году в пятом классе 144 часа, в шестом — 108 часов, в седьмом — 72 часа и в восьмом классе 35 часов. Для более плодотворного осуществления практических задач преподавания бурятского языка желательно было бы дать часы еще в 9-х и 10-х классах. Учителя-родноведы, используя эти часы, могли бы организовать работу с учащимися на более сложных и трудных орфографических, пунктуационных и стилистических упражнениях.

Содержание программы по бурятскому языку вырабатывалось с давних пор и поэтому оно не нуждалось в коренных изменениях; подлежали только уточнению в основном вопросы, касающиеся объема грамматических сведений, передвижения тем из одного класса в другой и т. д. Тем не менее, вновь составленная программа по бурятскому языку является более совершенной по сравнению с действующими до сих пор. Согласно новой программе, в восьмилетней школе изучается полный курс фонетики

² Программа по бурятскому языку и литературе для бурятской восьмилетней школы, изд. Мин-ва просвещения БурАССР, Улан-Удэ, 1960 (составители по бурятскому языку — Д. Д. Амоголонов, Д. Д. Дугар-Жабон, Ц. Ц. Цыдыпов; по бурятской литературе — Ж. Б. Балданжабон, Б. Батоев, Ц.-А. Дугарнимаев, Ц. Номтоев, А. Н. Танятова).

³ «Учебные планы бурятской восьмилетней школы и средней школы с производственным обучением», «Учебные планы седьмых—десятых классов бурятских семилетних и десятилетних школ и опытных бурятских одиннадцатилетних школ на 1960—61 г., изд. Мин-ва просвещения, Улан-Удэ, 1960.

и грамматики. К сожалению, в ней не предусмотрено изучение лексики.

Существенным дополнением к ранее существовавшей программе считаем раздел «Развитие речи» (работа по развитию связной речи и выразительного чтения), введенный в новую программу. В программе указаны конкретные виды работ, необходимые для развития речи учащихся: изложение, сочинение, выразительное чтение, работа над книгой, деловая речь, заметка в стенгазету, письмо и др. Кроме того, в целях развития речи учащихся программа обязывает родноведов привлекать на уроках языка и литературы разнообразный лексический материал, а именно: синонимы, антонимы, парные, изобразительные слова и т. д. Но осталось для нас неясным, почему авторы упускают работу учителей с учащимися над фразеологией, пословицами и поговорками.

Другой особенностью новой программы по бурятскому языку является то, что она указывает на необходимость значительного увеличения практических работ по бурятскому языку. Но, к сожалению, авторы программы, рекомендуя выполнение орфографических и пунктуационных упражнений, совсем упустили из виду упражнения по грамматической стилистике. Новая программа, в отличие от действующих до нее программ, строго соблюдает преемственную связь с учебным материалом по бурятскому языку, изучаемым в начальной школе. Она составлена с учетом тех знаний, умений и навыков, которые получают учащиеся первых — четвертых классов. С этой целью в пятом классе в начале учебного года отведены часы на повторение курса начальной школы по теме «Основные сведения о предложении и частях речи». Попутно заметим, что авторы программы, на наш взгляд, без серьезной надобности дают на повторение почти весь материал начальной школы по бурятскому языку. Лучше было бы выбрать для повторения наиболее важные для дальнейшего изучения темы и разделы.

Новая программа по бурятскому языку во многом освободилась от перегрузки за счет передвижения некоторых тем из одного класса в другой. Например, часть синтаксиса («Обособленные члены предложения», «Прямая и косвенная речь») изучается в восьмом классе. Перенесение именно этих тем в восьмой класс вызывает некоторые сомнения. Данные темы действительно трудны для

учащихся седьмого класса русских школ, как об этом говорят авторы программы по русскому языку для русских школ⁴. Но для бурятских школ более трудными являются другие темы, как «Обороты», «Сложное предложение». Во всяком случае такое мнение высказывают отдельные родноведы республики. Между тем с той же целью некоторые темы программы предусмотрено проходить в основном практически, без прохождения теоретического курса. К таким темам, в частности, отнесены: «Понятие о словообразовании имен», «Понятие о качественных и относительных прилагательных», «Понятие о частицах», «Понятие об однородных членах предложения» и т. д. Спрашивается, почему именно вышеперечисленные темы подлежат практическому усвоению? Ведь другие, равнозначные им темы, изучаются как теоретически, так и практически.

Новая программа не лишена и некоторых других недостатков. Например, в объяснительной записке программы много общих рассуждений, мало конкретных указаний по методике преподавания, проведения практических работ. Отдельные вопросы, о которых говорят авторы в новой программе, требуют тщательного теоретического изучения и проверки на практике, на опыте учителей республики. Кроме того, в самой программе нет последовательности в соблюдении некоторых принципов, о которых говорят авторы в объяснительной записке. Это касается, например, принципа связи морфологии с синтаксисом, который местами не соблюден до конца в программе. Без основания упущены некоторые практические работы. Например, по теме «Имя существительное» нужно было обязательно предусмотреть практическую работу на различение аффикса родительного падежа имен существительных *-эй* и частицы притяжения *-ээ*: *гэрэй* «дома» и *гэрээ* «свой дом». Дело в том, что многие учащиеся допускают в этих случаях массовые ошибки. Отдельные орфографические правила, изложенные в новых правилах по орфографии бурятского языка⁵,

⁴ Программы восьмилетней школы. Русский язык и литература, Учпедгиз, М., 1961.

⁵ Правила бурятской орфографии и орфографический словарь бурятского языка, Улан-Удэ, 1962.

в программе не отражены, что необходимо учесть при ее переиздании.

Ныне школы Бурятии, занимаясь по новой программе, пользуются учебниками, составленными в соответствии со старой программой. Поэтому создание новых стабильных доброкачественных учебников в соответствии с новой программой, удовлетворяющих современным требованиям, стало ныне насущной задачей органов народного образования республики.

Авторами ныне действующих учебников являются опытные методисты из числа практиков, учителей, научных работников. Большинство школьных учебников по бурятскому языку выдержало несколько изданий, в результате которых они подвергались доработке, изменениям и дополнениям. Эти учебники в большинстве своем получили хорошую оценку, особенно со стороны круга учителей.

В учебнике бурятского языка для 1 класса⁶ изложены элементарные сведения по фонетике (звуки, слоги) и отдельные правила правописания (правила прописных букв и другие). Кроме этого, в учебнике даны и практические работы (выполнение простейших заданий, выписывание и т. д.). Несмотря на ряд положительных сторон, все же в этом учебнике встречаются и некоторые неточности, недочеты. Так, на стр. 27 автор безо всяких оговорок утверждает: ород хэлэнһээ абтаһан үгэдэ удаан аялган бэшэдэггүй «в заимствованном из русского языка слове не пишутся долгие гласные». Между тем, известно, что долгие гласные в бурятском языке употребляются и в заимствованных из русского языка словах: сүүд «суд», лаампа «лампа», гүүртэ «гурта» и т. п. На стр. 43 встречаем подобного же рода утверждение: зөөлэн тэмдэг үгын дунда хоёр хашалганай хоорондо бэшэгдэхэ «мягкий знак пишется в середине слова между двумя согласными». Однако приведенные автором примеры противоречат этому утверждению: малгайн «его шапку», гарын «его руку», артель «артель» и т. д.

Учебник по бурятскому языку для второго класса⁷ начинается с повторения материала, пройденного в пер-

⁶ Д. М. М и ж и д о н. Буряад хэлэн, эхин нургууллин нэгэдэхи класста үзэхэ учебник, Улаан-Үдэ, 1962.

⁷ Д. М. М и ж и д о н, Ш. Б. Б а л ь ж и н и м а е в. Буряад хэлэн, хоёрдох класста үзэхэ учебник, Улаан-Үдэ, 1961.

вом классе. Материал излагается несколько глубже чем в учебнике первого класса. Учащиеся знакомятся с новыми определениями, правилами. Так, например, они получают понятия о глухих и звонких согласных, об именах существительных, о глаголе, о предложении. Наблюдаются также и отдельные недочеты. На стр. 20 авторы дают алфавит бурятского языка. Произношение букв алфавита следовало бы давать в учебнике по-бурятски, например: л (*лэ*, а не *эль*), м (*мэ*, а не *эм*), н (*нэ*, а не *эн*), һ (*һэ*, а не *һа*), с (*сэ*, а не *эс*) и т. д. Встречаются в учебнике неточности и в других местах, например, на стр. 94: мэдүүлэл соо юумэ нэрлэнэн үгэнүүдэй хойно дээрэ, доро, соо, тухай гэнэн үгэнүүд хэрэглэгдэдэг «слова *дээрэ*, *доро*, *соо*, *тухай* употребляются в предложении после слов, обозначающих названия предметов», на стр. 101: мэдүүлэл соо юумэнэй үйлэ нэрлэнэн үгэнүүдэй хойно даа, һэн, ха, юм г. м. үгэнүүд хэрэглэгдэдэг «в предложении частицы *даа*, *һэн* употребляются после слов, обозначающих действия». Между тем следующие примеры из учебника: Ерэнэн дээрэн «К приезду, к приходу» (послелог *дээрэ* стоит после причастия); Морин ха «Кажется конь» (частица *ха* стоит после имени) показывают несостоятельность этих утверждений авторов.

В учебнике для третьего класса по бурятскому языку⁸ на стр. 46 авторы пишут, что существительные отвечают на вопросы *хэн бэ?* *юун бэ?*, а в учебнике для второго класса говорится, что они отвечают на вопросы *хэн?* *юун?* На стр. 50 перечисляются все суффиксы множественного числа имен существительных, но нет примеров на их употребление в словах с разными основами. Учебник для четвертого класса⁹ открывается с повторения состава слов, пройденного в третьем классе. Жаль только, что на повторение дается лишь состав слова. Между тем в третьем классе проходят довольно большой материал, повторение которого дало бы немалую пользу. Остался для нас неясным принцип подачи материала в учебнике. В учебнике подробно даны формы глагола, притяжание, склонение имен существительных, разряды многих частей речи,

⁸ М. Н. И м е х е н о в, А. А. А ю р з а н а й и. Буряад хэлэн, эхин нургуулин гурбадахн класста үзэхэ учебник, Улаан-Үдэ, 1961.

⁹ М. Н. И м е х е н о в. Буряад хэлэн, эхин нургуулинда дүрбэдэхн класста үзэхэ учебник, Улаан-Үдэ, 1961.

притом в таком же объеме, что и в пятом классе. Но по-
чему-то представлен только разряд личных местоимений.
В этой связи следует сказать, что учебник четвертого
класса местами перегружен. Об этом справедливо гово-
рят некоторые учителя школ.

Завершая краткий обзор учебников по бурятскому
языку для начальных классов, отметим их общие недос-
татки: 1) часть теоретического материала нуждается в
уточнении и изменении; 2) многие орфографические пра-
вила теперь необходимо привести в соответствие с новыми
правилами орфографии бурятского языка. Например, в
учебнике для третьего класса (стр. 35) дано следующее
правило: үгын анхан һуури соохи **л, м, р, б** хашалгануу-
дай удаа тодо бэшээр дуулдадаг **а, о, э** аялгануудые бэ-
шэдэггүй «в производной основе слов, после согласных
л, м, б, р не пишутся неясно произносимые краткие глас-
ные **а, о, э**». Неполнота данного правила становится оче-
видной из следующих примеров: амараг «милый», тэбэнэ
«большая игла». Далее, на стр. 41 в том же учебнике
говорится о том, что заимствованные из русского языка
слова, оканчивающиеся на **я, е, ия, ие, ье, ий** принимают
в конце **и** (баня — бани, поле — поли). Здесь упущены
заимствованные слова с окончаниями на **-еэ**: горячее —
горючи; 3) наблюдается перегрузка учебного материала
в учебниках третьего (частично) и четвертого классов;
4) надо в значительной мере увеличить количество упраж-
нений, они должны быть связаны с современной тема-
тикой. А упражнения же в учебниках даются бессистемно,
без учета практической значимости пройденной темы и
совершенно мало упражнений творческого характера.
Тексты упражнений во многих случаях подобраны неудач-
но, некоторые из них по объему слишком большие, дру-
гие — слишком коротенькие. Содержание текстов многих
упражнений явно устарело; 5) многие темы в программе
и учебниках второго, третьего и четвертого классов изу-
чаются с разрывом, не сразу, например, сначала прохо-
дят имя существительное (понятие о существительном,
число существительных), затем после прохождения не-
скольких тем возвращаются обратно к существительным
(падеж, склонение существительных). Такое разрозненное
изучение материала, о чем говорят, например, учителя
школ Хориинского аймака, не дает положительного резуль-
тата; 6) надо более увязать учебник по грамматике с

учебником по чтению. Учебники по языку и литературе даются то вместе (в первом классе), то отдельно, при этом нет преемственной связи между ними. Опыт работы учителей школ Хоринского аймака показывает, что их надо давать вместе, т. е. в одном учебнике; 7) при переиздании учебников авторам учебников разных классов следует учитывать преемственную связь между учебниками, избежать в них разного толкования одних и тех же вопросов и соблюсти необходимую пропорцию в отношении объема и степени трудности.

Последнее издание грамматики бурятского языка для пятых-шестых классов¹⁰ во многом отличается от всех предыдущих изданий. Так, в ней конкретизированы, уточнены многие грамматические определения, удалены из учебника лишние вопросы. Если в предыдущем издании теоретические правила занимали около ста параграфов, то в последнем издании они сокращены до пятидесяти семи. В целом новое издание получило хорошую оценку. В учебнике представлены разделы «Фонетика», «Морфология». Раздел «Фонетика» освещен авторами хорошо, довольно обширно, чем в учебнике четвертого класса. В этом разделе рассматриваются звуки речи, буквы, гласные, согласные, слоги, перенос слов, правописание заимствованных слов. Авторы в начале раздела объясняют, что наука о фонетике изучает звуки речи. Однако такое объяснение предмета фонетики нужно считать устаревшим. Известно, что фонетика изучает не только звуки речи, но и ударение, теорию слога, ритм и методику предложения и т. д. По определению Л. Р. Зиндера, фонетика — это наука о звуковых средствах языка во всех их проявлениях¹¹. Классифицируя согласные звуки, авторы их делят на глухие и звонкие. Между тем, в научной литературе принято делить их по степени напряженности артикулируемого органа на сильные (обязательно глухие), слабые (глухие и звонкие), сверхслабые (сонорные). Деление согласных на звонкие и глухие в школьном учебнике допустимо, по-видимому, только в методических целях.

В разделе «Морфология» освещены состав слова и части

¹⁰ М. Н. И м е х е н о в, Ц. Ц. Ц ы д ы п о в. Буряад хэлэнэй грамматика, фонетикэ ба морфологи, 1-хи хуби, Улаан-Үдэ, 1962.

¹¹ Л. Р. З и н д е р. Общая фонетика, Л., 1959, стр. 5.

речи. В составе слова разобраны все морфемы слова (корень, основа, суффикс, окончание). На наш взгляд, в учебнике дано неточное определение на окончание: *нуурида залгагдажа, тэрээндэ нэмэри удха оруулдаг гү, али мэдүүлэл соохи үгэнүүдэй хоорондохи холбоо харуулдаг хубиинь залгалта гэдэг* «окончанием называется та часть слова, которая, присоединяясь к основе, либо придает слову дополнительное значение, либо выражает связь между словами». Известно, что окончания выражают обычно связь между словами. А дополнительное смысловое значение придает слову суффикс. Кроме того, авторы неверно, на наш взгляд, считают окончаниями суффиксы множественного числа имен. В результате этого окончания, суффиксы всех частей речи в учебнике получили путаные объяснения, что совершенно недопустимо в учебниках. Авторы, пытаясь, видимо, выбраться из этой путаницы, вынуждены на стр. 19 писать: *суффикса адли залгалтанууд «об окончаниях, похожих на суффиксы»*. Эта путаница должна быть устранена в следующем издании учебника.

Из частей речи, изучаемых в пятом классе, наиболее трудным является глагол. Глаголы в учебнике подразделены на простые (*уишана, ябана, байна*) и составные (*уишажа байна, бэшэдэг болонон байба*). Такое деление глаголов лишено серьезного основания. В действительности данные авторами составные глаголы не составляют самостоятельных глагольных основ, а являются лишь видовой глагольной формой¹². Таким образом, этот вопрос требует дальнейшей разработки и уточнения. Авторы учебника говорят о наличии четырех времен изъявительного наклонения глагола: *мунөө саг* «настоящее время» с окончаниями **-на (-но, -нэ)**, *үнгэржэ байһан саг* «прошедшее (или букв. «проходящее») время» с окончаниями **-ба (-бо, -бэ)**, *үнгэрһэн саг* «прошедшее время» с окончаниями **-аа (-оо, -өө, ээ)**, *эрээдүй саг* «будущее время» с окончаниями **-ха (-хо, -хэ)**. Далее, в учебнике указывается, что будущее время изъявительного наклонения (например, *аха ерэхэ* «брат приедет») может быть и

¹² Г. Д. С а н ж е е в. К вопросу о глагольных основах в монгольских языках. Краткие сообщения ИВ АН СССР, вып. 24, М., 1958, стр. 7.

причастием (например, *ерэхэ хүн* «человек, который придет») ¹³.

Следовательно, авторы здесь придерживаются положений, имевших место в старых школьных учебниках. Это относится, например, к определению прилагательных и наречий. Имя прилагательное, сказано в грамматике, обозначает как признак предмета, так и действия. Признак действия, как известно, обозначается не прилагательным, а наречием. По мнению проф. Т. А. Бертагаева, «качественные прилагательные типа *хайн* «хороший», *түргэн* «быстрый» и др. при своем сочетании с глаголами перестают быть таковыми и переходят в наречие ¹⁴. Думается, что это мнение проф. Т. А. Бертагаева не мешало бы учесть авторам рассматриваемого нами учебника.

Изобразительные слова в учебнике отнесены к междометиям. Как известно, изобразительные слова в бурятском языке встречаются в составе глаголов, прилагательных, наречий и существительных. Поэтому в школьной грамматике их лучше давать в соответствующих частях речи ¹⁵.

Требуют уточнения и дополнения некоторые грамматические определения учебника. Так, необходимо разграничить существительные в совместном падеже (с аффиксами **-тай, -гой, -тэй**) от существительных, перешедших полностью в прилагательные типа *ууртай* «сердитый», *хайратай* «жалкий», *гайхалтай* «удивительный» и др.

В раздел «Словообразование наречий» необходимо включить еще наречия, образованные от самих же наречий с помощью: а) аффиксов **-хана** (*урдахана* «перед тем как»), **-гүүр** (*энээгүүр* «здесь, по эту сторону»); б) падежных окончаний, например, родительного, дательного, орудного, исходного падежей: *үглөөнэй* «утром», *хаянай* «давно, давным-давно», *хаядаа* «только что, недавно», *түргэнөөр* «быстро», *эндэхээ* «отсюда», *нюусаар* «скрытно, украдкой», *саанаһаа* «оттуда, издалека» и др.

¹³ См.: Такое же объяснение и у Д. Д. Амоголонова. (Современный бурятский язык, Улан-Удэ, 1958, стр. 201.)

¹⁴ См.: Т. А. Бертагаев. О спорных вопросах грамматики (на материалах монгольских языков), ИЯ АН СССР, М., 1961, стр. 93.

¹⁵ См.: Л. Ш. Шагдаров. Изобразительные слова в современном бурятском языке, Улан-Удэ, 1962.

Не нашли в учебнике отражения наречия-последелого типа *дээрэ* «вверху» (наречие), *дээрэ* «на, в» (последелог).

Учебник страдает и стилистическими погрешностями, зачастую встречаются неудобочитаемые громоздкие предложения, например: *деепричастна формо (деепричасти) хандалгагүй (?)*, *падежээр зохилдодоггүй, гансаараа байхадаа дүүрээгүй удхатай глагольно формо ха юм (§ 29, стр. 101)* «Зарим частицанууд бэшэ (вместо урдахи) үгэнүүдээр хамта бэшэгдэжэ, үгын бүридэл соо дайралдадаг (§ 16, стр. 45). Угын гол удхашанар (вместо удха) абажа ябадаг хубиинь һуури гэдэг (§ 10, стр. 37). Угые үгүүлхэдэ бэлээр нэгэ хэдэн хуби боложо таһардаг, тиймэ нэгэ хубиинь үе гэдэг. Нэгэ бүлын хүнүүдые тэмдэглэхэ зуураа олоной тоогой удхатай юумэнүүдэй нэрэнүүд олоной тоогой залгалта абадаггүй (§ 19, стр. 52) и т. д. Одно и то же слово в учебнике пишется по-разному, например: Доржи (стр. 50) — Доржо (стр. 21), хан (стр. 19) — хаан (стр. 19), Сэсэгма (стр. 22), Гэрэлма (стр. 39), Пунсок (стр. 78), сад (стр. 75), фүүнтэ (стр. 59) и др. Помимо этого, в учебнике много опечаток, ошибок, встречающихся в текстах упражнений. Перечислим некоторые из них: *жэлэй хагда (вм. хагдан) соогуур (стр. 27)*, *тутгаалжан (вм. туутагаалжан, стр. 30)*, *хонгёо хашалганууд дуунай хамаадалгатайгаар (вместо хабаадалгатайгаар (стр. 23)*. *Зунай үедэ һурагшадай дунда үнгэргэгдэхэ хүдэлмэрийн түсэб соо танай энэ үүсхэл болон (вм. болгон, стр. 17)* и другие. Встречаются также стилистические неточности и в текстах упражнений. В учебнике часто повторяются однотипные задания, рассчитанные на голую фиксацию или констатацию однородных языковых фактов (вроде перепишите, спишите). Нужны упражнения творческого характера.

Вторая часть грамматики бурятского языка (синтаксис) выдержала несколько изданий, прошла достаточную проверку временем и практикой¹⁶. Несмотря на это, она не дает достаточного теоретического материала, в результате чего учащиеся получают поверхностные знания. В начале синтаксиса авторы объясняют типы связи слов в бурятском языке. В эту тему необходимо дополнительно включить

¹⁶ Г. А. Бертагаев, М. Н. Имехенов, Д. Д. Дугар-Жабон. Буряад хэлэнэй грамматика, ч. II-хи, синтаксис, Улаан-Удэ, 1960.

вопрос о порядке слов в предложении. На стр. 13 сказано, что подлежащее выражается только существительными, причастиями, числительными и прилагательными. Следовало бы еще добавить, что оно выражается также: 1) местоимениями (вопросительным, неопределенным и др.); 2) фразеологизмами, парными и другими сочетаниями слов; 3) изобразительными словами: үүдэнэй хард гэхэ дуулдаба «был слышен скрип дверей» и т. д. На стр. 14 следовало бы добавить, что, кроме *болбол*, *хадаа*, *гээшэ*, показателями подлежащих бывают еще *гээшэ*, *гэдэг*, *гэжэ*. Выражение сказуемого в учебнике освещено также неполно. Сказуемое выражается еще именами в различных падежных формах (а не только именами в именительном падеже), а также именами с частицей отрицания -гүй: Тэрэш ахада «Тот у брата», Аба гэртээ «отец дома», Дүүмни хоритой «Братишке двадцать лет», Абга гэргүй «Дядя без дома», Тэрэш ахын «То братово» и т. п.

Составное глагольное сказуемое, пишут авторы на стр. 21, состоит из глагола (деепричастие, причастие) и вспомогательных глаголов (*бай*, *боло*). Известно, что в качестве вспомогательных слов в составных глагольных сказуемых могут выступать еще и другие части речи: Тэрэ ошохо ёһотой «Он должен сходить, съездить», Түргэн буудаха хэрэгтэй «Надо быстрее стрелять». Следует добавить, что кроме *бай*, *боло* вспомогательными глаголами могут быть и другие глаголы: Аха буудажа оробо «Брат начал стрелять», Тэрэ гэртээ унтаж мэдэбэ «Он дома спал во-всю», Хонхо хон-хон гэнэ «Звенит колокольчик динь-динь».

Утверждение о том, что составное именное сказуемое состоит из вспомогательных глаголов *бай*, *боло* и только существительных и прилагательных (стр. 17) требует также дополнения. Именными частями речи при составных сказуемых могут быть и другие части речи: Энэш имэ болохо «Это будет таким». Ном танай болог «Пусть книга будет вашей». Стол манай байха «Стол-то наш». Би мүнгэгүй болооб «У меня вышли деньги». Выражение определения дано в учебнике тоже неполно. Оно выражается еще: 1) местоимениями (обобщительными и другими): Бусад һурагшад «Остальные учащиеся»; 2) наречиями: үсгэлдэрэй тоосоон «вчерашний отчет», мүнөөдэрэй һонин «сегодняшние новости»; 3) именами существительными в совместном паде-

же (а не только в именительном и родительном падежах), а также в сочетании с частицей -гүй: тамхитай аршуул «кисет с табаком», архигүй архидаашан «гуляки, кутилы без вина», 4) числительными в различной форме (в учебнике даны они только в форме именительного и родительного падежей): нааяд хонид «около восьмидесяти овец», гурбуулап луугшад «трое сидящих».

Также в дополнении нуждаются темы «Обстоятельства», «Неполные предложения», «Однородные члены предложения» и другие. оборотами называются, — пишут авторы, — распространенные обстоятельства, выраженные причастиями и деепричастиями. Различают простые (*юрин*) и самостоятельные (*бээ дааһан*) обороты. Такое определение оборотов требует уточнения. Дело в том, что оборотами могут быть не только распространенные обстоятельства, но и распространенные дополнения и другие члены предложения. Например: минин городноо ерэхые ахамни хүлээжэ байна.

В учебнике сложное предложение изложено действительно сложно. Это относится особенно к примерам, которые путают не только учащихся, но даже и самих учителей. Данный раздел нуждается в дополнениях и изменениях. По-видимому, авторы новой программы поступили вполне правильно, убрав такие, путанно изложенные в учебнике темы, как «Смешанные сложные предложения», «Классификация придаточных предложений» и другие. Вторую часть грамматики завершает приложение «Пунктуация». Основной недостаток данной темы — это отсутствие точных и ясных правил на постановку занятых как в оборотах, так и в сложных предложениях. Как видно из текстов упражнений, данных в учебнике, они ставятся без строго выработанной системы. В заключение отметим, что вторая часть грамматики, как и первая, нуждается в значительном улучшении качества и увеличении количества упражнений.

Кроме рассмотренных учебников по бурятскому языку, имеется грамматика, предназначенная для учащихся педагогических училищ¹⁷. В ней представлены разделы: «Введение», «Лексикология», «Фонетика», «Графика», «Орфоэпия», «Диалекты бурятского языка», «Морфология»,

¹⁷ Д. Д. Д у г а р-Ж а б о н. Буряад хэлэн, I-хи хуби, багшын пургуулида үзэхэ ном. Улаан-Удэ, 1958.

«Орфография». Во «Введении» автор коротко дает сведения о языке, понятие о литературном языке, краткую историю развития бурятского языка. Хотя введение в целом написано неплохо, но все же оставляет желать лучшего. Лексика занимает в учебнике обширное место. Она охватывает следующие темы: «Понятие о значении слова», «Многозначность слова», «Синонимы», «Омонимы» и «Антонимы», «Диалектология», «Фразеология», «Пословицы и поговорки». Все они в целом получили неплохое освещение в учебнике. Но тем не менее в данном разделе надо было бы дополнительно дать разделы: «Парные слова», «Словари бурятского языка».

Раздел «Фонетика» изложен также обстоятельно. С нашей стороны вызывает возражение, когда автор в учебник включает спорные вопросы и пытается их разрешить по-своему, расходясь со школьной грамматикой М. Н. Имехенова, Ц. Ц. Цыдыпова. Это может вызвать путаницу у учащихся и учителей. Тема «Диалекты бурятского языка» объяснена неполно, автор ограничивается в основном изложением некоторых фонетических особенностей диалектов и говоров. Необходимо ему использовать работы и статьи по бурятской диалектологии, изданные в последнее время.

Раздел «Орфография» требует также пересмотра в свете новых орфографических правил бурятского языка. В учебнике обширно представлена «Морфология». В ней освещается состав слова, словоизменение и словообразование всех частей речи. В именах существительных автор различает четыре типа склонения. А в учебнике Д. Д. Амоголонова находим три типа склонения, что считаем вполне обоснованным¹⁸. Как и в первой части грамматики бурятского языка М. Н. Имехенова и Ц. Ц. Цыдыпова, видовые глагольные формы выдаются за «сложные» глаголы (ябаша, бэшээдхи, харажархи). В отличие от первой части школьной грамматики, автор в изъявительном наклонении различает два времени. Такое различие в объяснении изъявительного наклонения, имеющее место в учебных грамматиках, ничем не оправдано и не может не вызвать путаницу у учащихся в изучении бурятского языка.

¹⁸ Д. Д. А м о г о л о н о в. Современный бурятский язык, Улап-Удэ, 1958.

ка в школе. Некоторые окончания имен существительных (-тай), наречий (-хи), перешедших в прилагательные, ошибочно даны в учебнике как словообразовательные суффиксы прилагательных (бэшэгтэй, амтатай, урдахи, мүнөөдэрхи). Как и в первой части школьной грамматики бурятского языка, изобразительные слова без серьезного основания в учебнике отнесены к междометиям. Книга написана местами плохим языком, стиль — переводческий.

Завершая анализ школьных учебников по бурятскому языку для старших классов, отметим, что они нуждаются, во-первых, в некоторой доработке, дополнениях и изменениях; во-вторых, в устранении разноречивых объяснений одних и тех же вопросов; в-третьих, в улучшении качества упражнений.

И. Д. БУРАЕВ и Ц. Ц. ЦЫДЫПОВ

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Бурятская письменность имеет свою довольно длительную историю. Начиная приблизительно с половины XVIII века, буряты пользовались старомонгольской вертикальной письменностью. Эта письменность была значительно изменена в сторону приспособления ее к живому бурятскому языку. Изменения касались области лексики, стиля и орфографии.

Буряты этой письменностью пользовались довольно широко. Сохранились писанные бурятские своды. Например, в рукописном отделе БКНИИ имеется «Уложение селенгинских бурят 1737 г.»; в 1763 г. хоринцами было составлено «Уложение («хэб»)», касающееся брачного права, охоты и борьбы с пьянством; в 1788 г. хоринскими и селенгинскими бурятами было составлено положение о брачном праве. На этой письменности велось делопроизводство, имеются документы, свидетельствующие о ведении официальной и частной переписки. Кроме всего, на ней написаны крупные историко-хроникальные работы, относящиеся к XIX веку, как, например, летописи селенгинских, хоринских, баргузинских бурят, а также имеются сочинения духовного и светского содержания. С начала XIX века на этом языке велось преподавание как в официальных школах, так и в частном порядке.

На старомонгольской письменности составлялись, естественно, и оригинальные грамматические сочинения, терминология которых, как правило, совпадала с таковыми традиционных монгольских грамматик.

Несмотря на то, что старомонгольская письменность была заметно приближена к бурятскому языку, орфография

ее все-таки полностью не отражала особенности языка. После Октябрьской революции в связи с бурным ростом культуры и науки, с образованием широкой сети школ, с преподаванием в них на родном языке стал вопрос о замене старого алфавита. Первые годы Советской власти буряты пользовались старой вертикальной письменностью, в 1931 г. перешли на латинский алфавит, который, как выяснилось впоследствии, также не соответствовал особенностям бурятского языка.

В начальный период пользования латинским алфавитом терминология (имеется в виду грамматическая) оставалась прежней, т. е. монгольской. Однако, уже в это время начала свою работу специальная терминологическая комиссия, которая занималась выработкой новых терминов, более соответствующих бурятскому языку. Лингвистическую группу комиссии возглавлял Б. Б. Бардин. На своем заседании от 26 января 1934 г. Государственная терминологическая комиссия утвердила проект новых грамматических терминов бурятского языка, представленного лингвистической группой. Утвержденный свод содержит 199 самых популярных терминов, относящихся исключительно к области бурятского языковедения. В 1935 г. вышла из печати грамматика бурятского языка для средних школ, составленная Б. Болодоном. В ней нашло свое отражение новый утвержденный комиссией свод грамматических терминов. Много терминов старомонгольского происхождения было заменено бурятскими. Например, *тиин илгал* «склонение» был заменен термином *зохил* (впоследствии *зохилдол*),¹ *шигуулэгшиэ* «согласный» — *хашалган, эгэшиг* «гласный» — *аялган* и другие.

Ряд интернациональных терминов типа фонетика, морфология, синтаксис, грамматика, лексика и т. д., по предложению терминологической комиссии, был оставлен в русском звучании, т. е. приняты как заимствования из русского языка. Правда, часть из них была принята в несколько «модном» оформлении, как-то: фразетика, графетика, морфетика, лексетика, которые впоследствии практикой были приведены в соответствующие формы.

В целом комиссией был выработан свод грамматических терминов, вполне соответствующий бурятскому языку. Вместе с тем, имело место чрезмерное увлечение обу-

¹ Термин *зохилдол* означал тогда «падеж».

рячиванием терминов. Это, в свою очередь, создавало ненужную полисемию. Понятие «точка» обозначалось термином *ехэ сэг* «большой знак», «кавычки» — *илгаһан сэг* «отделяющий знак», «инфикс» — *орбори* — «входящий», «сказуемое» — *мэдуу.лэгшэ* «осведомитель» (см. Бюллетень Бурятской государственной терминологической комиссии, № 2, Улан-Удэ, 1934). Как известно, многозначность в системе терминов создает путаницу и воспринимается как явление отрицательное. Этот недостаток при последующих изданиях бурятских школьных грамматик постепенно исправлялся, многие неудачные грамматические термины заменялись более совершенными.

Наиболее заметным этапом в истории терминотворчества в бурятском языке явилось принятие нового алфавита, основанного на русской графике.

В 1939 г. был осуществлен переход бурятской письменности на новый алфавит — с латинского на русский. Вполне понятно, что произнесение соответствующих бурятских и русских звуков, которые в письме обозначаются одними и теми же знаками, полностью не совпадают между собой. Таким образом, буквы русского алфавита приобретают в известной мере новое качество (звучание) на почве бурятского языка. Однако же соотношение фонемного состава бурятского языка и букв русского алфавита является весьма удачным, приближающимся к идеальному фонематическому алфавиту, т. е. к такому алфавиту, когда каждая фонема языка обозначается соответствующим знаком. Поэтому существующая графика значительно лучше, чем существовавший до этого латинский, отражает звуковой состав бурятского языка, и введение нового алфавита сыграло большую положительную роль как в улучшении орфографии, так и в развитии литературного языка вообще. Область грамматической терминологии претерпела коренные изменения. Во всех учебниках по грамматике бурятского языка со времени принятия нового алфавита придерживаются одинакового принципа.

В современных школьных грамматиках имеет место четыре пути образования грамматических терминов: 1) заимствование терминов из других языков; 2) перевод терминов из русского языка; 3) создание терминов средствами своего языка; 4) сочетание заимствованных и бурятских терминов.

1. Заимствованные термины

К этой группе относятся термины, заимствованные главным образом из русского языка, частично из грамматики монгольского письменного языка.

Авторы грамматик ограниченно пользуются способом простого заимствования, ибо он не разрешает полностью проблемы практической грамматической терминологии. По справедливому выражению Р. А. Будагова, «термин не только пассивно регистрирует понятие, но в свою очередь воздействует на это понятие, уточняет его, отделяет от смежных представлений»². А заимствованные термины теряют свою этимологию, теряют свои прежние значения. Поэтому они не оказывают никакого воздействия на понятие. Например, термины «союз», «частица», «наречие» и т. п. только пассивно выражают понятия, фигурируют только как ярлычок, не оказывая никакого влияния на понятие.

Этот принцип имеет и положительную сторону. Как известно, термин должен быть однозначным. Многозначность считается его недостатком. Как раз заимствованные термины в полной мере удовлетворяют требованию однозначности.

Вместе с тем, заимствованные термины значительно усложняют процесс усвоения грамматического материала. Учащийся должен усваивать и само понятие и обозначение (название) этого понятия, так как заимствованный термин сам по себе не раскрывает содержание того, что скрыто за ним.

Термины с твердым согласным окончанием, а также термины, оканчивающиеся на гласные, правописание которых совпадает с законом сингармонизма бурятского языка, заимствуются без изменения. Например: *глагол*, *союз*, *частица*, *надеж*, *алфавит*, *суффикс*, *синтаксис*, *абзац*, *дифтонг*, *кавычка*. Остальные термины, согласно закону сингармонизма бурятского языка, претерпевают незначительные фонетические изменения в конечном слого. Например: *морфологи* — морфология, *фонетикэ* — фонетика, *наречи* — наречие, *запятой* — запятая, *точко* — точка, *причастна оборот* — причастный оборот, *переходно глагол* — переходный глагол.

² Р. А. Б у д а г о в. Слово и его значение, Л., 1947, стр. 23.

Кроме этого, в грамматиках бурятского языка встречаются термины, перешедшие из монгольского письменного языка. Например, в грамматике монгольского письменного языка существуют термины *эрэ*, *эмэ*, *эрсэ*, т. е. гласные делились на *эрэ аялган* — гласные мужской категории, *эмэ аялган* — гласные женской категории, *эрсэ аялган* — гласные нейтральной категории. Все эти термины употребляются в бурятских национальных грамматиках. Термины такого типа количественно весьма незначительны.

Нет особой надобности выделять в особые группы интернациональные термины типа «синтаксис», «фонетика», «морфология» и т. д., так как они берутся из русского языка, в русском оформлении.

В истории термиотворчества в практических школьных грамматиках имела место замена неудачных бурятских национальных терминов русскими. Например, термин *үйлэ үгэ* был заменен русским термином «глагол». Термин *үйлэ үгэ* в буквальном переводе означает «действие-слово». Как известно, глагол обозначает не только действие, но и состояние предмета. Таким образом, термин *үйлэ үгэ* оказался неудачным, односторонним. До 1940 г. термин «частица» обозначался сочетанием *һула үгэ*, т. е. «слабое слово» и др. Однако, встречаются термины, заимствованные без особой необходимости: термин «форма» можно заменить бурятским словом *түхэл*, «союз» — *холболто*, «косвенно (хэлэлгэ)» — *хазагай (хэлэлгэ)*, «простой (глагол)» — *юрын* или *жижирэй (глагол)*, «составной (глагол)» — *бүридэлтэ (глагол)*, «сложно (үгэ, мэдүүлэл)» — *нэгэдэлэн (үгэ, мэдүүлэл)*.

2. Переводные термины

Грамматические термины, созданные путем прямого калькирования с русского языка и путем перевода по содержанию, являются наиболее распространенными в бурятском языке.

Когда перед авторами бурятских грамматик встала проблема создания своих собственных терминов, в качестве образца брались ими школьные грамматики русского языка. Вполне закономерно, что авторы бурятских национальных грамматик в своей работе по термиотворчеству прибегали к методу перевода. Благодаря богатству

словарного состава бурятского языка, этот метод применялся успешно.

По способу калькирования создавались следующие термины: *үндэһэн* — корень, *абьян* — звук, *тоо* — число, *нэмэлтэ* — дополнение, *нюур* — лицо, *хандалга* — обращение, *эширхэйлэгшэ* — определение, *тусгаарлаг* — обособление, *байрын ушарлагша* — обстоятельство места, *сагай ушарлагша* — обстоятельство времени, *шалтагаанай ушарлагша* — обстоятельство причины, *зорилгын ушарлагша* — обстоятельство цели, *дутуу мэдүүлэл* — неполное предложение, *хүсэд мэдүүлэл* — полное предложение, *нэрлэһэн мэдүүлэл* — назывное предложение, *нюургүй мэдүүлэл* — безличное предложение, *тодобэшэ нюуртай мэдүүлэл* — неопределенно-личное предложение, *нэгэ түрэл гэгшүүд* — однородные члены, *оролто үгэ* — вводное слово, *сэхэ хэлэлгэ* — прямая речь.

Перевод терминов по содержанию: *хаалта* — скобка, *зохилдол* — склонение, *хашалган* — согласный, *залгалта* — окончание, *ушарлагша* — обстоятельство, *хэлэгшэ* — сказуемое, *нэрлүүлэгшэ* — подлежащее, *мэдүүлэл* — предложение, *ерээдүи саг* — будущее время, *нүхэсэл мэдүүлэл* — подчиненное предложение, *хуряангы мэдүүлэл* — пераспро-страненное предложение, *шангадхаһан мэдүүлэл* — восклицательное предложение, *юрэ хөөрэхэн мэдүүлэл* — повествовательное предложение, *түлөөнэй үгэ* — местоимение, *юүмэнэй нэрэ* — имя существительное, *гараһан үгэнүүд* — производные слова, *анхан үгэнүүд* — производные слова, *түргэн аялган* — краткий гласный, *үгын үе* — слог и ряд других.

К этому способу прибегают в том случае, если не удается путь калькирования, а также при переводе терминов, не вполне точно выражающих свои функции, и чаще всего тогда, когда ощущаются небольшие различия между грамматическими понятиями двух языков. Например, передача русского термина «нарицательное имя» путем кальки не представляется возможным. Поэтому он переводится по содержанию — *юрын нэрэ*. Термин «склонение» переведен на бурятский язык термином *зохилдол*, что означает «соответствование». Этот термин выполняет свою функцию лучше, чем термин «склонение». А термин «местоимение» переведен «местословием» — *түлөөнэй үгэ*. Тот и другой термин на своих языках являются правильными. Пбо на

русском языке «местоимение» употребляется только вместо имен, а в бурятском употребляется вместо имен и глагола.

3. Термины, созданные средствами своего языка

Собственно бурятские термины создаются из уже существующих в литературном языке слов или путем придания им дополнительного терминологического значения, или путем образования устойчивых сочетаний также с единым терминологическим значением.

Многие старомонгольские термины заменены собственно бурятскими словами, которые довольно удачно выполняют терминологические функции. Слово *хашалга* в современном бурятском языке — это имя существительное со значением «запруда, преграда, препятствие». А в бурятском языкознании слово *хашалган* приобретает специальное терминологическое значение — «согласный». Слово *аялга* в литературном бурятском языке означает «тон, мелодия, голос». Как языковедческий термин означает «гласный». Бесспорно, лингвистические значения слов *хашалган* или *аялган* связаны с основными нетерминологическими значениями этих слов: основным признаком согласного является преградность, а гласные, как правило, являются в основе своей музыкальными тонами.

Как видно из этих примеров, термины и обычные слова находятся в тесной взаимосвязи. Поэтому «термин не только пассивно регистрирует понятие, но в свою очередь воздействует на это понятие, уточняет его». В этом отношении термины, созданные средствами родного языка, лучше других выполняют свои функции.

Иногда новые термины создаются путем образования устойчивых сочетаний слов. Образовываются, таким образом, сложные термины, главная часть которых в бурятском языке оформляется или причастием прошедшего времени совершенного вида, или родительным падежом. Например: *хамталхан түлөөнэй үгэ* — соединительное местоимение (букв. «соединившее местословие»); *хүниие тэмдэглэ-лэн юумэнэй нэрэ* — имена, обозначившие людей; *юумэнэй нэрэ* — имя существительное (букв. «имя вещей»), *тэмдэгэй нэрэ* — имя прилагательное (букв. «имя признака»), *тоогой нэрэ* — имя числительное (букв. «имя числа») и т. д.

Для обозначения языковых явлений, характерных для

бурятского языка, создавались новые термины: *аялганай илгаа* «классификация гласных», *аялганай тааралдал* «гармония гласных», *аялганай нубарил* (букв. «следование гласных друг за другом») (частный случай гармонии гласных), *аялганай нугарал* (букв. «перелом гласных», также частный случай гармонии гласных), *тодо бэшэ аялган* (букв. «нечеткие гласные»), (*аялганай уналга* «выпадение гласных», *тогтууригуй н* «неустойчивый н» и т. д.

Несмотря на то, что новые термины, созданные средствами своего языка, лучшим образом выполняют свои функции, авторы современных школьных грамматик далеко не в полной мере прибегают к этому способу создания грамматических терминов.

В этой части терминологической работы не только нет прогресса, но даже забыты некоторые положительные предложения терминологической комиссии 1934 года (см. Бюллетень государственной терминологической комиссии, № 2, Улан-Удэ, 1934).

Термин «сложное предложение» в бурятской грамматике фигурирует в форме *сложно мэдүүлэл*, «составное сказуемое» — *составной хэлэгшэ*, «сложное слово» — *сложно үгэ* и т. д. Между тем, терминологическая комиссия еще в 1934 г. предлагала в этих случаях термины: *холболдоһон мэдүүлэл*, *бүридэлтэ хэлэгшэ*, *дабхар үгэ*. Такого рода чрезмерные увлечения заимствованиями в современных школьных грамматиках встречаются немало. Составителям учебников по бурятскому языку следует более строго подойти к терминологической проблеме, не забывать того, что проделано предшественниками, а рационально использовать все ценное в нем.

4. Комбинированные термины

Сложные термины, образованные из русского и бурятского слов, или так называемые комбинированные термины в современных бурятских грамматиках имеют широкое распространение. Вот далеко не полный перечень их: *простой мэдүүлэл* — простое предложение, *сложно мэдүүлэл* — сложное предложение, *косвенно хэлэлгэ* — косвенная речь, *условиин ушарлагша* — обстоятельство условия, *хэлэгшын частица* — частица сказуемого, *зуурандын деепричасти* — попутное деепричастие и т. д. К бурятским

элементам могут относиться как собственно бурятские, так и переводные из русского языка термины.

Результаты предварительного анализа грамматической терминологии современного бурятского литературного языка показывают, что более распространенными являются переводные термины. Не последнее место по количеству занимают и заимствованные из русского языка термины. К сожалению, принято немалое число необоснованных заимствований, что в известной мере затрудняет усвоение соответствующего грамматического материала учащимися. Ясно, что заимствованные термины не могут оказать какого-либо воздействия на обозначаемые грамматические понятия, поэтому учащимся нужно усваивать и само понятие, и название этого понятия.

Вместе с тем, в школьных грамматиках имеет место употребление не совсем удачных бурятских терминов, например: *саглуулһан* (форма) букв. «временная (форма)» (изъявительное наклонение), *бүридэлтэ тэмдэгэй нэрэ* «относительное прилагательное», *үгэ таһалжа нуулгэхэ* и *үгэ нуулгэхэ* «перенос слов».

Как чрезмерное увлечение заимствованиями, так и слепое стремление к обязательному употреблению «собственных» терминов, одинаково мешают терминологической работе. Терминотворчество — дело весьма ответственное, и к нему нужно подходить с глубоким знанием всего языкового материала, придерживаясь строгой последовательности при их оформлении. Чтобы успешно разрешить эту задачу в ближайшее время, необходимо составить полный словарь бурятских грамматических терминов и подвергнуть его компетентному обсуждению.

Д. Г. ДАМДИНОВ

О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Земледельческая терминология бурят изучена крайне недостаточно. В работе Т. А. Бертагаева «К исследованию лексики монгольских языков» термины земледелия, бытующие в говорах аларских, эхирит-булагатских, селенгинских и мухоршибирских бурят, рассматриваются в сравнительно-статистическом аспекте и относятся к «так называемым дифференциальным группам слов в лексико-семантических взаимоотношениях отдельных языковых подразделений. В их числе можно различать так называемую коррелятивную, деривативную и разностную группы слов»¹.

В других работах, например М. П. Хомонова², А. Г. Митрошкиной³, И. М. Манжигеева⁴, приводятся земледельческие термины и слова в связи с изучением лексики того или иного говора в сравнительном аспекте с литературным языком без соответствующего анализа слов со стороны образования и семантики.

Основы многих земледельческих терминов этимологически восходят к словам тюркских языков. Во всяком случае они называются общими для монгольских, тюркских и маньчжуро-тунгусских языков.

¹ Т. А. Б е р т а г а е в. К исследованию лексики монгольских языков, Улан-Удэ, 1961, стр. 7.

² М. П. Х о м о н о в. Некоторые данные по говору боханских бурят, Сб. тр. по филологии, вып. 3, Улан-Удэ, 1958, стр. 281.

³ А. Г. М и т р о ш к и н а. О лексических и морфологических особенностях говора качугских бурят, Тр. БКННИ, вып. 3, 1960, стр. 134.

⁴ И. М. М а н ж и г е е в. Янгутский бурятский род, Улан-Удэ, 1960, стр. 99.

Монголами, видимо, заимствовано слово *тари* «сей, посеи», засевай» из тюркских языков (*тары* уйг. -алт.⁵ «пахать», *тары* урянх⁶ «сей, посеи, засевай»). В бурятском языке от него образована целая группа слов при помощи аффиксального и лексико-семантического способов словообразования: *таримал* «культурное растение или посеянное, посаженное растение», *тарьян* «хлеб, посев, урожай, зерно», *тарилга* «посевная кампания, посев», *тарялалан* «посев, посевная площадь», *таряшан* «хлебороб, хлебопашец, земледельец, крестьянин», *тариха* «сеять, посеять, засеивать».

⁵ В данной статье приняты следующие сокращения:

бур. — бурятский
 вост.-бур. — восточно-бурятский
 зап.-бур. — западно-бурятский
 хор. — хоринский диалект
 сел. — селенгинский диалект
 агинск. — агинский говор
 мухоршиб. — мухоршибирский говор
 эх.-бул. — эхирит-булагатский говор
 монг. — монгольский
 вост.-монг. — восточно-монгольский
 ойрат. — ойратский
 калм. — калмыцкий
 дунс. — дунсянский
 кобд. — кобдоский
 дэрб. — дэрбэтский
 кидань. — киданьский
 ордос. — ордосский
 солон. — солонский
 тюрк. — тюркский
 уйг. — уйгурский
 алт. — алтайский
 урянх. — урянхайский или тувинский
 осм. — османский или турецкий
 тур. — турецкий
 кир. — киргизский
 якут. — якутский
 шор. — шорский
 чув. — чувашский
 маньч. — маньчжурский
 эвенк. — эвенкийский
 ольч. — ольча
 негид. — негидальский
 гольд. — гольдский
 чаг. — чагатайский

⁶ И. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского края, Казань, 1903, стр. 213.

Мангир бур., монг. «лук стареющий»; маньгърсн калм. «лук»; *манкыр* осм.⁷ «мангир»; *мангыр* «лук-растение», *маньгырсын* урянх⁸ «степной лук», *мангэсун* эвенк.⁹ «лук степной».

Мойһон бур., *мойл* монг.¹⁰ «черемуха», *цомсн* калм.¹¹, *мојул* кир.¹² «тоже».

Жэмэс вост.-бур., монг., *земис*, *земес* ойрат., *үмиш(с)* *јемиш(с)* уйг., осм., дэрб., кобд., «плоды, ягоды, фрукты», *јеміш* алт. «пища, корм»¹³.

Бурдууг бур. «мучная похлебка, мучная соломата», *буртун* тюрк. «зерно», *миалка бурдук* якут. «мука»¹⁴, *бордок* *хурдук* негид. «боб, горох»¹⁵.

К более ранним зерновым культурам древних жителей Бурятии относят просо, гречу и ячмень.

Будаа бур., *шар будаа* монг., будаан (сог) калм., *бадан* сол., *ботага ботга* чаг., *бутха* алт.¹⁶ «просо, пшено», буда маньч., ольч., будаан ойрот. «каша, кушанье»¹⁷.

Халтар арбай, *арбай* зап.-бур., *арбай* монг., *арба*, *арпа* тюрк. «ячмень».

Атар газар бур., *атар*, *атар газар* монг. «целина», *атур* тюркск., *адус* шорск. «пашня, поле»¹⁸.

Тээрмэ бур. и монг., *тээрмэ*, *тээрмн* калм. «мельница», *тагирман* тур., *дајирман зу магир* осм. «вращение, вертеть, вращать», *тавер* чув. «поворачивать»¹⁹.

Анзаһан бур., *анжис(у)* монг., *анджасун* дунс.²⁰ «соха»,

⁷ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, вып. 22, т. 4, вып. 4, стр. 2020.

⁸ Н. Ф. Катанов. Указ. соч., стр. 147.

⁹ Г. М. Василевич. Русско-эвенкийский словарь, М., 1948, стр. 129.

¹⁰ А. Р. Дамба-Ринчинэ и Г. С. Мукин. Русско-монгольский словарь, М., 1960, стр. 745.

¹¹ Б. Б. Басангов. Русско-калмыцкий словарь, М., 1940, стр. 319.

¹² В. В. Радлов. Указ. соч., стр. 2123.

¹³ Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке, СПб., 1911, стр. 19.

¹⁴ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, т. I, вып. 1—4, 1959, стр. 518.

¹⁵ Г. Д. Санжеев. Маньчжуро-монгольские языковые параллели, ч. I, Изв. АН СССР, 1930, стр. 668.

¹⁶ Г. И. Рамstedт. Словарь калмыцкого языка, стр. 57.

¹⁷ Г. Д. Санжеев. Указ. соч., стр. 668.

¹⁸ Г. И. Рамstedт. Указ. соч., стр. 192.

¹⁹ Там же, стр. 395.

²⁰ Б. Х. Годаева. Дунсянский язык, М., 1961, (словарь).

андазынь уряих.²¹ «примитивный плуг». Данное слово, как нам кажется, образовано из двух корней *ани* и *джису* (ку), из которых первый обозначает «загон, полоса земли», а второй — «резать, пахать». Это видно, например, из того, что в чувашском языке *ана* обозначает загон, т. е. полосу земли, 2-3 гектара, *ана-саран* «пашни и покосы», *ана—палам—тамга* «метка на загоне»²².

В чувашском языке имеется большое количество слов, общих главным образом для чувашского и монгольского языков и не встречающихся в других тюркских языках. В этом можно видеть дополнительное доказательство существования «какой-то древней культурной связи чувашей с монголами не только во времена монгольского владычества, но задолго до него»²³.

А. П. Окладников писал, что «буряты заимствовали у своих предшественников-потомков куруканской группы племен прежде всего важнейшие элементы оседлого земледельческого, скотоводческого хозяйства, чуждые монголам-кочевникам. Сюда относятся возделывание гречихи и проса, орошение полей и сенокосных угодий, унавоживание их, заготовка сена на зиму... Об этом свидетельствуют термины: *утуг* бур., *етех* якут. «унавоженный покос, сенокосные угодия», *кюре*, *селе*, *хаша* бур., *хахаа*, *сэлэ*, *курпе* якут. «огороженные места для сенокоса и выпаса»²⁴.

После добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства русские оказали большое влияние на хозяйство бурят. В связи с этим бурятский язык пополнился значительным количеством земледельческих терминов русского языка. Так, например, заимствованы: 1) названия зерновых культур: *ород*, *орот*, потом *орооһон* «яровая рожь, ярица»; *яарса*, *яариса* (бур. *хара тарьян*) «ярица»; *шэниисэ* (бур. *улаан тарьян*) «пшеница»; *обеос*, *овес*

²¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. 3, вып. 1, Л., 1926, стр. 91.

²² В. Г. Егоров. Чувашско-русский словарь. Чебоксары, 1935.

²³ А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. Историческое развитие лексики тюркских языков, М., 1961, стр. 113.

В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, 1, стр. 120.

²⁴ А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. 1, 1955, стр. 324, 325.

«овес»; *ешмээн, ечмээн*, редко *халтар арбай, арбай* (зап.-бур). «ячмень»; *жэлеонхо, зеленко* «зеленка» (овес); *гиришүүхэ* «гречиха» и т. д.; 2) названия орудий производства земледелия: *шээрнэ (хадуур)* «серп», *ольтообхо, литообхо (хажуур, хадуур)* «литовка (коса)»; *молтши, молтиилхо* (от слова молотить), редко *цезп* или *бадууг* «цепь»; *хашиилха (морин, тракторна)* «сенокосилка»; *сортирообхо* «сортировка»; *безелхэ, безенхэ* «веялка»; *молотиилхо* «молотилка» (конная, тракторная); *плүүг, анзаһан* «плуг» (первоначально *анзаһан* обозначал «соху»); *борной, бурнай* «борона»; *лэмэг* «лемех»; *булхаа, балхууша, балахууша (набшуурга)* «волокуша»; *сохобоосхо* «зап.-бур. «соховозка», *жаатха* „жатка“ и др.

3) названия работ и обрабатываемых участков: *заалис, зайлса* «залежь»; *пааданха, паатанха* «падалица»; *паар* «пары»; *загуун* вост.-бур., *загам* зап.-бур. «загон»; *харшиваани, модо сэбэрлэлгэ* «корчевание»;

4) Названия хлебных злаков растений и их отходов: *мэхинэ* «мякина»; *солоомо, лооломон* «солома»; *ооторби, оотроб* «отруби»; *хоолос, хоолонсо*, редко *таряанай залаа* «колос»; *гуламняа, галамняа, галавняа* «головня»;

5) названия подсобных построек: *обин* «овин», *посхоод, посхоодин, посхооти* «поскотина»; *мужаа* «межа»; *амбаар, анбаар* «амбар»; *сүшээг, шүшээг* «сусек»; *заабедниг* «завозня»; *гааранса* «гарнцевый сбор»; *гумноо, гүмнөө* «гумно»;

6) меры весов и длины: *шээптүү, шээтврти* «четверть (гектара)»; *осьмуха, бошмууха* «восьмая часть га или чего-нибудь»; *дүшнэг, дистинэ, дистин* «десятина»; *пүүд* «пуд или 16 кг.», *пүүнтэ, һүүнтэ* «фунт»;

7) готовая продукция из зерновых культур: *хилээмэн, хилеэмэ* «хлеб печеный»; *халааша* «калачи», *хүүриигэ, хубриига* «коврига», *шаанги* «шаньга»;

8) названия огородных культур: *морхоог, морхооб, морхообхо* «морковь»; *эрепкэ, репхэ* «репка»; *хартаабха* хор. и зап.-бур., *хортообхо* селенг., агинск., *бүүльбэ* мухоршиб., *явалха* эх.-бул. «картофель»; *эредькэ, редьхэ* «редька»; *хапууса, капууста* «капуста»; *үгэрсэ, үгэрцэ* «огурцы».

Эти термины, заимствованные в более ранний период, подверглись серьезным фонетическим изменениям в бурятском языке, приспособились к нормам произношения его. Но заимствования советского периода в литературном языке пишутся почти без изменения.

В результате социалистических преобразований в сельском хозяйстве, быстрого развития сельскохозяйственной науки и техники, технологии производства сельскохозяйственной продукции бурятский язык еще более обогащается новыми земледельческими терминами и словами. Термины таких разделов земледелия, как мелиорация, сельскохозяйственное водоснабжение, механизация и электрификация сельского хозяйства, сельскохозяйственные вредители и болезни и метод борьбы с ними, плодоягодные культуры и прочие почти полностью заимствованы из русского языка. Например: агроном, мелиоратор, механизатор, *тракторна бригадын бригадир* «бригадир тракторной бригады», *агротехникэ* «агротехника», культиватор, трактор, комбайн, тракторист, комбайнер, луговод, зернопульт, стогометатель, зерносушилка, буртоукладчик, автопогрузчик, *силосорезкэ* «силосорезка» и т. д.

Отмечая влияние русского языка на развитие бурятского, Ц. Б. Цыдендамбаев подчеркивает, что «заимствования сильно обогатили словарный состав бурятского языка новыми понятиями и заметно раздвинули круг его предметно-тематической лексики, значительно дополнили и расширили синонимику нашего языка»²⁵.

Термины земледелия пополняются не только за счет заимствования. Для создания новых терминов используются и собственные языковые ресурсы.

Так, земледельческие термины образуются путем сочетания двух предметных имен или качественного и предметного имени. Например: *гар хажуур* «ручная коса», *модон тармуур* «деревянные грабли (ручные)», *морин тармуур* «конные грабли», *модон аса* «деревянные вилы», *түмэр аса* «железные вилы», *морин косилка* «конная косилка», *морин молотилка* «конная молотилка», *уһан тээрмэ* «водяная мельница», *хара тарьян* «ярица», *улаан тарьян* «пшеница», *халтар арбай* «ячмень».

Кроме того, термины земледелия могут быть образованы путем словосложения. Сложные слова образуются из двух синтаксически равноправных имен существительных. Например: *үбһэ хуряалга* «сеноуборка», *тарья хуряалга* «хлебоуборка», *үбһэ сабшалга* «сенокос, сеноуборочная работа», *тарья сохилго* «молотьба хлебов».

²⁵ Ц. Б. Цыдендамбаев. Влияние русского языка на развитие бурятского, Тр. БКНИИ, вып. 1, Улан-Удэ., 1959, стр. 102—103.

Некоторые термины образуют парное словосочетание, которое обычно используется в стилистических целях. Например, *лубаг канава* «канавка для орошения», *ороохо тарьян* «хлеб», *үрэнэ хурэнгэ* «семена».

Бурятский язык обладает многочисленными и разнообразными терминами животноводства. Из этого богатого запаса терминов образованы термины земледелия по признакам сходства, смежности и т. д. Например, слово *хэнээ* означает в животноводстве «молодняк позднего отела», а в земледелии — «отава, которая появляется поздней осенью после кошения»; *нюруун*, *нюрган* в животноводстве — «спина, спинной хребет», а в земледелии — «вершина зарода, скирда»; *хурэнгэ* в животноводстве — «семена или сперма», а в земледелии — «семенной материал, семена»; *далан* в животноводстве — «загривок (у лошади)», а в земледелии — «огрех при косье и пахоте»; *шудэн* в животноводстве — «зубы», а в земледелии — «зубья борон и граблей»; *лубаг харгы*, *субаса* в животноводстве — «узкая тропинка, по которой ходит скот», а в земледелии *лубаг* «канавка для орошения полей»; *мур* в животноводстве — «след кого-нибудь», а в земледелии — «прокос»; *эдисэ* в животноводстве — «захват ртом», а в земледелии — «захват косы»; *шэбхэ* в животноводстве — «помет, испражнения», а в земледелии — «прошлогодний навоз, навоз-удобрение»; *хабһан*, *хабирга* в животноводстве — «ребра», а в земледелии «боковая сторона зарода, скирда до вершины»; *һахал* в животноводстве — «бородка козы», а в земледелии — «усики, плети у растений»; *эмэ*, *эрэ* в животноводстве — «самец, самка», а в земледелии (*эмэ*, *эрэ шүрэб*) — «болты и гайки»; *уурхай* в животноводстве — «гнездо птиц», а в земледелии — «гнездо или луночка для посадки семян»; *зубалга* (*зоболго*) в животноводстве — «слабое, худое мясо», а в земледелии — «оставленные травы на прокосах»; *хальһан* в животноводстве — «оболочка, крышка», а в земледелии — «шелуха, оболочка»; *үзүүр* в животноводстве — «корень, основание», а в земледелии — «жниво, жнивье»; *харууһалха* в животноводстве — «ухаживать за молодняком и др.», а в земледелии — «ухаживание за культурными растениями» и т. д.

От бурятских и заимствованных русских слов образуются посредством аффиксов новые термины. При этом используются, например, следующие аффиксы: **-шан** — *штурвалшан* «штурвальщик», *сеялкашан* — «сеяльщик»,

косилкашан «косильщик, косарь», *огороодшон* «огородник», *таряшан* «земледелец, хлебопашец»; **-лан** — *сабшалан* «покос, сенокосные угодья», *хадалан* «поле, покос», *тарялан* «хлебные поля»; **-уур** — *баллуур* «размельчитель навоза», *тармуур* «грабли», *хадуур*, *хажуур* «серп, коса», *хагшуур*, *шэгшүүр* «сито, решето», *шэгнүүр* «весы»; **-до** *сортирообходохо* «сортировать», *хашилхадаха* «косить косилкой»; *молотиилходохо* «молотить молотилкой»; **-ло** — *борнойлхо* «боронить», *силоослохо* «силосовать»; *уһалха* — «поливать, орошать», *тошонлохо* «наледить», *бухаллаха* «копнить, ставить копны», *һурилхэ (сомоолхо)* «стоговать, скирдовать»; **-лга** — *шэрэлгэ* «возка хлеба или сена», *сохилго (таряа)* «молотьба хлебов», *хаялга (һури)* «метание зародов, скирдование».

Одним из способов обогащения терминов земледелия бурят является кальки и полукальки русских слов. Например: *таряа бэлэдхэл* «хлебозаготовка», *таряа тушаалга* «хлебосдача», *улаан ашаа* «красный обоз». К полукалькамам относятся: *набтар башни* «полубашня», *квадратно-гнездовой тарилга* «квадратно-гнездовой способ посева», *таряа сэбэрлэдэг машина* «зерноочистительная машина».

В связи с этим следует заметить, что заимствованная лексика, отражающая большие изменения в науке и технике, вытесняет из речи бурят термины убогой техники и мер измерения в пассивный запас словарного состава языка. Например: *эмэ анзаһан* бох. «женская соха», *эрэ анзаһан* бох. «мужская соха», *һомо орсоохой* «рассоха», *арбаа тэргэн* «телега», *эргэнэгтэй (дэрбэлгэтэй)* *ольтообхо* «коса с приспособлением для косьбы хлеба», *сабан* тюрк., *анзаһан* «соха», *молтии*, *цезп* «цепь», *бортого* «лукошко», *колесууха* «плуг-колесуха», *осьмууха* или *бушмуунха* «восьмушка, одна восьмая часть гектара», *дистиин*, *дистиинэ* вост.-бур., *дүшнэг* зап.-бур. «десятина или десятая часть гектара», *шээптүү*, *шээтлэртэ* «четверть гектара», *гурбан шээтлэртэ* «три четверти гектара», *гурбан бушмуунха* «три восьмых», *соотен* «сотня», *һүүнтэ*, *пүүнтэ* «фунт», *аршам* «аршин», *сажан* «сажень», *алда* «маховая сажень», *биршоог* «вершок».

Большим подспорьем обогащения бурятского литературного языка является приток терминов и слов из местных его говоров. Но богатейший словарный запас говоров пока используется недостаточно.

Бурятский язык нуждается в серьезном упорядочении

употребления сельскохозяйственных терминов. Так, в газете «Буряад үнэн» встречается разнбой в употреблении и переводе некоторых сельскохозяйственных терминов: *хур шэбхэ, хуушан шэбхэ, наг шэбхэ, шэбхэ, нэгшэһэн хуушан аргал шэбхэ, шэнэ шэбхэ шабааһан, нэгшээгдэһэн аргал шэбхэ, хохир шэбхэ, хонин наг шэбхэ* «навоз».

В данной заметке сделана попытка описать богатство и возможности образования земледельческих терминов бурят. Бурятский язык по части земледельческой терминологии несколько беднее, чем по животноводческой.

Однако в период развернутого строительства коммунизма термины земледелия значительно пополняются самобытными бурятскими словами и за счет словообразования. При этом нужно ориентироваться на неисчерпаемое богатство языка и разговорную речь бурятского народа.

ЗАМЕТКА О ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Буряты с древних времен занимаются животноводством. Жизнь бурята-скотовода была неразрывно связана с пятью видами скота — табан хушуу мал — рогатым скотом, лошадей, овцой, козой и верблюдом. Позже они стали разводить свиней и домашних птиц. Они разводили их заботливо и умело, ибо «скотоводство доставляло бурятам пищу, одежду и материал для устройства жилища — войлочных юрт»¹.

Не случайно в устном народном творчестве бурят широко находит свое отражение тематика животноводства. Большинство героев эпических произведений рисуется богатыми скотоводами: адаһатай баян гэгдэнэн, албататай үнэр үдэнэн «признанный богатым скотом, имеющий многочисленных подданных» (Абай Гэсэр хүбүүн), ара бэе таладаа арба мянган адуутай, үбэр бэе таладаа үй түмэн үхэртэй «на северной стороне имеет десять тысяч лошадей, а на южной стороне десять тысяч скота» (Айдуурай Мэргэн) и т. д. В этих произведениях выступают ханы, баторы, тэнгрии, чудовища, имеющие имена по названию домашних животных: Үхэр баян тэнгэри (Абай Гэсэр), Үхэр Богсо хаан (Осоодор Мэргэн), Азарга сагаан булжамуур (Абай Гэсэр) и др.

На протяжении многих веков бурятским народом создана богатая животноводческая терминология по всем названиям домашних животных с различением их по полу, возрасту и масти, анатомии и физиологии домашних

¹ История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, изд. 2-е, Улан-Удэ, 1954, стр. 23.

животных, продуктам животноводства, болезням и их лечению, по животноводческому хозяйству вообще.

Приведем несколько примеров. Возрастное название крупного рогатого скота: тугал «теленок», буруу «годовалый теленок», хашараг «двухгодовалый», гуан (о самцах) «трехгодовалый», гунжан (о самках животных) «трехгодовалая», дүнэн (о самцах) «четырёхлетний бычок», дүнжэн (о самках) «четырёхлетняя», дальше называют табатай үнеэн, табатай үхэр «пятигодовалая корова, пятигодовалый бык» и т. д.

По лошади: унаган «жеребенок», дааган «двухлетний», гуан (о самцах) «трехлетний», шүдэлэн (о самках) «трехлетняя», үрээ (о самцах) «четырёхлетний», хизаалан (о самках) «четырёхлетняя», табатай морин «конь по пятому году», хоёолон «кобылица по пятому году» и т. д.

В бурятском языке для окрика, позывания животных имеется много междометных слов с различием их по видам скота: для крупного рогатого скота (наа — междометие, обозначающее окрик со значением «стой», һэш — со значением «пошел», өө-өө или мөө-мөө для позывания), для овец (хулай — междометие со значением «стоп», тадь — со значением «пошел, прочь», дээрэй — для позывания, тээгэ — для вызывания чувства умиления овцы-матери, при отказе от ягненка, гүргы — восклицания, которыми заманивают ягнят для отделения их от маток) и т. д.

В бурятском языке по животноводству имеется много слов, общих для монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков: үхэр «рогатый скот, корова», мал «скот», агта «конь, рысак», гуан «трехгодовалый» (о самцах животных), боро «серый, сивый», айраг «кислое квашеное молоко» и т. д. Приведем примеры с конкретным указанием языков: 1) бух монг., калм., буха бур. «бык-производитель, пороз»; бука кирг., уйг., узб., бука каз., пуга хак., буга якут., азерб., к.-калп., буга тув. «бык-производитель»; буха гургу маньж. «дикий бык, буйвол», бугэ эвенк. «бык изюбря»; 2) тэхэ монг., бур., тек калм. «козел-производитель»; теке каз., к.-калп., туркм., г.-алт., кирг., турец., тэкэ башк. «козел-производитель»; тэхэ маньж. «дикий козел»; 3) гуна (н) монг. «трехлетний, трехлетний бычок», гуан бур., калм. «трехгодовалый, трехлетний (о самцах животных)»; күнан каз. «трехлетний (о самцах животных)»; куна к.-калп. «трехлетний жеребенок», куна г.-алт., күнэн кирг. «жеребенок по треть-

ему году»; 4) тэмээ (и) монг., бур., теман калм. «верблюд»; теве тув., чув., тибете хак., дэвэ азерб., турец., тимиан якут. «верблюд»; тэмэн маньчж., тэмэгэн, тэвен эвенк., тэмэн нан. «верблюд»; 5) хар монг., калм., хара бур. «черный, темный»; кара каз., кирг., г.-алт. «вороной (о масти)» кара уйг., тув., турец., гара азерб., кора узб., кара башк. «черный, темный»; кара маньчж. «вороной (о лошади)», кара эвенк. «черный (о лошади)» и т. д.²

Основными источниками образования животноводческих терминов служат, во-первых, словарное богатство самого бурятского языка и его диалектов, во-вторых, русские и интернациональные сельскохозяйственные термины, которые заимствуются бурятским языком.

Образование терминов на базе словарного богатства самого языка, как свидетельствует материал, происходило различными способами.

Термины, обозначающие названия самок животных, иногда и их возраста образованы с помощью аффиксов -гшан (-гшон, -гшэн), -жан (-жон, -жэн): улаагшан «краснуха» (о корове) от слова улаан «красный», борогшон «кобыла серой масти» от боро «серый», эрээгшэн «пеструха» (о корове) от эрэн «пестрый», дүнжэн «четырёхгодовалая» (о корове) от дүрбэн «четыре» (корень дү) и т. д. Для выражения уменьшительно-ласкательного оттенка употребляются аффиксы -аадай (-оодой, -ээдэй) и -хан (-хон, -хэн)

² Монг.— монгольское
Калм.— калмыцкое
Бур.— бурятское
Кирг.— киргизское
Уйг.— уйгурское
Узб.— узбекское
Каз.— казахское
Хак.— хакасское
Якут.— якутское
Азерб.— азербайджанское
К.-калп.— кара-калпакское
Тув.— тувинское
Маньчж.— маньчжурское
Туркм.— туркменское
Г.-алт.— горно-алтайское
Турец.— турецкое
Башк.— башкирское
Чув.— чувашское
Эвенк.— эвенкийское
Нан.— нанайское

хурьгаадай «ягненочек» от хурьган «ягненок», малаадай «теленок с белым пятном на лбу, т. е. с лысым лбом» от малаан «лысый», сагаадай «теленок белой масти» от сагаан «белый», эшэгэхэн «козленочек» от эшэгэн «козленок», унагахан «жеребеночек» от унаган «жеребенок». При помощи аффикса -шан (-шон, -шэн) образуются почти все термины, обозначающие профессии работников животноводческого хозяйства, например: малшан «скотовод, скотник» от мал «скот», хонишон «чабан, овцевод» от хонин «овца», үнеэшэн «дойрка» от үнеэн «корова».

Посредством синтаксического способа образуются различные термины по животноводству, характеризующие продуктивность, породу и другие качества скота. Например, со словом үнеэн можно образовать десятки различных сочетаний: наамхай үнеэн «дойная корова или дойная», хюнаран үнеэн «яловая дойная корова», хайдаг үнеэн «корова, доящаяся без теленка», лубай үнеэн «яловая корова или яловая», байтаһан үнеэн «корова яловая в течение подряд нескольких лет», симментал үнеэн «корова симментальской породы» и т. д.

Названия некоторых домашних животных в бурятском языке обычно используются для разграничения предметов и явлений по видовым признакам, по величине и размеру. Сравни: үрмэдэлэн «полынь» и морин үрмэдэлэн «чернобыльник, полынь обыкновенная» (букв. конь-полынь), үбһэн «сено, трава» и ямаан үбһэн «вероника или белойлочная» (букв. коза-трава), арса «можжевельник» и хонин арса «можжевельник казацкий» (букв. овца-можжевельник), үхэр арса «багульник болотный» (букв. корова-можжевельник), ямаан арса «можжевельник сибирский» (букв. коза-можжевельник), хурьган арса «можжевельник курчавый» (букв. ягненок-можжевельник), шоргоолжон «муравей» и үхэр шоргоолжон «лесной муравей» (букв. бык-муравей), хулгана «мышь» и морин хулгана «полевая мышь» (букв. лошадь-мышь), хараасгай «ласточка» и хонин хараасгай «ласточка береговая» (букв. овца-ласточка), тэмээн хараасгай «стриж» (букв. верблюд-ласточка), үхэр хараасгай «ласточка деревенская» (букв. корова-ласточка), морин хараасгай «ласточка-касатка» (букв. лошадь-ласточка), самса «рубаха» и морин самса «длинная и большая рубаха» (букв. лошадь-рубаха), туулган «свинец» и хонин туулган «олово» (букв. овца-свинец), буу «ружье» и үхэр буу «пушка» (букв. бык-ружье), хонин

зан «безобидный характер» (букв. овца-характер), шулуун «камень» и адуун шулуун «большой камень» (букв. конь-камень) и т. д.

А в таких сочетаниях слов, как үхэр нюдэн «черная смородина» (букв. корова-глаза), морин пряник «фигурные пряники» (букв. копь-пряник), ямаан һахал «козлиная борода» (букв. коза-борода) названия животных показывают сходство определяемых этими словами предметов с соответствующими животными.

Некоторые термины, слова и выражения, употребляющиеся в области животноводства, используются также в составе фразеологических выражений, т. е. в переносном фигурном значении: соохор мори хатаргаха «играть в карты» (букв. пустить рысью чубарого коня), табиһаар жороо «речистый, говорливый» (о человеке) (букв. с места идущий иноходью), хэбтэһэн хони бодхоохогүй хүн «безобидный, мягкий человек» (букв. человек, который не поднимет лежащую овцу), буруугай бэлшээриһээ сааша гараагүй хүн «о неопытном человеке» (букв. человек, который не выходил дальше пастбища для телят и т. д.).

В бурятском языке встречаются имена людей, образованные от названий животных: Буха — «бык», Азарга — «жеребец», Эшэгэн или Эшэгээдэй — «козленок или козленочек», Хуса — «баран», Хурьган или Хурьгаадай — «ягненок или ягненочек», Тэхэ — «козел» и др.

В послеоктябрьский период животноводческая терминология бурятского языка значительно пополнилась за счет заимствованных терминов из русского языка или через него из других языков. Например: бруцеллез, бонитировка, ацидофилин, фермэ, центрифуга, зоотехник, ветпункт и т. д. Наряду с заимствованием готовых терминов бурятский язык путем калькирования создает новые термины: авто-уһалалга «автопоение», электро-һаалга «электродойка», һү һаалгын машина «доильная машина».

Ранние заимствования из русского языка, вошедшие в бурятский язык через живое общение, изменили свой фонетический облик и в большинстве своем пишутся по-бурятски: хомууд «хомут», гүүжэ «гужи», сэртеэниг «черепаха», сопоон «супонь» и т. д.

Наблюдается также обратный процесс, когда некоторые бурятские термины по животноводству перенимаются местным русским населением ввиду того, что в русском языке отсутствуют соответствующие однословные термины.

ны: бурун «теленек до года», хачерик «двухлетний бычок» гуижан «трехлетняя» (о корове).

Теперь кратко коснемся вопроса о переводе животноводческих терминов на бурятский язык. Просмотр и сравнение соответствующей литературы показывает, что в практике перевода терминов и слов животноводства наблюдается ряд недостатков. Прежде всего обращает на себя внимание разноречивость в переводе одного и того же термина.

Так, термин «цельное молоко» переводится по-разному: шэнэ хүн³, сэбэр хүн⁴, машинадагдаагүй хүн⁵, хайн хүн⁶, хайхан хүн⁷, хааһаар хүн⁸. Наиболее правильным представляется нам вариант машинадагдаагүй хүн.

Порой встречаются и громоздкие выражения. Например, выражение «метод холодного воспитания» переводится тугалнуудые хүйтэн байрада байлгажа түлжүүлхэ арга метод (7 слов). Лучше было бы: тугалнуудые хүйтөөр түлжүүлхэ арга. Или же «подсосно-поддойный метод выращивания телят» — хаажа хүхүүлжэ байгаад, тугалнуудые тэнжээдэг арга метод К. А. Васильев. «Памятка по приему и выращиванию молодняка на животноводческих фермах» (Улан-Удэ, стр. 23). Более соответствовало бы выражение: тугалнуудые эхэдэнь табижа хаагаад, тэнжээдэг арга. Здесь более конкретно передается смысл подсосно-поддойного метода.

Иногда в переводной литературе наблюдаются и такие факты, когда переводчики оставляют непереуведенной массу терминов, хотя для нее в бурятском языке можно найти точные эквиваленты. Например, вместо чабанска бригада — хонин бригада, вместо пастух — үхэршэн, адуулгашан и т. д.

³ В. П. Котлыкова. «Красный опытник» колхозой хаамхай үнээдэй фермын ажалай дүй дүршэл, Улаан-Удэ, 1959, стр. 8.

⁴ К. Т. Муников, Ж. С. Содномов. Мяхан болохо эбэртэ бодо малые томо болгохо, бэлшээн таргалуулха, шахала тухай, Улаан-Удэ, 1959, стр. 5.

⁵ Там же, стр. 5.

⁶ Там же, стр. 10.

⁷ М. М. Старцева. Племенной тугалнуудые түлжүүлдэг минни дүй дүршэл, Улаан-Удэ, 1955, стр. 10.

⁸ В. Ю. Ламкина. Бурят-Монголдо эбэртэ бодо малай үрэгүйдэлгэ ба һубайралга, тэдэнтэй тэмсэхэ хэмжээнүүд, Улаан-Удэ, 1956, стр. 58.

Хуже того остаются непереведенными целые сочетания слов или переводятся непонятно и растянута.

Например, в книге И. М. Хамаганова «Передовые методы работы в свиноводстве» (Улан-Удэ, 1958), предложение «Из весенних поросят, полученных от основных маток, после отбора свинок на ремонт отбирают свинок с большим живым весом и хорошим сложением для получения от них одного опороса» (стр. 5) переводится следующим образом: «Фермынгээ үдэбэрийн эхэ гахайнуудай хабар гаргаһан поршоонхонуудһаа үдэбэрийн эхэ гахайнуудые һэльбэхэ поршоонхонуудые илгажа абаһанай һүүлээр, амидын шэгнүүри ехэтэй, һайн бэетэй эмэ гахайнуудые, нэгэ дахин түрүүлхын тулада, илгажа үлөөдэг юм». Перевод получился явно неудачным, носит длинный и непонятный характер:

Или же предложение: «Повышение жизнеспособности и энергии роста особенно сильно проявляется у помесных поросят первого поколения, поэтому при промышленном скрещивании следует пользоваться чистопородными хряками сибирской северной породы или сибирской чернопестрой породной группы, а ремонтных свинок надо выращивать от чистопородных хряков крупной белой породы (И. Хамаганов «Передовые методы..», стр. 8) переводится: «Холимог үүлтэрэй гахайнуудһаа түрэнэн эгээн түрүүшын жэлэй поршоонхонууд ажа-амидархадаа һайн ба түргөөр ехэнүүд болодог, тиймэ туладань гүрэндэ тушааха холимог үүлтэрэй гахайнуудые абахаяа сибириин хойто зүгэй гү, али сибириин хара соохор сэбэр үүлтэрэй эрэ гахайнуудые хэрэглэхэ, харин үдэбэрийн эхэ гахайнуудые абахын тулада томо сагаан үүлтэрэй эрэ гахайнуудые хэрэглэхэ зэргэтэй».

Таким образом, в бурятском языке весьма широко представлена животноводческая терминология. Она заслуживает более обстоятельного исследования.

О ПЕРЕВОДЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ НА БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК

Фразеологические единицы, придающие языку красочность и живость, обладают, как известно, богатыми экспрессивно-стилистическими оттенками. Поэтому перевод фразеологизмов представляет большие трудности.

Исходя из наличия в бурятском языке, так же как и в русском, трех фразеологических групп (фразеологических срращения, фразеологических единств и фразеологических сочетаний¹), можно установить следующие основные способы перевода: а) подбор полных соответствий в языке перевода; б) подбор аналогичных по смыслу фразеологических единиц; в) дословный перевод фразеологизмов (калькирование) и г) смысловой (описательный) перевод.

Лучшим способом передачи русской фразеологии на бурятский язык является подбор соответствующих по смыслу фразеологизмов. Поэтому правильно поступают те переводчики, которые используют русско-бурятские фразеологические эквиваленты и аналоги. Например, русскому изречению «напасть на горячие следы» полностью соответствует бурятское выражение «халуун муртэ орохо». Выражению «обливаться холодным потом» также полностью соответствует бурятское: «хүйтэн хүлһөө адхарха». Однако количество таких фразеологических единиц в русском и бурятском языках сравнительно немного.

Значительно чаще встречаются аналогичные между собой по смыслу русско-бурятские фразеологизмы. Так, русскому фразеологизму «скоро пойдешь — ногу

¹ Данная классификация предложена академиком В. В. Виноградовым.

ушибешь» вполне соответствует бурятское выражение «түр-гэдэжэ ябаһаар түриигөө һэтэ гэшхэхэ», т. е. поспешишь — голенище себе изорвешь. Или возьмем известное русское изречение «не верь козлу в капусте, а волку в овчарне». Подобная же фразеологическая единица имеется и в бурятском языке: «Хобдог хүниие хонишон бү болго, хомхой хүниие тогошон бү болго», т. е. жадному человеку не доверяй овец, скупому человеку не доверяй кухню. Эти выражения не являются полными соответствиями, но по содержанию они вполне адекватны.

При отсутствии в бурятском языке соответствующего эквивалента или аналога приходится использовать другой способ перевода: дословный перевод (калькирование).

Калькирование возможно только при том условии, если сохраняются значение и образность переводимого выражения. В этой связи важно отметить, что при дословном переводе русские изречения должны звучать на бурятском языке как фразеологические выражения. Иначе говоря, надо воссоздать их на нашем языке так, чтобы они могли в нем укорениться. Можно привести множество примеров, когда в процессе творческого перевода создаются новые фразеологизмы, которые обогащают бурятский язык. Так, русское изречение «шалишь, кума, не с той ноги плясать пошла» передается в бурятском языке весьма удачно: «Худагы, эндүүрбэт, хүхин гээд, хүлөө алдабат»². Выражение «посеешь в срок — урожай будет высок» переведено творчески: «Хаһа болзортонь тарибал, хабархамаар ургаса гарахал»³. В данных пословицах сохраняется не только их смысл, но и соблюдена аллитерация (худагы — хүхин — хүлөө; хаһа — хабархамаар), поэтому эти калькированные фразеологизмы звучат как отшлифованные изречения. Или фразеологическая единица «один за всех, все за одного» переводится способом калькирования: «Хүн бүхэн бултанайнгаа түлөө, бултадаа нэгэнэйнгээ түлөө»⁴. Русское выражение «куй железо, пока горячо» можно калькировать «түмэрэй халуун дээрэ дабта»⁵.

Однако дословный перевод не должен привести к мало-

² Ц. Б. Б у д а е в. Словарь русско-бурятских адекватных пословиц и поговорок, Улан-Удэ, 1959, стр. 173.

³ Т а м ж е, стр. 138.

⁴ Н. С. Х р у щ е в. Советскэ Союзай Коммунистическэ партияи программа тухай, Улаан-Удэ, 1961, хууд. 102.

⁵ Словарь русско-бурятских адекватных пословиц и поговорок, стр. 141.

понятному буквализму. А такие случаи нередко наблюдаются в переводческой практике.

В тех случаях, когда невозможно использовать указанные три способа нужно прибегать к способу описательного перевода. В данном случае передается общий смысл фразеологической единицы при помощи свободного словосочетания. Например, образная фраза «в этом гвоздь вопроса» переведена свободным сочетанием слов «гол удхань имэ байна»⁶. Выражение «хоть шаром покати» передано словосочетанием «оройдоо хоолон»⁷. В предложении: «Обождите, мы вам еще покажем кузькину мать» выражение «покажем кузькину мать» переведено сочетанием слов: «Шадалаа харуулха байхабди»⁸.

Правда, описательный перевод обедняет переводимые фразеологизмы, делает их менее выразительными. Но, как говорится, «лучше нет, так хорош и этот» (между прочим, на бурятском языке этому выражению соответствует «на-ранай үгьдэ парашье гэрэл болодог», т. е. когда нет солнца, светит и луна).

Выбор того или иного варианта перевода зависит от характера фразеологизма. Так, способы перевода **фразеологических сращений** определяются их основной семантической особенностью — необусловленностью и немотивированностью входящих в них слов, неделимостью их компонентов. Отсюда при переводе сращений невозможно пользоваться ни дословным переводом, ни эквивалентами. При передаче на бурятский язык фразеологических сращений главным образом используется смысловой перевод. Так, фразеологическое сращение «диву даваться» можно передать в бурятском языке словами «гайхахын ехээр гайхаха». Или сращение «спустя рукава» можно перевести «хайша хэрэг (юумэ хэхэ)».

Иногда русские фразеологические сращения имеют в бурятском языке образные аналоги. Например, выражению «бить баклуши» аналогично фразеологическое сращение «нэлэн хатарха». Сращение «у черта на куличках» можно перевести: «Газарай габада, гадаһанай нүхэндэ».

⁶ В. И. Ленин. Тохёолдохоёо байгаа ажахын унал хандарал ба тэрээнтэй хайшац гэжэ тэмсэхэ тухай, Улаан-Үдэ, 1957, хууд. 38.

⁷ М. Е. Салтыков-Щедрин. Шэлэгдэмэл онтохонууд, Улан-Удэ, 1950, хууд. 122.

⁸ Н. С. Хрущёв. Советскэ Союзай Коммунистическэ партиин XXII съезддэ КПСС-эй ЦК-гай хэлэн тоосоон, Улаан-Үдэ, 1961, хууд. 90.

Основные способы перевода **фразеологических единств** также вытекают из их главной семантической особенности. Фразеологические единства также неделимы по смыслу, но связь их компонентов, в отличие от фразеологических сращений, мотивирована. Поэтому при переводе фразеологических единств широко используются полные соответствия, аналоги, а также кальки. Приведем примеры использования полностью соответствующих фразеологических единств: «Трус собственной тени боится» соответствует «аймхай хүн һүүдэрһээн айдаг»⁹; «наострить язык» вполне соответствует выражению «хэлэ амаа үзүүрлэхэ»¹⁰; «отсохни твой язык!» соотв. «хэлэ амаа хата!»¹¹; «поставить на ноги» соотв. «хүл дээрэнь гаргаха»¹². Примеры аналогичных фразеологических единств: выражение «из огня да в полымя» сходно с изречением «утаанһаа тэрьелээб гэжэ, галда оробо»¹³; «ни сучка, ни задоринки» соотв. «өө мөөгүй»¹⁴; «мышь сыта — и мука горька» вполне соответствует по смыслу «садахада сагаан хурьганай һүүл амтагүй»¹⁵; «еле-еле душа в теле» соотв. «арай голтой (байха)»¹⁶. Примеры калькирования: «Беречь как зеницу ока» — «нюдэнэйнгөө сэсэги мэтээр гамнаха»¹⁷; «лучше меньше, да лучше» — «багашье һаа, һайниинь дээрэ»¹⁸ и т. д.

Путь использования уже имеющейся в языке перевода адекватных фразеологизмов применим при том условии, если они не связаны географически и исторически с бытом только одного народа.

Перевод **фразеологических сочетаний**, являющихся мотивированными аналитическими образованиями, не представляет особых трудностей. Так как многие фразеологические сочетания являются эквивалентами слов, то они могут быть переведены соответствующим словом. На-

⁹ Словарь русско-бурятских адекватных пословиц и поговорок, стр. 59.

¹⁰ Там же, стр. 77.

¹¹ Там же, стр. 78.

¹² Там же, стр. 143.

¹³ Там же, стр. 13.

¹⁴ Там же, стр. 151.

¹⁵ Там же, стр. 168.

¹⁶ Там же, стр. 148.

¹⁷ Там же, стр. 38.

¹⁸ В. И. Ленин. СССР-тэ социализм, коммунизм байгуулгын асуудалнууд, Улаан-Үдэ, 1960, хууд. 67.

пример, выражение «перегнуть палку» можно передать словом «хэтэрүүлхэ»¹⁹, фразеологизм «подливать воду на мельницу» можно перевести «туһалха»²⁰, сочетание «положить под сукно» — «дараха»²¹. Фразеологическое сочетание «клевать носом» соответствует слову «нажаха», а «водить за нос» — «мэхэлхэ» и т. п. Другие фразеологические сочетания передаются в бурятском языке эквивалентными сочетаниями. Так, выражение «принимать во внимание» переводится «анхаралдаа абаха»; «сосчитать по пальцам» — «хургаа даран тоолохо». Сочетание «прийти с пустыми руками» можно передать эквивалентом «гар хооһон ерэхэ», «задирать нос» — «хамараа үргэхэ».

Следует отметить, что наши переводчики в целом умело используют указанные выше основные способы передачи русской фразеологии на бурятский язык. Так, например, вполне удачно переведены фразеологические единицы во многих произведениях В. И. Ленина и в материалах XXII съезда партии. Приведем несколько фактов. Выражение «теперь все висит на волоске» передано «бүхы юумэн мүнөө хилгаһанай эрмэг дээрэ торолдоод байна»²². Фразеологизм «не оставить камня на камне» переведен «үнэнэн тоборог болгохо»²³. Фразеологическая единица «без всякого зазрения совести» в переводе на бурятский язык звучит «эшэхэ нюургүйгөөр»²⁴. Изречение «человеки в футляре» передано «хамарайнгаа үзүүрһээ сааша харадаггүй хүнүүд»²⁵. Или русская поговорка «как аукнется, так и откликнется» переведена вполне соответствующей бурятской: «Өөдэнь хаяһан шулуун өөрын толгойдо бууха»²⁶. Выражение «мал золотник, да дорог»

¹⁹ В. И. Ленин. СССР-тэ социализм, коммунизм байгуулгын асуудалнууд, Улаан-Үдэ, 1960, хууд. 49.

²⁰ В. И. Ленин. Демократическа революцида социал-демократин хоёр тактика, Улаан-Үдэ, 1954, хууд. 97.

²¹ В. И. Ленин. Тохболдохоёо байгаа ажахын үнал һандарал ба тэрээнтэй хайшан гэжэ тэмсэхэ тухай, Улаан-Үдэ, 1957, хууд. 35.

²² В. И. Ленин. ЦК-гай гэшүүдтэ бэшэг, Улаан-Үдэ, 1957, хууд. 37.

²³ В. И. Ленин. Гүрэн ба революци, Улаан-Үдэ, 1952, хууд. 123.

²⁴ В. И. Ленин. Демократическа революцида социал-демократин хоёр тактика, Улаан-Үдэ, 1954, хууд. 131.

²⁵ В. И. Ленин. Большеви́гүүд гүрэнэй засагыг гартаа баряад байжа шадаха гү?, Улаан-Үдэ, 1957, хууд. 49.

²⁶ Н. С. Хрущёв. Советскэ Союзай Коммунистическэ партиин XXII съезддэ КПСС-эй ЦК-гай хэһэн тоосоом, Улаан-Үдэ, 1961, хууд. 35.

передано аналогичным же изречением «багаханшые наа, бад гэмэ»²⁷. Фразеологическая единица «попасть в рай» переведена весьма колоритным бурятским эквивалентом: «Диваажанай орондо орохо»²⁸.

Итак, переводчиками использованы здесь наиболее предпочтительные способы перевода — эквиваленты и аналогии, обеспечивающие полноценность передачи русских фразеологизмов на бурятский язык.

Наряду с этим необходимо заметить, что в переводческой практике нередко встречаются неудачные переводы фразеологических единиц. Основным недостатком здесь являются, пожалуй, буквализм и неточное использование тех или иных способов перевода. Например, русскому выражению «взялся за гуж, не говори, что не дюж» по смыслу вполне соответствует образное бурятское выражение: «Зай гэбэл — зуу үгы»²⁹. Между тем названная фразеологическая единица переведена описательным способом («нэгэтэл эхилээ хадаа, захадань гараха хэрэгтэй»³⁰), в результате чего она лишилась своей красочности. Выражение «не давши слова — крепись, а давши — держись» переведено буквально («үгээ үгөөгүй наа — бүхэ бай, үгээ үгөө наа — хэлэнэн үгэдөө хүрэхэ хэрэгтэй»³¹), тогда как в бурятском языке имеется ряд соответствующих образных выражений: «Хэлэнэн үгэдөө хүрэхэ, эхилэнэн ажалаа бүтээхэ»; «хэлэнэн үгэдөө эзэн болохо, хэнэн хэрэгээрэ баагар болохо», «хэлэнэндээ хүрэхэ, зориноноо дүүргэхэ»³² и т. п.

Классики марксизма-ленинизма выступали против буквализма в переводе. Маркс считал, например, переводчика Ж. Руа большим знатоком как немецкого, так и французского языков. Тем не менее, говоря о недостатках в

²⁷ Там же, стр. 31.

²⁸ Н. С. Хрущев. СССР-эй арадай ажахые 1959—1965 онуудта хүгжөөхэ даабарита тоонууд тухай, Улаан-Үдэ, 1959, хууд. 100.

²⁹ Словарь русско-бурятских адекватных пословиц и поговорок, стр. 29.

³⁰ Н. С. Хрущев. Партийн XX съезддэ Советскэ Союзай Коммунистическэ партийн ЦК-гай тоосоото элидхэл, Улаан-Үдэ, 1956, хууд. 153.

³¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Шэлэгдэмэл онтохонууд, хууд. 35.

³² Словарь русско-бурятских адекватных пословиц и поговорок, стр. 8.

переводе «Капитала», он отмечал, что Руа «переводил чересчур буквально» и из-за этого Маркс был вынужден «переделять по-французски целые отрывки, чтобы приспособить их для французской публики»³³. Таким образом, Маркс указывает, что буквальный перевод наносит ущерб доступности переводимого материала для читателей.

Кроме того, буквальный перевод имеет и другой недостаток. Это то, что буквализм лишает красочности языка оригинала. В письме к Марксу Энгельс, говоря о переводе «Капитала», отмечал: «Вчера читал я во французском переводе главу о фабричном законодательстве. При всем почтении к искусству, с которым эта глава переведена на изящный французский язык, мне все же жалко прекрасной главы. **Сила, сочность и жизнь** — все пошло к черту (подчеркнуто мною—Ц. Б.). Возможность для писателя изящно выражать свои мысли покупается за счет кастрации языка... Перестановка предложений, к которой принуждают правила педантичной формальной логики, отнимает у изложения всякую яркость, всякую живость»³⁴. Итак, Маркс и Энгельс заботились не только о правильной передаче смысла, но и о том, чтобы в переводе была правильно передана эмоционально-стилистическая окраска оригинала.

Огромный интерес представляют указания В. И. Ленина по вопросам перевода. Сознвая трудности перевода, Ленин также отмечал о необходимости точной передачи содержания оригинала и соблюдения его выразительности с помощью разнообразных средств родного языка.

Классики марксизма-ленинизма предъявляли переводчикам исключительно высокие требования. Они говорили, что переводчик должен идеально знать тот язык, на который он переводит, и язык, с которого переводит, причем не только литературный язык, но и местные диалекты, фразеологизмы и языковой стиль автора.

Переводчик должен знать также и тот предмет, о котором идет речь в переводимом материале. «Если не соблюдено хоть одно из этих условий, то вам лучше вовсе не браться за перо, потому что ваш перевод будет плох, и вы

³³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 26, стр. 260.

³⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 423.

только введете читателя в заблуждение»³⁵, — писал Г. В. Плеханов.

Итак, выбор того или иного пути перевода в значительной степени зависит от мастерства переводчика. Само собой разумеется, что невозможно дать готовые рецепты на все случаи переводческой деятельности. Здесь вопрос решается сообразно с требованиями контекста. Общий же принцип может заключаться только в том, что необходимо сохранить всю силу и образность фразеологических единиц оригинала, подыскать для них равноценные выражения.

³⁵ Г. В. Плеханов. Искусство и литература, М., 1948, стр. 835.

СОДЕРЖАНИЕ

Ц. Б. Цыдендамбаев. О стилистической дифференциации лексики бурятского языка	3
А. А. Дарбеева. К вопросу о парных словах в бурятском языке	15
У.-Ж. Ш. Дондуков. Парное словообразование имен существительных в бурятском языке.	29
Л. Ш. Шагдаров. О новых правилах бурятской орфографии.	47
Э. Р. Раднаев. Об учебных грамматиках по бурятскому языку.	77
И. Д. Бураев, Ц. Ц. Цыдыпов. О грамматической терминологии современного бурятского языка.	93
Д. Г. Дамдинов. О земледельческой терминологии бурятского языка.	103
Н. Б. Дугаров. Заметка о животноводческой терминологии бурятского языка.	113
Ц. Б. Будаев. О переводе русской фразеологии на бурятский язык.	121

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРНОГО БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Редактор ред.-изд. отдела *Г. Г. Богданов*
Корректоры *Е. Н. Рымаренко,*
М. М. Халматова
Тех. редактор *Д. Б. Батоциренова*

Сдано в набор 9/XII-1962 г. Подписано к печати 28/V-1963 г.

Заказ № 7086. Тираж 500. Усл. печ. л. 6,5

Уч.-изд. л. 6,57 Формат 84×108¹/₃₂. Цена 26 коп. Н-01046

Типография Министерства культуры БурАССР

Цена 26 коп.